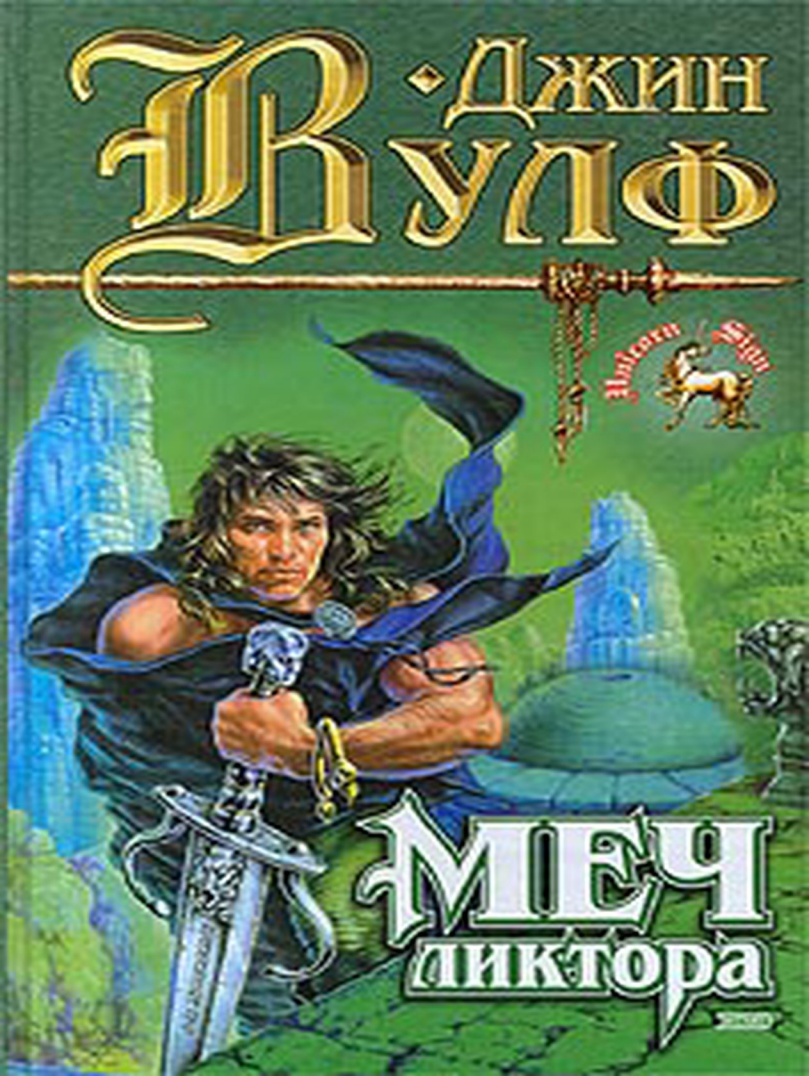
Джин Вулф



Меч диктора

Цитадель автарха
Джин Вулф

Аннотация
Джин Вулф. Цитадель автарха
1. МЕРТВЫЙ СОЛДАТ
2. ЖИВОЙ СОЛДАТ
3. СКВОЗЬ ПЫЛЬ
4. ЛИХОРАДКА
5. ЛАЗАРЕТ
6. МИЛЕС, ФОЙЛА, МЕЛИТО И ХАЛЬВАРД
7. ИСТОРИЯ ХАЛЬВАРДА: ДВА ОХОТНИКА ЗА ТЮЛЕНЯМИ
8. ПЕЛЕРИНА
9. ИСТОРИЯ МЕЛИТО: ПЕТУХ, АНГЕЛ И ОРЕЛ
10. АВА
11. ВЕРНЫЙ ГРУППЕ СЕМНАДЦАТИ – ИСТОРИЯ О СПРАВЕДЛИВОМ ЧЕЛОВЕКЕ
12. ВИННОК
13. ИСТОРИЯ ФОЙЛЫ: ДОЧЬ АРМИГЕРА
14. МАННЕА
15. ПОСЛЕДНЯЯ ОБИТЕЛЬ
16. АНАХОРЕТ
17. РАГНАРЕК – ПОСЛЕДНЯЯ ЗИМА
18. ПРОСЬБА ФОЙЛЫ

19. ГУАЗАХТ
20. ПАТРУЛЬ
21. ВЫСТУПАЕМ
22. БИТВА
23. МОРСКОЙ СТРАННИК ЗАВИДЕЛ ЗЕМЛЮ
24. ФЛАЙЕР
25. МИЛОСЕРДИЕ АГИИ
26. НАД ДЖУНГЛЯМИ
27. ПЕРЕД ВОДАЛУСОМ
28. НА МАРШЕ
29. АВТАРХ СОДРУЖЕСТВА
30. КОРИДОРЫ ВРЕМЕНИ
31. ПЕСЧАНЫЙ САД
32. «САМРУ»
33. ЦИТАДЕЛЬ АВТАРХА
34. КЛЮЧ К ВСЕЛЕННОЙ
35. ПИСЬМО ОТЦА ИНИРА
36. О ФАЛЬШИВОМ ЗОЛОТЕ И ГОРЕНИИ
37. СНОВА ЧЕРЕЗ РЕКУ
38. ВОСКРЕШЕНИЕ
ПРИЛОЖЕНИЕ. ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ АВТАРХА И КОРАБЛИ ИЕРОДУЛОВ

Аннотация

Как утверждает Джин Вулф, рукопись этой книги неведомым образом попала к нему из далекого будущего, и он – не автор ее, а лишь переводчик. Читателю, в чьих руках она окажется, предоставляется уникальная возможность пройти бок о бок с ее главным героем трудный и опасный путь, пережив неповторимые приключения. Здесь Северьян, бывший подмастерье гильдии палачей, странствует во времени и пространстве. Среди петляющих улочек Тракса, на горных тропах или в самом пеклебоя будьте внимательны – ведь любая, с первого взгляда незначительная деталь может послужить ключом к разгадке одной из тайн, что разбросаны по всему тексту. И когда ваши дороги наконец разойдутся, вы еще долго будете глядеть вслед удаляющейся фигуре, гадая, тот ли это Северьян, что казался такимзнакомым вам и самому себе…

Джин Вулф
Цитадель автарха

Ровно в два часа пополуночи,
если есть окно на примете,
глянь наружу – ступает Ветер,
еле слышно к солнцу взывая.
А в ответ зашепчут деревья,
заискрятся при лунном свете.
И пусть ночь черна и бездонна,
знай – проходит пора ночная.

1. МЕРТВЫЙ СОЛДАТ

Мне никогда не доводилось видеть войну, я даже не говорил о ней ни с кем, кто ее видел, но я был молод, знал кое-что о насилии и поэтому думал, что война — это не больше, чем просто новые ощущения, как, например, ответственный пост в Траксе или, скажем, побег из Обители Абсолюта.

Нет, война — не новое ощущение, это целый новый мир. Его обитатели отличаются от человеческих существ больше, чем Фамулимус и ее друзья. Там свои особые законы и даже другая география, в соответствии с которой незначительные холмы и низменности приобретают важность крупных городов. Как наш Урс носит чудовищных Эребуса, Абайю и Ариоха, так в мире войны бродят монстры, называемые сражениями, отдельные клетки которых — это личности, но у них есть своя жизнь и собственный интеллект, и к ним приближаешься сквозь сгущающийся сон предзнаменований.

Однажды ночью я проснулся задолго до рассвета. Все вокруг казалось притихшим, я испугался,

что ко мне незаметно подкрался противник, поэтому сознание предостерегло меня об угрозе. Я поднялся на ноги и огляделся. В ночной тьме терялись очертания дальних холмов. Я стоял в зарослях высокой травы, где вытоптал себе лежбище. Слышался стрекот сверчков.

Мой взгляд заметил нечто странное в северной части небосклона, какую-то вспышку фиолетового света, как раз на линии горизонта. Я вгляделся в точку, из которой исходил этот свет. Когда я уже убедил себя, что то был лишь обман зрения или побочный эффект от снадобья, которое мне дали в доме старейшины, чуть левее той точки, на которую я смотрел, вспыхнул ярко-пурпурный отсвет.

Я продолжал наблюдать целую стражу или дольше, за что иногда получал вознаграждение в виде чудесной картины таинственной игры света. Убедившись наконец, что эти световые явления происходят далеко от меня и не приближаются, а частота их не изменяется, составляя в среднем пять сотых от частоты моего сердцебиения, я снова лег. К тому времени я окончательно проснулся, поэтому явственно ощутил сотрясение земли под собой, хотя и очень слабое.

Когда я снова открыл глаза утром, земля пере-

стала дрожать и фиолетовое свечение пропало. Я старательно наблюдал за небом на горизонте, но ничего тревожного не заметил.

Я не ел два дня, но не был голоден, хотя знал, что сил осталось немного. В тот день я дважды натыкался на маленькие разрушенные до основания домики и заходил в каждый из них в поисках пищи. Если там что-то и оставалось, то все давным-давно забрали другие посетители, и даже крысы ушли. Во втором доме был колодец, но много дней назад туда бросили что-то мертвое, и в любом случае я не мог бы добраться до вонючей воды. Я пошел дальше, мечтая о питьевой воде и прочной палке — на нее можно было бы опереться вместо тех гнилых деревяшек, которыми приходилось пользоваться. Когда в горах я использовал в качестве палки «Терминус Эст», я понял, насколько легче с ним шагать.

В полдень я вышел на тропу и дальше продвигался, не сворачивая с нее, однако вскоре услышал топот копыт. Найдя укрытие, я стал наблюдать за дорогой. Секунду спустя на холм выехал всадник и проскакал мимо. Я видел его лишь мгновение, но успел заметить на нем доспехи, какие носят командиры димархиев Абдиеса, однако капюшон всадника был красного цвета,

а не зеленого, шлем был украшен козырьком, похожим на клюв. Кем бы ни был этот всадник, экипирован он был отменно. С морды его коня летела пена, но он мчался во весь опор, будто только что на бегах опустилась стартовая хлопушка.

Раз мне повстречался один всадник, то могли быть и другие. Но никто больше не появлялся. Я долго шел в тишине, нарушаемой только пением птиц. По дороге я не раз замечал следы, указывающие на то, что здесь водится много дичи. Затем, к моему неописуемому восторгу, тропа вывела к ручью. Я нашел место поглубже, где дно было устлано белой галькой, заметил пескарей, прыснувших в разные стороны от моих сапог, — верное свидетельство чистоты ручья. Стекавшая с горных вершин вода была холодная и приятная на вкус — она еще хранила память о снеге. Я пил и пил, не в силах оторваться, потом вошел в воду и вымылся. Освежившись и одевшись, я вернулся на то место, где тропа пересекала ручей. На другом берегу ручья я увидел две вмятины в мягкой земле, явно оставленные лапами какого-то животного. Следы располагались рядом друг с другом — животное явно присело у воды, утоляя жажду, — и перекрывали углубления, оставленные копытами лошади проехавшего

офицера. Каждый след был величиной с обеденную тарелку, но никаких царапин от когтей я не заметил. Старый Милан, служивший егерем у моего дяди, когда я был девочкой Теклой, однажды рассказал, что смилодоны пьют воду только после обильного принятия пищи, и тогда, утолив голод и жажду, они становятся неопасными, если им не досаждать. Я двинулся дальше.

Тропа вилась среди лесных зарослей, потом вывела на седловину меж двух холмов. Там я заметил дерево, ствол которого, двух пядей в диаметре, был расщеплен надвое (как мне показалось) на высоте моего роста. Зазубренные края свидетельствовали, что дерево не срубили топором. На протяжении двух-трех следующих лиг я видел еще несколько подобных деревьев. Судя по отсутствию листьев, по коре на поваленных стволах и по внешнему виду пней, эти повреждения были нанесены по меньшей мере года два назад, а то и раньше.

Наконец тропа вывела меня на настоящую дорогу. Мне приходилось слышать о таких раньше, но никогда не доводилось по ним шагать, разве что только в период упадка. Она очень походила на ту старую дорогу, блокированную уланами, на которой я потерял доктора Талоса, Балдандерса,

Иоленту и Доркас во время нашего исхода из Нессуса, но я никак не ожидал увидеть облака пыли, зависшие над ее поверхностью.

Трава здесь не росла, хотя дорога была шире большинства городских улиц.

Мне ничего не оставалось, как продолжать идти по этой дороге. Деревья на обочине росли очень густо. Сначала я побаивался, ибо помнил об огненных копьях уланов; однако казалось, что закон, запрещающий использовать дороги, не имел здесь силы, иначе бы эта не выглядела такой наезженной. Поэтому, когда спустя некоторое время я услышал голоса и топот марширующих сапог за спиной, я сделал всего один-два шага в придорожную чащу и стал спокойно наблюдать за проходом колонны.

Впереди ехал офицер на великолепном голубом фыркающем животном, клыки которого оставили длинными и украсили бирюзой под цвет доспехов и эфеса шпаги всадника. За ними шагали антепилании тяжелой пехоты — широкоплечие, узкие в талии, с бронзовыми от солнца и ничего не выражавшими лицами. Они несли трехконечные корсеки, люнеты и вулги с тяжелыми набалдашниками. Это многообразное вооружение, расхождения в личном снаряже-

нии, а также пестрая мешанина из значков и кокард навели меня на мысль, что подразделение скомплектовали из остатков прежних боевых соединений. А если так, их заметная флегматичность являлась следствием пережитых ими сражений. Воинов было около четырех тысяч, двигались они безучастно, механически, без признаков усталости, не то чтобы кое-как, но без военной выправки. Тем не менее строй они держали машинально и без видимых усилий. За ними следовали фургоны, запряженные трубоголосыми ворчливыми трилофодонами. Когда появились повозки, я приблизился к дороге, потому что везли они в основном провизию. Но между фургонами я заприметил всадников. Один из них обратил на меня внимание и приказал подойти к нему, желая выяснить, из какого я подразделения. Но я удрал и хотя был совершенно уверен, что всадник не сможет пробиться сквозь чащу и не бросит своего боевого коня, чтобы преследовать меня пешком, тем не менее бежал и бежал без оглядки, пока хватило сил.

Когда же я окончательно выдохся и остановился, то увидел, что стою на тихой полянке, затененной листвой высохших деревьев. Под ногами был такой густой мох, что казалось, я

шагаю по плотному ковру в той потайной комнате-картине, где я впервые столкнулся с Хозяином Обители Абсолюта. Я прислонился спиной к дереву и прислушался. Меня окружала тишина, нарушаемая лишь моим прерывистым дыханием да биением сердца.

Вскоре я уловил третий звук — слабое жужжание мухи. Я вытер лицо краем своего плаща, удручающе блеклого и заношенного. Только сейчас я вдруг осознал — это тот самый плащ, который мастер Гурло накинул мне на плечи, когда я стал подмастерьем, и в этом плаще я, вероятно, и умру. Впитанный тканью пот был холодным, как роса, воздух вокруг меня пах сырой землей.

Жужжание мухи прекратилось, потом возобновилось вновь. Теперь муха гудела более настойчиво. Или это мне только показалось, потому что мое дыхание стало более ровным. Я рассеянно поискал насекомое глазами. Оно стрелой пролетело мимо, пересекло солнечный луч и село на какой-то коричневый предмет, торчавший из-под груды поваленных деревьев. Это был сапог.

У меня не было никакого оружия. При обычных обстоятельствах я не стал бы особенно беспокоиться из-за встречи с одиночкой, даже не имея

оружия, — тем более в таком месте, где слишком тесно и мечом не размахнешься. Но я знал, что потерял много физических сил, и обнаружил, что голодание лишает человека и отваги или, возможно, отвлекает на себя часть духовной стойкости, а на остальные нужды остается меньше энергии.

Как бы там ни было, я осторожно приблизился, двигаясь бочком и бесшумно, пока не увидел его. Он лежал распростертым, подогнув одну ногу под себя и вытянув другую. У его правой руки валялась короткая сабля, кожаный ремешок которой еще висел на запястье. Простое забрало воина слетело с его головы и откатилось на шаг в сторону. Муха карабкалась по сапогу воина, пока не доползла до обнаженной плоти под коленкой и снова взлетела со звуком крошечной пилы.

Конечно, я понял, что воин мертв, и почувствовал облегчение, но ощущение одиночества вернулось ко мне, хотя я и сам не сознавал, что оно временно уходило. Я взял солдата за плечо и перевернул. Тело еще не распухло, но запах смерти пусть еле уловимо, но уже распространялся вокруг. Лицо воина размякло, словно восковая маска у огня. Сейчас невозможно было сказать, что выражало оно перед смертью. Воин был мо-

лодым, светловолосым — красивое, простое лицо. Я поискал смертельную рану, но не нашел.

Лямки его ранца были затянуты так туго, что я не смог ни стащить его, ни даже ослабить узлы. Тогда я вытащил его нож и перерезал ремни, а нож затем воткнул в ствол дерева. Одеяло, обрывок бумаги, почерневшая от огня сковородка с ручкой, две пары голубых чулок (очень кстати!) и, что важнее всего, луковица и полкраюхи темного хлеба, завернутые в чистую тряпицу, а также пять кусков сушеного мяса и кусок сыра, завернутые отдельно…

Сначала я принялся за хлеб и сыр. Мне приходилось делать над собой усилие, чтобы есть не торопясь. Откусив трижды, я вставал и прохаживался взад-вперед несколько раз. Чтобы разжевать хлеб, требовалось немало сил. Вкус был точно таким же, как у черствого хлеба, входившего в рацион наших узников в Башне Сообразности, — хлеба, который я иногда воровал скорее из злого озорства, чем от голода. Сыр оказался сухим, пахучим и соленым, но все равно потрясающе вкусным. Мне подумалось, что я никогда еще не едал такого вкусного сыра и никогда больше не попробую. Я словно поглощал самую жизнь. Захотелось пить, и я узнал, как

хорошо утоляет жажду лук, стимулируя работу слюнных желез.

К тому времени, как я добрался до мяса, которое тоже было очень соленым, я уже насытился настолько, что смог задуматься, не стоит ли оставить пищу на вечер. В конце концов я решил съесть один кусочек немедленно, а четыре оставить на потом.

С раннего утра стояло безветрие, но сейчас подул легкий бриз, который охлаждал мне щеки, шевелил листву и поднял с земли клочок бумаги, выброшенный мною из ранца воина. Бумага прошелестела по мху и опустилась рядом с деревом. Не переставая жевать и глотать, я поднял листок. Это было письмо; вероятно, солдат не успел отправить его или не закончил. Почерк оказался угловатым и более мелким, чем я ожидал, однако, может быть, он писал такими маленькими буквами, чтобы уместить как можно больше слов на этом клочке, а другого листка у него не было.

«О моя возлюбленная! Проделав большой марш-бросок, мы находимся в сотне лиг к северу от того места, откуда я писал тебе в прошлый раз. Мы не голодаем и днем на холод не жалуемся, хоть по ночам, бывает, и мерзнем. Макар, о котором я рассказывал тебе, заболел, и ему разрешили

остаться. Тогда очень многие сказали, что тоже больны, но их заставили шагать впереди нас, под конвоем, без оружия и с двойной поклажей. Все это время мы не видели признаков асциан, и лохаг сказал, что наш переход закончится только через несколько дней. Мятежники убивали караульных три ночи подряд, так что нам пришлось поставить по три человека на каждом посту да еще разослать патрули за пределы лагеря. Меня назначили в патруль в первую же ночь, и это оказалось весьма неприятным занятием-я боялся, что в темноте один из моих же товарищей перережет мне горло. Так я и провел все время, спотыкаясь о корни и прислушиваясь к песне у костра:

На кровью политой земле
Мы завтра будем спать,
А потому сегодня, друг,
Не стоит унывать.

Не грех напиться допьяна:
Ведь завтра будет бой.
Пусть смерть несущая стрела
Минует нас с тобой.

Трофеев воз тебе и мне

Хочу я пожелать —
На кровью политой земле
Мы завтра будем спать.

Конечно, мы никого не обнаружили. Мятежники называют себя «Водалариями» в честь своего лидера. Говорят, они отменные бойцы. Им хорошо платят, их поддерживают асциане…»

2. ЖИВОЙ СОЛДАТ

Я отложил наполовину прочитанное письмо в сторону и поглядел на человека, написавшего его. Смертельный выстрел попал точно в цель, и теперь солдат глядел на солнце потухшим взглядом голубых глаз (один будто моргнул, другой же был широко открыт).

Мне давно следовало вспомнить о Когте, но почему-то я этого не сделал. Наверное, я слишком увлекся грабежом пищевого довольствия из ранца убитого и потому не подумал о другой возможности — разделить трапезу между спасителем и возвращенным к жизни. Теперь, при упоминании о Водалусе и его соратниках — убежден, они бы выручили меня, если б только мне удалось их найти, — я сразу опомнился и достал Коготь. Казалось, он ярко блестел под лучами полуденного солнца — впервые с тех пор, как он лишился своей сапфировой оболочки. Я прикоснулся Когтем к мертвому солдату, потом, сам не знаю, под действием какого импульса, вложил талисман ему в рот.

Однако и на этот раз ничего не произошло.

Тогда, зажав Коготь между большим и указательным пальцами, я воткнул его острый конец в лоб солдата. Он не шевельнулся, не задышал, но на коже выступила кровь, живая, свежая, густая кровь, перепачкавшая мне пальцы.

Я вытер руки об листья и собрался было вновь приступить к чтению письма, но вдруг услышал хруст ветки откуда-то издалека. Мгновение я находился в нерешительности. Спрятаться? Убежать? Приготовиться к сопротивлению? Но шансов спрятаться было мало, а вечно убегать мне надоело. Я взял в руки саблю мертвого солдата, надел плащ и стал ждать. Никто не появился — так, во всяком случае, мне показалось. В кронах деревьев завывал ветер. Муха, похоже, улетела прочь. Наверное, то был просто олень, пробиравшийся сквозь заросли. Я уже давно странствовал без оружия, пригодного для охоты, и совсем забыл о дичи. Поглядев теперь на саблю, я пожалел, что это не боевой лук.

Снова послышался шорох, и я обернулся.

Звук шел от солдата. Казалось, его била дрожь, и если бы я не видел его трупа, то решил бы, что у него предсмертные судороги. У солдата тряслись руки и что-то булькало в горле. Я наклонился к нему, прикоснулся к лицу, но оно оставалось хо-

лодным, как раньше, и я испытал импульсивное желание развести костер.

В ранце не нашлось ничего пригодного для добывания огня, но я знал, что огниво должно быть у каждого солдата. Пошарив в его карманах, я нашел несколько аэсов, подвесной циферблат солнечных часов, фитиль и кремень. Под деревьями лежало много сушняка, так что была опасность спалить весь лес. Я вручную расчистил небольшую площадку руками, сгреб в центр сухие веточки и поджег их. Потом набрал крупных сучьев, наломал и подбросил в костер.

Огонь занялся ярче, чем я ожидал. День клонился к вечеру, скоро совсем стемнеет. Я взглянул на мертвеца, его руки перестали дрожать, и теперь он лежал тихо. Кожа на его лице стала чуть теплее — конечно, только из-за близости костра. Пятнышко крови на лбу высохло, но вроде бы поблескивало в лучах заходящего солнца, напоминая рубин, выпавший из сокровищницы. Хотя костер почти не давал дыма, он казался мне курильницей благовоний. Дымок поднимался вертикально вверх, как из кадила, и скапливался в сени деревьев. Эта картина что-то смутно напоминала мне. Я отогнал неясные мысли и стал собирать топливо, пока не натаскал целую гору

дров, чтобы хватило на всю ночь.

Вечера здесь, в Оритии, были не такими холодными, как в горах или даже в районе озера Диутурн. Поэтому хотя я и помнил об одеяле, найденном в ранце мертвеца, но не испытывал в нем потребности. Возня с костром согрела меня, съеденная пища укрепила, и некоторое время я шагал в сумерках взад-вперед, размахивая саблей, ибо такие воинственные жесты соответствовали моему настроению. Но я все время старался, чтобы костер находился между мной и мертвым солдатом.

Воспоминания, как я уже упоминал в этой хронике, всегда проходили предо мной так отчетливо, что казались галлюцинациями. В тот вечер я почувствовал, что могу раствориться в них и погибнуть, ибо моя жизнь может превратиться из линии в кольцо, и на этот раз я не мог не поддаться этому сладостному искушению. Все, что я до сих пор описывал, окружило меня со всех сторон, столпилось плотной стеной, умножившись тысячекратно. Я увидел лицо Эаты, его руку, покрытую веснушками, когда он пытался проскользнуть сквозь прутья решетки на воротах некрополя; увидел шторм, бушевавший среди башен Цитадели, яркие вспышки молний; ощутил

на лице дождь, холодный и освежающий, как утренняя чашка чаю в нашей трапезной. Голос Доркас прошептал мне:

«Сидя у окна… подносы и жезл. Как ты намерен поступить: позвать эриний и уничтожить меня?»

Да-да, в самом деле, я бы так и сделал, если бы смог. Если бы я был Гефором, я бы вызвал их из кошмара преисподней, мира птиц с ведьминими головами и змеиными жалами, и тогда по моему приказу они перемололи бы леса, как колосья пшеницы на риге, изничтожили бы города своими могучими крыльями… и все же, если бы я мог, я появился бы в последний момент и спас ее. Нет, я не ушел бы хладнокровно прочь, как мы мечтали в детстве, воображая, будто мы спасаем и затем унижаем любимого человека, который, как нам казалось, пренебрежительно отнесся к нам; нет, я поднял бы ее на руки и прижал к груди.

Я впервые представил себе, как это ужасно — ведь она едва вышла из детского возраста, когда ее забрала смерть. Она слишком долго была мертвой, чтобы снова возвращаться к жизни.

Подумав об этом, я вспомнил про мертвого солдата, чью пищу я съел и саблю которого держал сейчас в руках. Я замер и прислушался — не ды-

шит ли он, не шевелится ли? Однако я так глубоко погрузился в воспоминания, что казалось, будто лесная почва под моими ногами перенесена из могилы, которую Хильдегрин Барсук вскрыл по указанию Водалуса, а шелест листьев — это шуршание кипарисов из нашего некрополя и шорох пурпурных роз. Я слушал и слушал в тщетной попытке уловить дыхание мертвой женщины в тонком белом саване, которую Водалус поднял из могилы.

Наконец скрипучий голос птицы козодоя отвлек меня от тяжких воспоминаний. Мне почудилось, будто мертвые глаза на бледном лице солдата глядят на меня в упор. Тогда я обошел вокруг костра, отыскал одеяло и прикрыл им труп.

Как я теперь осознавал, Доркас принадлежала к той обширной группе женщин (наверное, других женщин не бывает), что склонны к предательству, но к тому особому типу женщин, которые предают нас не из-за какого-то конкретного соперника, а из-за собственного прошлого. Точно так, как Морвенна, которую я казнил в Сальтусе, должно быть, отравила своего мужа и ребенка, как только вспомнила, что когда-то была свободной и, возможно, девственной, так же и Доркас ушла от меня, убедившись, что я не существовал

(как она неосознанно полагала, я не мог существовать) перед тем, как на нее обрушился злой рок.

(Для меня же тот период был золотым временем. Думаю, я должна бы лелеять воспоминания о том простом и дружелюбном мальчике, часто приносившем в мою камеру книги и цветы, главным образом потому, что я знала: он — последняя любовь перед решающим ударом судьбы, который, как выяснилось в тюрьме, был нанесен не в тот миг, когда, заглушая мой отчаянный крик, на меня набросили ковер, не в мое первое появление в Старой Цитадели в Нессусе, не под грохот захлопнувшейся за мной двери тюремной камеры и даже не в тот момент, когда залитая невиданно ярким светом, небывалым на Урсе, я ощутила, что мое тело восстает против меня, но в то самое мгновение, когда я провела лезвием грязного кухонного ножа, который он принес мне, холодным и острым лезвием по собственной шее. Возможно, у всех нас бывают такие моменты, и на то воля Каитании, если каждая женщина проклинает себя за то, что совершила. Но все же разве можно ненавидеть нас до такой степени? Можно ли вообще нас ненавидеть? Нет, нельзя, ведь я все еще помню его поцелуи на своих грудях — не такие, как у Афродизия или у того юноши,

племянника хилиарха Компаний, стремившихся вдохнуть аромат моего тела, но жадные, будто бы он действительно хотел вкусить моей плоти. Не наблюдал ли кто-нибудь за нами? Что ж, теперь он ее получил. Пробужденная воспоминаниями, я поднимаю руку и провожу по его волосам.)

Я долго спал, завернувшись в свой плащ. Природа заботится о тех, на чью долю выпадают лишения: стоит им только попасть в условия, чуть менее тягостные, в которых иной избалованный жизнью человек имел бы полное право выражать недовольство, и они уже чувствуют себя почти счастливыми. Я несколько раз просыпался и всякий раз мысленно поздравлял себя с тем, что в эту Ночь мне гораздо лучше, чем бывало прежде, когда я странствовал в горах.

Наконец солнечный свет и громкий щебет птиц окончательно разбудили меня. По другую сторону погасшего костра мой солдат пошевелился и, как мне показалось, что-то пробормотал. Я сел и взглянул на него. Он сбросил с себя одеяло и лежал, уставившись в небо. Бледное лицо с запавшими щеками, под глазами черные тени, вокруг рта глубокие морщины. Но это было живое лицо. Глаза солдата были еще закрыты, но я ощутил его чуть заметное дыхание.

На мгновение возникло желание броситься бежать, пока он не проснулся. У меня в руках была его сабля, и я хотел вернуть ее солдату, но потом передумал из опасения, что он может напасть на меня с этим оружием в руках. Нож солдата все еще торчал из ствола дерева, напоминая мне о кривом кинжале Агии в ставне на доме Касдо. Я убрал нож на место, вставив в ножны на поясе солдата — наверное, устыдился, что я, вооруженный саблей, опасаюсь человека с ножом.

Веки солдата дрогнули, я отшатнулся, вспомнив, как перепугалась Доркас, когда я склонился над ней в момент ее пробуждения. Чтобы сделать свой облик чуть менее мрачным, я распахнул плащ, обнажив руки и грудь, бронзовую после долгих странствий под солнцем. Я услышал, как на стыке сна и пробуждения менялся ритм его дыхания, что в моем сознании почти слилось с мистическим таинством возвращения от смерти к жизни.

С глазами пустыми, как у ребенка, он сел и оглянулся. Его губы зашевелились, но звуки, сорвавшиеся с них, были лишены смысла. Я заговорил с ним, стараясь придерживаться дружественного тона. Он слушал, но, казалось, не понимал меня, тогда я вспомнил, каким рас-

терянным был тот улан, которого я оживил по дороге к Обители Абсолюта.

Я предложил бы ему воды, но поблизости ее не было. Тогда я достал кусок солонины, которую похитил из его ранца, разрезал надвое и подал одну половину солдату.

Он пожевал мясо и, похоже, почувствовал себя немного лучше.

— Встань, — сказал я, — надо найти воду.

Солдат взял мою руку и позволил мне поднять его, но стоять он не мог. Взгляд его, сначала спокойный и мирный, стал вдруг диким и настороженным. У меня возникло впечатление, что он боится, как бы деревья не накинулись на нас, будто стая львов. Однако он не сделал попытки схватиться за нож и не потребовал назад свою саблю.

После того как мы сделали три-четыре шага, он споткнулся и чуть не упал. Я дал ему опереться на мое плечо, и так мы начали выбираться из леса на дорогу.

3. СКВОЗЬ ПЫЛЬ

Я не знал, повернуть ли нам на север или на юг. Где-то на севере находилась асцианская армия, поэтому существовал риск, что если мы подойдем к их расположению слишком близко, то будем вовлечены в боевые действия. Но чем дальше мы станем продвигаться на юг, тем меньше будет шансов кого-нибудь встретить и получить помощь, и нас наверняка арестуют как дезертиров. В конце концов я повернул на север — скорее всего просто по инерции, я и сейчас не уверен, что поступил правильно.

Роса уже высохла, и на пыльной поверхности дороги не было видно никаких следов. Трава шириной в три шага по обе стороны дороги была покрыта серой пылью. Вскоре мы вышли из леса. Дорога спускалась с холма и дальше шла через мост, соединявший берега речушки, что бежала по дну каменистой долины.

Мы сошли с дороги и спустились к воде, чтобы напиться и ополоснуть лица. Я не брился с тех пор, как покинул озеро Диутурн, и хотя, роясь в ранце у солдата, я не обнаружил ничего подходя-

щего, я все же решил спросить его о бритве.

Я упоминаю этот незначительный эпизод только потому, что тогда он впервые, как мне показалось, понял меня. Он кивнул и достал из-под кольчуги маленькое бритвенное лезвие, какими пользуются в деревнях. Их изготавливают сельские кузнецы из отслуживших свой век подков. Я заострил бритву при помощи сломанного точильного камня, который все еще таскал с собой, потом поправил ее на голенище сапога и спросил солдата, нет ли у него мыла. Если оно у бедняги и было, он меня не понял. Он уселся на большой камень и стал глядеть в воду, почти так же, как некогда Доркас. Я хотел расспросить его о полях смерти, узнать все, что он мог вспомнить о тех временах, темных, вероятно, только для нас, но не решился. Вместо этого я умыл лицо холодной речной водой, как мог отскоблил бритвой подбородок и щеки. Потом убрал бритву в футляр и хотел было вернуть ее солдату, но тот, похоже, не знал, что с ней делать, поэтому я оставил бритву у себя.

Мы шагали весь оставшийся день, нередко останавливаясь и обращаясь с расспросами к прохожим, а иногда сами подвергаясь допросам. Со временем я придумал ложь: я — ликтор граж-

данского судьи, сопровождавшего Автарха; мы встретили этого солдата на дороге, и мой хозяин велел мне позаботиться о нем. Он не может говорить, поэтому я не знаю, из какого он полка. Последнее было истинной правдой.

По пути мы пересекли несколько дорог, иногда же сворачивали на них. Мы дважды приближались к большим военным лагерям, где в палаточных городах жили десятки тысяч солдат. В лазаретах мне говорили, что, если бы раны моего спутника кровоточили, они бы с готовностью перевязали его, но в нынешнем его состоянии не видят, чем могут помочь. Я перестал спрашивать о местонахождении Пелерин, только просил направить нас туда, где мы могли найти убежище. Вскоре опустились сумерки.

— В трех лигах отсюда есть лазарет, где вас могут принять. — Тот, кто дал этот совет, перевел взгляд с меня на солдата; казалось, он испытывал сочувствие к нам обоим. Мой спутник молчал с потерянным видом. — Идите на северо-запад до тех пор, пока по правую руку не увидите дорогу, проходящую между двумя большими деревьями. Она раза в два уже, чем та, по которой вы пришли. Вот и шагайте по ней. Ты вооружен?

Я покачал головой. Саблю солдата я убрал в

его ножны.

— Мне пришлось оставить свой меч у слуг моего господина, иначе не справился бы, помогая идти этому бедняге.

— Тогда остерегайся диких зверей. Тебе было бы лучше иметь какое-нибудь огнестрельное оружие, но я не могу ничего предложить.

Я повернулся, чтобы продолжить путь, но собеседник жестом остановил меня.

— Если на тебя нападут — бросай его, — предупредил он. — И если тебя вынудят бросить своего подопечного, не слишком убивайся по этому поводу. Мне приходилось видеть подобные симптомы не один раз. Он едва ли выживет.

— Он уже оправился, — ответил я.

Этот человек не разрешил нам остаться в лазарете и не дал оружия, но снабдил провизией. Я расстался с ним в более приподнятом настроении, чем был прежде. Мы находились в долине, холмы на западе скрыли от нас солнце одну-две стражи назад. Шагая рядом с солдатом, я неожиданно понял, что держать его под руки больше нет необходимости. Я отпустил его, а он продолжал шагать рядом уже самостоятельно. Он вроде бы и отдаленно не напоминал Иону, у которого было узкое и длинное лицо, но когда я как-то раз

взглянул на солдата сбоку, меня поразило его сходство с Ионой — настолько, что мне показалось, будто я смотрел на привидение.

Серая дорога при лунном освещении стала зеленовато-белой, деревья и кусты на обочине почернели. Пока мы шли, я снова прервал молчание. Честно признаюсь, я говорил, чтобы избавиться от чувства одиночества, но на то были и другие причины. Во-первых — дикие твари вроде альзабо, которые бросаются на людей, как лисицы на кур. Но я слышал и о других зверях, которые удирают, заранее почуяв присутствие человека. Кроме того, я подумал, что если буду разговаривать с солдатом, то люди с дурными намерениями поостерегутся нападать на нас. Откуда им знать, что один из собеседников совершенно беспомощен?

— Ты помнишь вчерашний вечер? — начал я. — Ты спал очень крепко.

Солдат промолчал.

— Наверное, я не говорил тебе, но я обладаю исключительной памятью. Конечно, мне не всегда удается вызвать то или иное воспоминание, как только захочу, но, знаешь, они — точно беглые узники, блуждающие по подземелью. Их невозможно предъявить по первому требованию, но

они всегда тут, поблизости, и не могут далеко уйти.

Хотя, если вдуматься, это не совсем так. Четвертый, самый нижний уровень нашей подземной темницы был заброшен — ведь не находилось достаточно узников, чтобы заполнить даже три верхних яруса. Наверное, мастер Гурло откажется со временем и от третьего. Мы держим его только для сумасшедших, которых не посещают официальные лица. Если бы сумасшедших содержали на верхних уровнях, то шум от них мешал бы остальным заключенным. Конечно, не все буйные, некоторые очень тихие — прямо как ты.

Ответа снова не последовало. При слабом лунном свете я не мог понять, обращает он на меня внимание или нет, но помнил, что все-таки добился от него бритвы.

— Однажды я и сам проделал этот путь. То есть через четвертый уровень. У меня был пес, я его там держал, но он убежал. Я пошел за ним и обнаружил туннель, выходивший наружу из темницы. В конце концов я выбрался на разрушенный пьедестал в месте, называемом Атриум Времени. Там было множество солнечных циферблатов. Я встретил молодую женщину, такой красивой мне с тех пор не доводилось видеть, —

думаю, она превосходила красотой даже Иоленту, хотя привлекательность той была совсем другого рода.

Солдат ничего не ответил, но что-то мне подсказывало, что он меня слушает. Может быть, едва заметное движение его головы, которое я уловил боковым зрением.

— Ее звали Валерией. Думаю, она была младше меня, хоть и казалась старше. У Валерии были темные курчавые волосы, как у Теплы, но глаза тоже темные, а у Теклы — фиолетовые. Такого замечательного цвета лица я никогда прежде не видел — как сливки с гранатовым и клубничным соком. Но я хотел бы поговорить не о Валерии, а о Доркас. Она тоже очень красивая, хотя и худенькая, как ребенок. Ее лицо — это лицо пери, а веснушки — как крупинки золота. Волосы очень длинные, но потом она их обрезала. Доркас всегда украшала свою прическу цветами.

Я снова замолчал. Я говорил о женщинах, потому что, как мне казалось, эта тема заинтриговала его. Теперь же я не мог определить, слушает он меня еще или нет.

— Перед тем как оставить Тракс, я навестил Доркас. Это было в ее комнате в гостинице под названием «Утиное гнездышко». Она лежала в

постели обнаженная, но натянула на себя простыню, будто мы никогда не спали вместе. А ведь мы проделали вместе немалый путь, забирались в такую глушь, где никогда не раздавались человеческие голоса, с тех пор как земля поднялась из морской пучины, взбирались на такие высокие кручи, где не осталось иных следов, кроме солнечных. Теперь Доркас бросала меня, а я — ее, и мы оба не желали ничего иного, хотя под конец она испугалась и попросила пойти вместе с ней.

Она сказала, что, по ее мнению, Коготь имеет над временем такую же власть, какую, говорят, зеркала Отца Инира имеют над пространством. Тогда я не придал значения ее словам. Я вообще не слишком большой интеллектуал и вовсе не философ, но теперь ее замечание кажется мне любопытным. Она сказала мне: «Ты вернул к жизни улана, и это стало возможным потому, что Коготь прокрутил для него время назад, к тому моменту, когда он был еще жив. Ты почти залечил раны своего друга, и это удалось потому, что Коготь повернул время к тому моменту, когда они должны были почти зажить». Разве это не интересное наблюдение? Через некоторое время после того, как я уколол тебя в лоб Когтем, ты издал странный звук. Думаю, это прошумела

миновавшая тебя смерть.

Я подождал. Солдат молчал, но вдруг я неожиданно почувствовал на своем плече его руку. До этого мгновения я болтал легко и бездумно. Его прикосновение вернуло меня к действительности, заставив осознать серьезность того, о чем я говорил. Если мои слова были правдой или хотя бы отдаленно напоминали правду, тогда я играл с силами, в которых понимал не больше, чем сын Касдо, чуть не ставший моим сыном, мог понять смысл того огромного кольца, унесшего его жизнь.

— Так что нет ничего удивительного, что ты был не в себе. Вероятно, это ужасно — вернуться назад во времени, и еще хуже — пройти назад через смерть. Я хотел сказать, это все равно что родиться еще раз, но гораздо страшнее, ведь ребенок уже прожил некоторое время в утробе матери. — Я помедлил в нерешительности. — Я… Текла… я имею в виду… никогда не носила в себе ребенка.

Возможно, под влиянием мыслей о его растерянности я и сам растерялся настолько, что уже и не знал, кто я такой на самом деле, поэтому неуклюже продолжил:

— Ты должен извинить меня. Когда я устаю,

а иногда в полудреме, я становлюсь почти что другим человеком. — Не знаю, по какой причине, но при этих словах он сильнее сжал мое плечо. — Это долгая история, и она не имеет к тебе никакого отношения. Я хотел сказать, что в Атриуме Времени разлом пьедестала наклонил циферблат солнечных часов, и поэтому гномон стал показывать неправильное время. До меня доходили слухи, что, когда такое случается, дневные стражи останавливаются или ежедневно в течение некоторого времени бегут назад. Ты носишь в кармане циферблат солнечных часов и потому знаешь, что, когда требуется выяснить точное время, нужно направить гномон к солнцу. Солнце стоит в небе неподвижно, а Урс танцует вокруг него. Вот почему мы можем определить точное время дня — прямо как глухой способен танцевать тарантеллу, глядя на движения остальных танцоров и улавливая ритм. Но что, если само солнце пустится в пляс? Тогда поступательное движение мгновений может обернуться отступлением.Не знаю, веришь ли ты в Новое Солнце — я и сам не уверен в своей вере. Но если оно придет, то в образе новоявленного Миротворца. Поэтому **Миротворец иНовое** Солнце — это два имени одной и той же личности. Правомерно

задаться вопросом: отчего эту личность следует называть Новым Солнцем? Что ты думаешь по этому поводу? Не из-за власти ли управлять временем?И тут мне и вправду показалось, что само время остановилось. Вокруг нас возвышались деревья, темные и молчаливые; ночь несла прохладу и свежесть. Я не мог придумать, о чем бы еще поговорить, а пороть бессмыслицу мне представлялось постыдным, ибо я каким-то образом чувствовал, что солдат внимательно слушает мои рассуждения. Впереди я заметил две сосны с гораздо более толстыми стволами, чем у других деревьев вдоль дороги. Меж ними вилась тропинка зеленовато-белого цвета.

— Вот то, что нам нужно! — воскликнул я. Но когда мы приблизились к соснам, мне пришлось остановить солдата движением руки. В пыли я заметил темные влажные следы, наклонился и потрогал их. То были капли крови.

— Мы на верном пути, — сообщил я солдату. — Здесь проносили раненых.

4. ЛИХОРАДКА

Трудно сказать, как далеко пришлось нам идти и сколько минуло ночных страж, прежде чем мы добрались до места назначения. Знаю только, что я начал спотыкаться через некоторое время после того, как мы свернули с главной дороги. У меня это стало вроде хвори: так бывает, когда больные люди кашляют и никак не могут остановиться, другие же не в состоянии сдержать дрожь в руках. Так вот и я все спотыкался и спотыкался, делал несколько шагов и снова спотыкался, и потом еще, и еще раз. Если я на мгновение задумывался о чем-нибудь, кроме как о собственных шагах, так сразу же носок левого башмака цеплялся за пятку правого. А мысли мои с каждым новым шагом разбегались в разные стороны.

Среди деревьев по обе стороны от тропы мерцали светлячки, поэтому я длительное время предполагал, что свет впереди — всего лишь скопление этих насекомых, и не спешил. Потом, как мне показалось, неожиданно мы очутились под тенью крыши, где мужчины и женщины с желтыми фонарями в руках передвигались меж-

ду длинными рядами застеленных коек, переходя от одного больного к другому. Женщина в черной одежде позаботилась о нас двоих. Она привела нас к тому месту, где стояли обитые кожей кресла и горел огонь. Только тогда я понял, что на самом деле ее одежда была ярко-красного цвета, с красным же капюшоном, и на краткий миг мне почудилось, будто передо мной стоит Кириака.

— Твой друг очень болен, — сказала она. — Ты не знаешь, что с ним?

Тут солдат покачал головой и ответил:

— Нет. Я даже не знаю, кто он такой.

От удивления я не мог вымолвить ни слова. Она взяла меня за руку, но отпустила, потом взяла за руку солдата.

— У него лихорадка. У тебя тоже. Теперь, когда пришла летняя жара, с каждым днем становится все больше больных. Надо кипятить воду, которую пьешь, и беречь себя от вшей, надо сохранять чистоплотность.

Она обернулась ко мне.

— У тебя множество мелких порезов и ссадин, причем некоторые нагноились. Осколки камней?

— Не я один болен. Я привел больного товарища, — удалось мне выдавить из себя.

— Вы оба больны, так что вы привели друг друга. Сомневаюсь, чтобы вы добрались сюда по отдельности. Ну так что, в тебя кидали камнями? Оружие неприятеля?

— Да, камнями, но то было оружие друга.

— Хуже всего, как мне говорили, это когда в тебя стреляют сзади, но сейчас меня больше всего тревожит лихорадка. — Она замялась, переводя взгляд с солдата на меня и обратно. — Мне хотелось бы вас обоих уложить на больничные койки, но сначала вы должны вымыться.

Она хлопнула в ладоши и подозвала коренастого мужчину с бритой головой. Он взял нас за руки и повел куда-то, потом остановился, поднял меня и понес, как я носил когда-то маленького Северьяна. Через несколько секунд мы оказались голыми и сидели в ванне, наполненной водой, которая подогревалась раскаленными камнями. Коренастый облил нас водой, потом заставил вылезти по одному. Он остриг нам волосы, после чего мы еще некоторое время отмокали в воде.

— Значит, теперь ты можешь говорить, — обратился я к солдату.

При свете лампы я увидел, как он кивнул.

— Почему же ты не отвечал мне, когда мы сюда шли? — спросил я.

Он заколебался, слегка шевельнув плечами.

— Я думал о многом, да ты и сам-то не говорил. Ты показался мне усталым. Однажды я спросил, почему бы нам не остановиться, но ты мне не ответил.

— Мне все кажется наоборот, — сказал я, — но, возможно, мы оба правы. Ты помнишь, что было с тобой до того, как я тебя нашел?

Вновь повисла пауза.

— Я не помню даже того, как встретился с тобой. Мы шли по темной тропе, ты был рядом со мной.

— А до того?

— Не знаю. Наверное, музыка и долгий путь пешком, сначала при свете солнца, потом в ночной темноте.

— Этот путь мы проделали вместе. Ты ничего больше не помнишь?

— Помню полет во тьме. Да, я был с тобой, и мы очутились там, где солнце висело прямо над головой. Впереди был свет, но, когда я ступил в этот свет, он превратился во тьму.

Я кивнул.

— Ты не совсем хорошо тогда соображал, понимаешь? Иногда в жаркий день кажется, что солнце стоит прямо над головой, а когда оно опускается за горные вершины, то, наоборот, будто

наступила ночь. А свое имя ты помнишь?

Он обдумывал мой вопрос несколько секунд. Наконец грустно улыбнулся.

— Я потерял его где-то по дороге. Так сказал ягуар, который набился в проводники к козленку.

Мы и не заметили, как к нам снова подошел коренастый человек с обритой головой. Он помог мне выбраться из ванны, дал полотенце и одежду и вручил брезентовый мешок с моими вещами, от которого сильно пахло дезинфекцией. Днем раньше я пришел бы в бешенство, если б меня на миг разлучили с Когтем. В тот вечер я вряд ли даже осознавал, что на время лишился Когтя, пока мне его не вернули. Однако я удостоверился в его целости, только очутившись на койке под плетеным пологом. Коготь мерцал в моей руке мягким, почти лунным светом, да и формой он походил на полумесяц. Я улыбнулся мысли о том, что его бледно-зеленое свечение является отражением солнечного сияния.

После первой ночи, проведенной мною в Сальтусе, я проснулся с ощущением, будто спал в дортуаре учеников в нашей башне. Теперь же возникло то же самое чувство, но наоборот: я спал и во сне обнаружил, что тенистый лазарет с тихими молчаливыми фигурами и покачивающимися

фонарями — все это не более чем галлюцинация.

Я сел на койке и огляделся. Чувствовал я себя хорошо, в сущности — лучше, чем когда-либо прежде. Мне было тепло, и я будто светился изнутри. Рош спал на боку, его рыжие волосы слиплись, рот был приоткрыт, лицо расслабленное, мальчишеское, лишенное обычной для него внутренней энергии. Через амбразуру башни я мог видеть, что снег запорошил Старое Подворье — свежевыпавший снег, на котором не было следов людей и животных; но мне пришло на ум, что некрополь уже испещрен сотнями отпечатков, ибо мелкие существа, находящие там укрытие, любимцы мертвецов и их товарищи по играм, поднялись на свет в поисках пищи и развлечений на фоне этого нового ландшафта, предоставленного им природой. Я оделся быстро и тихо. Когда один из подмастерьев пошевелился, я приложил палец к губам, потом поспешил спуститься по лестнице, вьющейся по центру башни.

Лестница оказалась длиннее, чем обычно, и мне нелегко было ступать со ступеньки на ступеньку. Нас не удивляет сила тяжести, которую приходится преодолевать при подъеме, но мы считаем само собой разумеющимся, что эта же сила должна помогать нам при спуске. Теперь ее

помощь отсутствовала или почти отсутствовала. Мне с немалым трудом давался каждый шаг вниз, причем я опускал ногу так, чтобы не подлетать вверх при ударе подошвы о ступеньку. Каким-то сверхъестественным чутьем, присущим нам во сне, я осознал, что все башни Цитадели наконец поднялись и пустились в странствие за пределы сферы Дис. Мне стало хорошо при мысли об этом, но все же хотелось пойти в некрополь и поохотиться на лис и носух. Я стал торопливо спускаться, но вдруг услышал стон. Лестница более не вела естественным образом вниз, но переходила в каюту, так же как лестница в замке Балдандерса тянулась вдоль стен комнат на разных уровнях.

То была комната больного мастера Мальрубиуса. Мастерам предоставляли просторные апартаменты, однако эти намного превосходили реальные размеры его каюты. Две памятные мне амбразуры многократно увеличились и походили теперь на глаза горы Тифон. Кровать мастера Мальрубиуса поражала своими размерами, но тем не менее терялась в громадном помещении. Над мастером склонились две фигуры. Хотя их одежды были темными, меня удивило их разительное отличие от плащей цвета сажи —

атрибута нашей гильдии. Я приблизился, и, когда я оказался на таком расстоянии, что мог слышать натужное дыхание больного, они выпрямились и повернулись ко мне. То были кумеана и ее прислужница Меррин, две ведьмы, которых мы встретили на вершине гробницы в разрушенном каменном городе.

— О, сестра, наконец-то ты пришла, — проговорила Меррин.

Тут я понял, что больше не ученик Северьян, как считал прежде, а Текла в его возрасте, то есть лет тринадцати или четырнадцати. Я совершенно растерялся — не из-за моего девичьего тела или мужского наряда (который мне даже нравился), но из-за неожиданности этого преображения. Я также почувствовала, что слова Меррин — своего рода заклинание, ибо прежде Северьян и я присутствовали вместе, но она каким-то образом увела его на задний план. Кумеана поцеловала меня в лоб, после чего вытерла кровь со своих губ. Хотя она не произнесла ни слова, я поняла: этот поцелуй означает, что я в некотором смысле стал и моим солдатом.

— Когда мы спим, — сказала мне Меррин, — мы перемещаемся из сиюминутности в вечность.

— Когда же мы просыпаемся, — прошептала

кумеана, — мы теряем способность видеть то, что за пределами настоящего момента.

— Она никогда не просыпается, — гордо сообщила Меррин.

Мастер Мальрубиус пошевелился и застонал, а кумеана взяла графин с водой со стола, стоявшего у изголовья, и налила немного в стакан. Когда она ставила графин на место, в нем шевельнулось нечто живое. Почему-то мне почудилось, что это ундина. Я отшатнулся, но в графине оказался Гефор, размером не больше моей ладони. Его серое щетинистое лицо прижималось к стеклу, голос походил на мышиный писк:

— Порой, гонимые фотоновыми штормами, засасываемые в воронку галактического смерча, по часовой стрелке и против, мчась вместе со светом по темным морским просторам, очерченным нашими серебряными парусами, наши демонические зеркальные паруса, наши мачты, высотой в сотни лиг и тонкие, как нить, как серебряные иглы, вышивающие звездный свет и сами звезды по черному бархату небосвода, наполняются ветрами Времени, которое несется что есть мочи. Кость ему в горло! Пена, летучая пена Времени, слетает на побережье, где старые мореходы не могут больше удержать свои кости

вдали от беспокойной и неутомимой вселенной. Куда она подевалась, госпожа, отрада моей души? Ушла на гребне приливной волны Водолея, Весов и Стрельца. Ее уже нет. Уплыла в своей лодочке, ее сосцы прижаты к черной бархатной крышке; ушла, навечно уплыла под парусом, прочь от берегов, омытых звездами, от сухого покойного мелководья привычных миров. Она сама есть собственный корабль, она — изваяние на носу корабля, она капитан. Боцман, эй, боцман, поднять якоря! Матрос, натяни канат! Она оставляет нас позади. Не мы оставляем ее. Она в том прошлом, которого мы не познали, и в будущем, которого не увидим. Выше подними паруса, капитан, ибо вселенная опережает нас…

На столе рядом с графином стоял колокольчик. Меррин позвонила, будто стараясь заглушить голос Гефора, и тогда мастер Мальрубиус смочил губы водой из стакана. Меррин взяла стакан, вылила оставшуюся воду на пол и водрузила его вверх дном на горлышко графина. Гефор замолчал, но вода разлилась по полу, пузырясь, словно подпитываемая каким-то скрытым источником. Она совсем ледяная. Я смутно представила, как рассердится моя гувернантка из-за Того, что я промочила ноги.

На звонок пришла служанка — горничная Теклы, ее ноги с содранной кожей я осматривал на другой день после того, как спас Водалуса. Она выглядела моложе, какой, наверное, была, когда Текла еще не вышла из детского возраста, но ее ноги уже успели освежевать, и по ним хлестала кровь.

— Прости, — сказал я. — Я очень сожалею, Ханна. Не я сделал это, а мастер Гурло и кто-то из подмастерьев.

Мастер Мальрубиус сел на кровати, и я впервые увидел, что его ложе было сработано в форме женской ладони, пальцы которой выглядели длиннее всей моей руки, а ногти походили на огромные когти зверя.

— Ты в полном порядке, — проговорил мастер, будто умирал не он, а я. — Или почти в порядке. — Тут пальцы его дланеобразного ложа начали медленно сжиматься, но он выскочил из кровати и попал прямо в воду, которая теперь доходила до колен, и встал рядом со мной.

Пес, мой старый добрый Трискель, очевидно, прятался под кроватью или просто забился в дальний угол, подальше от всех. Теперь же он выскочил к нам, расплескав воду передними лапами, и стал продвигаться, расталкивая воду

своей широкой грудью и радостно полаивая. Мастер Мальрубиус взял меня за правую руку, кумеана — за левую, и они подвели меня к одному из громадных окон-глаз горы.

Передо мной предстала та же картина, что и прежде, когда Тифон водил меня туда: мир расстилался, как ковер, и можно было видеть его весь целиком. Только теперь он производил гораздо более величественное впечатление. За нами сияло солнце, лучи которого словно многократно увеличили свою мощь. Таинственная алхимия превратила тени в золото, и по мере того как я вглядывался, каждый зеленый предмет приобретал более темный и насыщенный окрас. Я видел, как пшеница созревала на полях, как мириады рыб множились в морских просторах, и разрастались питающие их водоросли на водяной глади. Поток воды, хлынувший из комнаты за нашей спиной, заиграл на солнечном свете и пролился из глаза многоцветной радугой.

Потом я проснулся.

Пока я спал, кто-то завернул меня в простыни, набитые снегом. (Позднее я узнал, что снег доставляли с горных вершин на вьючных животных.) Меня трясло от холода, я жаждал вернуться в свой сон, хотя уже наполовину понимал, какое

огромное расстояние отделяет меня от этого видения. Во рту я ощущал горький привкус лекарства, натянутый полог казался мне таким же твердым, как пол под ногами; мимо меня сновали взад-вперед Пелерины в алой одежде и с фонарями в руках. Они ухаживали за мужчинами и женщинами, стонавшими во тьме.

5. ЛАЗАРЕТ

Не думаю, что я еще раз заснул в ту ночь, хотя, возможно, слегка подремал. К рассвету снег растаял. Две Пелерины унесли промокшие простыни, а мне дали полотенце вытереться и принесли сухое белье. Я хотел было отдать им Коготь — свои личные вещи я хранил в мешке под койкой, — но момент показался мне неподходящим. Я снова лег и заснул при дневном свете.

Проснулся я в полдень. В лазарете было тихо, насколько здесь вообще можно было говорить о тишине; где-то далеко, в другом конце, беседовали, кто-то кричал, но эти голоса лишь подчеркивали спокойствие большинства. Я сел, оглянулся, надеясь увидеть своего солдата. Справа от меня лежал мужчина с коротко подстриженной головой, отчего я сначала принял его за одного из рабов Пелерин. Я позвал его, но, когда он обернулся, я понял, что ошибся.

Его глаза были совершенно пустыми, мне таких еще не приходилось видеть. Казалось, эти глаза следят за призраками, недоступными моему взору.

— Слава Группе Семнадцати, — произнес он.

— Доброе утро. Ты не знаешь, какие тут порядки?

По его лицу пробежала тень, и я понял, что мой вопрос почему-то пробудил в нем подозрительность. Он ответил мне следующим образом:

— Все стремления претворяются в жизнь либо хорошо, либо плохо — в зависимости от того, насколько они соответствуют Правильному Мышлению.

— Вместе со мной сюда привели еще одного человека. Мне хотелось бы поговорить с ним. Он в некотором смысле мой товарищ, — сказал я.

— Те, кто выполняет волю народных масс, — друзья, пусть даже мы не обменялись с ними ни единым словом. Те же, кто не выполняет волю масс, пусть даже мы сидели с ними за одной партой…

Человек слева от меня вмешался в беседу:

— Ты от него ничего не добьешься. Он арестант.

Я обернулся. Лицо говорившего осунулось настолько, что кожа обтягивала череп, но чувство юмора сохранилось в этом бедолаге. Жесткие черные волосы выглядели так, будто он месяцами не причесывался.

— Он все время несет такую галиматью и никогда не говорит ничего дельного. Эй ты! А вот мы тебя поколотим!

Тот ответил:

— Для армии народных масс поражение — лишь трамплин перед будущей победой, а победа — это лестница к дальнейшим победам.

— Этот еще ничего, других совсем не понять, — добавил сосед слева.

— Ты сказал, он арестант. Что же он такого натворил?

— Натворил? Вот те на — ведь он остался жив!

— Что-то я не пойму. Его что же, выбрали для выполнения какой-то смертельной миссии?

Чуть дальше слева на койке приподнялась женщина с худощавым, но миловидным лицом.

— Их всех выбрали, — сказала она. — По крайней мере, они не могут вернуться домой, пока не победят в войне, хоть сами и знают, что этого никогда не будет.

— Внешние сражения уже выиграны, если внутренние ведутся при помощи Правильного Мышления.

— В таком случае он асцианин, — заметил я. — Вот, значит, о ком мы говорим. Мне прежде не доводилось встречаться с ними лично.

— Большинство асциан умирают, — проговорил черноволосый. — Вот что я имел в виду.

— Я не знал, что они умеют разговаривать по-нашему.

— Они и не умеют, а этот — особый случай. Его как-то раз навещали офицеры, и они сказали, что он был переводчиком. Возможно, он допрашивал наших солдат, когда те попадали к ним в плен. Но он в чем-то провинился, вот его и разжаловали.

— Не думаю, чтобы он был сумасшедшим, — сказала женщина. — Хотя большинство из них явно спятили. Как тебя зовут?

— Прости, что не представился. Я — Северьян. — Я чуть было не добавил, что я ликтор, но тогда вряд ли кто-нибудь из них пожелал бы со мной разговаривать.

— Я — Фойла, а это Мелито. Я из Голубых гуззаров, а он — гоплит.

— Глупости говоришь, — проворчал Мелито, — это я гоплит, а ты гуззар.

Мне показалось, что Мелито был гораздо ближе к смерти, чем женщина.

— Я живу надеждой, что когда мы поправимся и сможем уйти из этого лазарета, то нас отчислят, — сказала Фойла.

— И чем же нам тогда заниматься? Доить чу-

жих коров и пасти чужих свиней? — Мелито обернулся ко мне. — Не верь ее словам, мы — добровольцы, и она, и я. Меня должны были повысить в звании как раз перед тем, как ранили. А когда я получу повышение, то смогу содержать жену.

— Но я не обещала, что выйду за тебя! — воскликнула Фойла.

Кто-то через несколько коек от нас громко крикнул:

— Да возьми ты ее, чтоб заткнулась!

При этих словах больной на постели рядом с Фойлой сел.

— Она выйдет замуж за меня. — Это был крупный светлокожий и светловолосый мужчина. Он говорил, медленно растягивая слова, что характерно для жителей ледниковых островов юга. — Меня зовут Хальвард.

К моему немалому удивлению, в разговор вмешался асцианский военнопленный:

— Объединившись, мужчины и женщины становятся сильнее, но храбрая женщина желает иметь детей, а не мужей.

— Они воюют, даже будучи беременными, — сказала Фойла. — Мне приходилось видеть таких мертвых женщин на полях сражений.

— Корни дерева — народные массы. Листья опадают, но дерево стоит.

Я спросил Мелито и Фойлу, сам ли асцианин сочиняет эти странные фразы или заимствует их из какого-то неизвестного мне литературного источника.

— Ты интересуешься, не выдумывает ли он их? — переспросила Фойла. — Нет, все, что они произносят вслух, взято из одобренного текста. Некоторые вообще ничего не говорят. Остальные же заучили наизусть тысячи, даже десятки или сотни тысяч цитат.

— Но это невозможно, — возразил я.

Мелито пожал плечами. Ему удалось сесть и облокотиться.

— И тем не менее они умудряются. Во всяком случае, так о них говорят. Фойла знает о них больше, чем я. Она согласно кивнула.

— В легкой кавалерии, где я служила, много занимались разведкой, иногда специально посылали людей, чтобы захватить пленных. Из разговора с асцианами мало что можно выяснить, но все-таки генеральный штаб ухитряется получить нужные сведения по их экипировке и физическому состоянию. На северном континенте, откуда они родом, только маленькие дети

разговаривают в привычной нам манере.

Я подумал о мастере Гурло, который занимался делами нашей гильдии.

— Как они скажут, например, такое предложение: «Возьми трех учеников и разгрузи этот фургон»?

— Они вообще не станут этого говорить, просто схватят несколько человек, укажут на фургон и подтолкнут в спину. Если те примутся за работу — прекрасно, если же нет — то начальник процитирует что-нибудь о необходимости работать, чтобы обеспечить победу. Если же человек и после этого не станет работать, тогда его придется убить, наверное, просто ткнув в него пальцем, и при этом сказать о необходимости ликвидировать врагов народных масс.

— Крики детей — это клич победы. Однако победа должна научиться мудрости, — произнес асцианин. Фойла перевела его слова:

— Это значит, что хотя дети нужны, их лепет бессмыслен. Большинство асциан посчитали бы нас немыми, даже если бы мы изучили их язык, ибо словосочетания, которые не взяты из одобренных книг, не имеют для них никакого смысла. Если они признаются хотя бы самим себе, что подобные слова все-таки что-то означают, то это

откроет возможность прислушиваться к нелояльным высказываниям и даже произносить их вслух. Представляешь, как это опасно? До тех пор пока они понимают и цитируют лишь одобренные тексты, никто не может к ним придраться.

Я повернул голову и взглянул на асцианина. Мне было ясно, что он внимательно прислушивался к разговору, но его лицо оставалось непроницаемым.

— Те, кто пишет одобренные тексты, — сказал я ему, — не может в то же время цитировать другие одобренные книги. Поэтому даже одобренный текст может содержать элементы нелояльности.

— Правильное Мышление есть мышление народных масс. Массы не могут предать массы или Группу Семнадцати.

— Не оскорбляй народные массы или Группу Семнадцати — он может наложить на себя руки. С ними такое случается.

— А он когда-нибудь придет в норму?

— Мне доводилось слышать, что некоторые из них постепенно начинают говорить в привычной нам манере, если ты это имеешь в виду.

Больше мне нечего было сказать, и мы на время замолчали. Оказалось, что в таких местах, где почти все больны, иногда наступают долгие

паузы. Мы понимали, что впереди у нас еще долгие стражи вынужденного безделья. Если мы не сказали всего, что хотели, сейчас, такая возможность представится под вечер, да и завтра утром. В сущности, человек, который всякий раз лез бы с разговорами, как при обычных обстоятельствах, например, после обеда, был бы в этой компании невыносим.

Но затронутая тема настроила меня на мысли о севере, и выяснилось, что я почти ничего не знаю о тех землях. В детстве, когда я драил полы и бегал с поручениями в пределах Цитадели, война казалась мне бесконечно далекой. Я знал, что в войне принимали участие большинство матросов, обслуживавших главные батареи, но воспринимал этот факт так же, как то, что свет, падавший мне на руки, исходил от солнца. Я готовился стать палачом и, следовательно, не имел оснований поступать на службу в армию, так же как и опасаться, что меня завербуют в ее ряды. Я не мог и предположить, что когда-нибудь увижу войну у ворот Нессуса (да и сами городские ворота представлялись мне почти легендарными), никогда не собирался покидать город и даже выходить за пределы квартала, где располагалась Цитадель.

Вот почему Асция казалась мне бесконечно далекой землей, почти такой же далекой, как затерянная в космосе галактика — ведь и то и другое были одинаково недосягаемы. Асция путалась у меня в голове с умирающим поясом тропической растительности, который лежал между нашими землями хотя, если бы мастер Палаэмон задал мне соответствующий вопрос на уроке, я без труда объяснил бы разницу между ними.

Но о самой Асции я не имел четкого представления. Не знал, есть ли там большие города, гористая ли это страна, как северная и восточная часть Содружества, или же низинная, как наша пампа. У меня сложилось впечатление (хотя и смутное), что Асция — это единый массив суши, а не цепь островов, как у нас на юге, но отчетливей всего я представлял себе несметные толпы людей — те самые асцианские народные массы — неутомимый рой, превратившийся в единый организм, неисчислимая колония копошащихся муравьев. Теперь я едва мог вынести мысль о многих миллионах бессловесных особей, которые способны лишь как попугаи повторять общеизвестные изречения, вероятно, давно потерявшие большую часть своего смысла.

— Либо это злая шутка, либо ложь, либо какая-то

ошибка. Такая нация не может существовать, — пробормотал я почти себе под нос.

И тут асцианин голосом таким же тихим, как у меня, а может быть, еще слабее произнес:

— Как может государство стать могущественным? Оно будет могущественным, когда исчезнут противоречия. Как избежать противоречий? Для этого должно отсутствовать разногласие. Каким образом устранить разногласие? Для этого надо ликвидировать четыре источника разногласия: ложь, глупую болтовню, хвастовство и разговоры, способные лишь породить раздор. Как устранить эти четыре источника? Их можно устранить, высказываясь только в духе Правильного Мышления. Тогда в государстве не будет разногласия. Без разногласия не станет противоречий. Без противоречий государство будет могущественным, сильным и надежным.

Так я получил более чем исчерпывающий ответ на свой вопрос.

6. МИЛЕС, ФОЙЛА, МЕЛИТО И ХАЛЬВАРД

В тот вечер я пал жертвой тех страхов, что давно уже пытался вытеснить на задворки сознания. Хотя я и не встречался с монстрами, которых Гефор привез из запредельных звездных пространств, с тех пор как мы с маленьким Северьяном убежали из деревни магов, я не забыл, что он преследует меня. Пока я странствовал по диким, необитаемым землям или по водной глади озера Диутурн, я не особенно опасался, что он настигнет меня. Теперь же, прервав путешествие, я чувствовал слабость в своих членах, ибо, несмотря на полученную пищу, я был слабее, чем когда голодал, скитаясь в горах.

Кроме того, даже больше, чем ночниц Гефора, его саламандр и слизней, я боялся Агии. Я знал о храбрости Агии, ее уме и злокозненности. Любая из одетых в алое жриц-Пелерин, которые сновали между больничными койками, вполне могла оказаться Агией с отравленным кинжалом в рукаве. Я плохо спал в ту ночь, и мои сновидения были настолько неясными, что я не решусь пересказы-

вать их на этих страницах.

Я проснулся скорее измотанным, чем отдохнувшим. Моя лихорадка, о которой я и не подозревал, когда вел солдата в этот лазарет, и которая, казалось, отпустила меня вчера, вернулась с новой силой. Я чувствовал жар во всем теле, точно накалился докрасна. Думаю, даже южные ледники растаяли бы, окажись я в тот момент меж ними. Я достал Коготь и прижал к себе, потом даже взял его в рот на некоторое время. Температура спала, но я ощутил слабость и головокружение.

Утром меня навестил мой солдат. На нем была белая мантия, которую Пелерины дали ему вместо доспехов, но он казался совсем здоровым и сообщил, что собирается покинуть лазарет на следующий день. Я сказал, что хочу познакомить его со своими новыми знакомыми, которых приобрел здесь, в лазарете, и спросил, вспомнил ли он свое имя.

— Я очень немногое могу вспомнить. — Он покачал головой. — Остается надеяться, что, когда я снова окажусь в действующей армии, найдется кто-нибудь, кто знает меня.

Все же я представил его, назвав Милесом — ничего лучшего мне в голову не пришло. Имени асцианина я не знал, но оказалось, что никто из

присутствующих не знает его, даже Фойла. Когда же мы напрямую спросили его об этом, он только и сказал:

— Я остаюсь верным Группе Семнадцати.

Некоторое время Фойла, Мелито, солдат и я беседовали. Мелито вроде бы проявил к солдату особое расположение, но, возможно, просто из-за отдаленного сходства, которое я придал их именам. Потом солдат помог мне сесть и прошептал на ухо:

— Теперь я должен поговорить с тобой с глазу на глаз. Как я уже упоминал, я собираюсь уйти отсюда завтра утром. Судя по твоему виду, ты пробудешь здесь еще несколько дней, а то и пару недель. Мы можем никогда больше не увидеться.

— Глядишь, еще и встретимся.

— Я тоже буду надеяться на лучшее. Но если я попаду в свой легион, то могу погибнуть к тому времени, когда ты поправишься. Если же мне не удастся найти его, я, наверное, примкну к другому легиону, чтобы не попасть под арест за дезертирство. — Он запнулся.

— А я могу умереть здесь от лихорадки, — улыбнулся я. — Ты ведь не хотел меня расстраивать? Я и вправду выгляжу так же плохо, как Мелито?

Он покачал головой.

— Нет, не настолько. Думаю, как-нибудь обойдется…

— Именно такую песню пел дрозд, когда рысь гоняла зайца вокруг лаврового дерева. На этот раз улыбнулся солдат.

— Точно. Что-то в этом роде я и хотел сказать.

— Так принято выражаться в той части Содружества, где ты рос?

— Не знаю. — Улыбка исчезла с его лица. — Не могу вспомнить, где мой дом. Отчасти поэтому я и хотел поговорить с тобой. Помню, как шел с тобой по ночной дороге, и это, пожалуй, единственное, что осталось в памяти. Где ты Нашел меня?

— В лесу. Думаю, лигах в пяти-десяти на юг отсюда. Ты помнишь, что я рассказывал тебе о Когте по дороге сюда? Он покачал головой.

— Да, ты, кажется, упоминал о нем, но в связи с чем — не помню.

— Так что же ты помнишь? Расскажи мне все, и я сообщу тебе то, что знаю и о чем догадываюсь.

— Ну, мы шагали в кромешной темноте… Нет, я падал, может быть, летел сквозь тьму. Видел собственное лицо. Оно все множилось и множилось. Какая-то девушка с золотисто-рыжими волосами и огромными глазами.

— Красивая?

— Самая красивая на свете, — кивнул он.

Я громко обратился к соседям, спросив, нет ли у кого-нибудь зеркала. Фойла достала из-под койки зеркальце и протянула его мне, а я приблизил его к лицу солдата.

— Похоже?

— Кажется, да, — неуверенно согласился он.

— Голубые глаза?

— Не помню точно.

Я вернул зеркало Фойле.

— Я повторю то, что говорил тебе по дороге. Конечно, лучше бы нам побеседовать без свидетелей. Некоторое время назад мне попал в руки один талисман. Попал самым невинным образом. Но он не принадлежит мне. Этот талисман — очень ценная вещь; иногда, не всегда, но время от времени, он обладает целительной силой и даже способен оживлять мертвых. Два дня назад, продвигаясь на север, я обнаружил тело мертвого солдата. Это случилось в лесу, в стороне от дороги. Он умер меньше суток назад, я бы сказал, где-то в середине прошлой ночи. Я был очень голоден, поэтому перерезал лямки его солдатского ранца и съел большую часть провизии, которую он имел при себе. Затем я почувствовал угрызения сове-

сти, достал свой талисман и попытался вернуть солдата к жизни. Такие попытки прежде часто оказывались безуспешными, сначала я решил, что и на этот раз ничего не получится. Но все закончилось благополучно, хоть пробуждение затянулось, и долгое время он, казалось, не мог сообразить, где он и что с ним произошло.

— Этим солдатом был я?

Я поглядел в его честные голубые глаза и кивнул.

— Могу ли я увидеть талисман?

Я достал Коготь и положил на ладонь. Он взял талисман в руки, внимательно осмотрел его со всех сторон, потом прижал острие к большому пальцу.

— Он не выглядит магическим, — сказал он.

— Не думаю, что слово «магия» вообще подходит к нему. Я встречался с магами: в их практике нет ничего, что напоминало бы сам Коготь или то, как он действует. Иногда он испускает свет — очень слабое мерцание, я сомневаюсь, что ты вообще его заметил.

— Верно, я не вижу никакого света. Кажется, на талисмане нет никаких надписей.

— Ты имеешь в виду заклинания или магические слова? Нет, я никаких надписей не замечал,

хотя уже давно ношу его с собой. Я вообще мало знаю о талисмане, кроме того, что иногда он все же действует. Полагаю, Коготь из тех вещей, что творят заклинания, но не обязаны своим происхождением этим заклинаниям.

— Ты сказал, Коготь — не твоя собственность.

— Он принадлежит Пелеринам, здешним жрицам, — подтвердил я.

— Но ведь ты только что пришел сюда вместе со мной — всего два дня назад.

— Я странствовал, чтобы найти Пелерин и отдать им Коготь. Его украли у них некоторое время назад в Нессусе. Но украл не я.

— Значит, ты намерен вернуть им талисман? — Он поглядел на меня, будто сомневаясь в искренности моих заверений.

— Да, со временем.

Он встал, поправил свою одежду.

— Ты не веришь мне, да? Не веришь ни единому моему слову?

— Когда я пришел сюда, ты представил меня своим соседям по палате. — Он говорил медленно, взвешивая каждое слово. — Разумеется, я тоже познакомился с окружающими. Среди них есть один молодой человек, у него не очень тяжелое ранение. Он очень молод, совсем юнец, из дале-

ких глухих мест. По большей части он сидит на койке и смотрит в пол.

— Тоскует по дому? — спросил я. Солдат покачал головой.

— У него было энергетическое оружие, кореек. Так мне рассказывали. Ты знаком с таким оружием?

— Нет, не особенно.

— Этот кореек выбрасывает вперед луч и еще два четвертных луча — чуть левее и правее. Диапазон действия не очень большой, но, говорят, вполне достаточный, чтобы справиться с массовой атакой.

Он оглянулся, проверяя, не слушает ли его кто-нибудь еще, но, к чести лазарета, надо сказать, что здесь было принято полностью игнорировать разговоры, не предназначенные для посторонних. В противном случае пациенты лазарета скоро вцепились бы друг другу в глотку.

— Его сотня подверглась такой атаке противника. Большинство не выдержали и в панике отступили. Но он не побежал, а враги не смогли одолеть его. Мне кто-то рассказывал, что потом перед ним нашли три стены из поваленных трупов. Он косил асциан десятками, пока задние ряды не начинали карабкаться на груды мертвых

тел и прыгать на него сверху. Тогда он отступал на несколько шагов и громоздил новый вал из их трупов.

— Наверное, он получил медаль и повышение в чине, — предположил я. То ли меня снова охватила лихорадка, то ли просто палило солнце, но я почувствовал, что основательно пропотел и задыхаюсь.

— Нет, его отослали сюда. Я говорил, что он всего лишь деревенский паренек. В тот день он убил людей больше, чем видел за все время до вступления в армию. Он до сих пор не может оправиться от пережитого, да, наверное, и не оправится.

— В самом деле?

— Мне кажется, и ты такой же.

— Не понимаю.

— Ты говоришь, будто только что пришел сюда с юга, и я полагаю, если ты сбежал из своего легиона, именно так и следует всем говорить — лучше не придумаешь. Но все равно, всякий сразу поймет, что ты лжешь. Ведь получить такие ранения, как у тебя, можно только во время сражения. Тебя забросали камнями — вот что случилось, и Пелерина, которая разговаривала с нами, когда мы пришли сюда, сразу смекнула, в чем дело. Я думаю, ты был на севере дольше,

чем признаешься, возможно, дольше, чем ты сам полагаешь. И если ты убил многих людей, то тебе, должно быть, приятно думать, что ты в состоянии вернуть их к жизни.

Я не без труда улыбнулся ему.

— А как в таком случае быть с тобой?

— Не вижу здесь ничего необычного. Нет, я не хочу сказать, что не обязан тебе своим спасением. Полагаю, у меня была лихорадка, когда ты нашел меня. Возможно, я был в бреду, даже без сознания. Поэтому ты решил, что я мертв. Если бы ты не привел меня сюда, меня, наверное, уже не было бы в живых.

Он стал подниматься на ноги, но я остановил его, положив руку ему на плечо.

— Я должен сообщить тебе кое-что, прежде чем мы расстанемся. Это касается тебя.

— Но ты говорил, что не знаешь, кто я такой.

— Нет, я так не говорил. Я сказал, что нашел тебя в лесу два дня назад. В том смысле, какой ты вкладываешь в свои слова, я действительно не знаю, кто ты такой. Но есть и иной смысл. Думаю, ты — это два человека, и я знаю одного из них.

— Раздвоенных людей не бывает.

— Бывает. Я — тоже раздвоенный. Возможно, таких много, больше, чем мы предполагаем. Од-

нако первое, что я тебе скажу, совсем не так уж сложно. Слушай. — И я подробно объяснил ему, как найти тот лес, и когда убедился, что он понял меня, продолжил: — Там, вероятно, до сих пор лежит твой ранец с перерезанными лямками, ты легко найдешь то место, не ошибешься. В твоем ранце было письмо. Я достал его и прочитал несколько строк. В письме не было указано имени адресата, но если ты закончил его и только ждал подходящего момента переслать, то в конце наверняка стоит твое имя. Я положил письмо на землю, его сдул ветер, и листок прилип к дереву. Может быть, ты еще найдешь это письмо.

Лицо солдата помрачнело.

— Ты не должен был читать его и тем более бросать на землю.

— Ты забыл, ведь я считал тебя мертвым. Как бы то ни было, тогда много всего творилось, в основном — у меня в голове. Возможно, именно тогда я и заболел лихорадкой. Теперь выслушай вторую часть. Можешь не верить мне, но я скажу нечто важное для тебя. Ты согласен выслушать?

Он кивнул.

— Хорошо. Тебе доводилось слышать о зеркалах Отца Инира? Знаешь, как они действуют?

— Да, я слыхал о зеркале Отца Инира, но не могу

вспомнить — когда и от кого. Вроде как входишь в зеркало, словно в дверь, а выходишь уже на какой-нибудь звезде. Думаю, это выдумки.

— Нет, зеркала — не выдумки, они реально существуют, я сам их видел. А прежде я тоже думал, как и ты, будто зеркала — это корабль, но гораздо быстроходнее. Теперь же у меня нет такой уверенности. Во всяком случае, один мой друг вошел в пространство между этими зеркалами — и исчез. Я наблюдал за ним. То был не фокус, не трюк и вовсе не предрассудок. Он прошел между зеркалами, потому что любил одну женщину, но не был цельным человеком. Ты понимаешь?

— Он столкнулся с большим несчастьем?

— Это несчастье столкнулось с ним, но не в том дело. Он обещал мне вернуться обратно. Он сказал так: «Я вернусь за ней, когда меня исправят, когда стану здравым и цельным». Тогда я не понял его, но сейчас верю, что он вернулся. Именно я вернул тебя к жизни, именно я желал его возвращения. Возможно, одно как-то связано с другим.

Наступила пауза. Солдат посмотрел на земляной пол, на котором стояли койки, потом поднял глаза на меня.

— Может быть, когда человек теряет друга и

находит другого, у него возникает чувство, будто старый друг вернулся к нему.

— Иона, так его звали, имел привычку смягчать всякие неприятные сообщения, превращать их в шутку, обыгрывая при помощи разных комических ситуаций. В первый вечер, когда мы пришли сюда, я спросил, помнишь ли ты свое имя, а ты ответил: «Я потерял его где-то по дороге, как сказал ягуар, который набился в проводники к козленку». Ты не забыл этого?

— Мало ли какие глупости я говорил, — солдат покачал головой.

— Меня удивило вот что: именно в таком духе, бывало, высказывался Иона, но он вкладывал в свои прибаутки гораздо больше смысла, чем ты. Полагаю, он сказал бы примерно так: «Это история корзины, которую наполнили водой». Что-нибудь в этом роде.

Я подождал ответа солдата, но тот промолчал.

— Ягуар, конечно, съел козу по дороге. Проглотил мясо, разгрыз кости.

— Не приходило ли тебе в голову, что эти прибаутки связаны с каким-то конкретным городом? Твой друг мог быть родом из тех же мест, что и я.

— Вопрос, я думаю, не в месте, а во времени. Когда-то, очень давно, кто-то должен был разору-

жить страх — страх, испытываемый людьми из плоти и крови перед сталью и стеклом. Иона, я знаю, ты слушаешь меня сейчас. Я не виню тебя. Этот человек был мертв, а ты еще жив. Я это понимаю. Но, Иона, Иоленты больше нет, я сам видел, как она умирала, и я пытался вернуть ее к жизни при помощи Когтя, но не сумел. Возможно, она была слишком искусственной, не знаю. Ты должен найти себе другую.

Солдат поднялся на ноги. Он больше не сердился, но его лицо стало пустым, как у лунатика. Он повернулся и вышел, не говоря ни слова.

Я провалялся на своей койке целую стражу, закинув руки за голову и размышляя сразу о многом. Хальвард, Мелито Фойла беседовали между собой, но я не стал прислушиваться к их разговору. Когда одна из Пелерин принесла обед, Мелито постучал вилкой по тарелке, чем привлек мое внимание.

— Северьян, мы хотим попросить тебя об услуге.

Мне не терпелось отвлечься от своих тяжких размышлений, поэтому я охотно согласился помочь им во всем, что было в моих силах.

Фойла улыбнулась своей лучезарной улыбкой. Природа награждает некоторых женщин таким

дивным даром.

— Дело вот в чем. Эти двое все утро спорят из-за меня. Если бы не болезнь, они наверняка выяснили бы отношения в поединке, но поправятся они не скоро, а я так долго не выдержу. Сегодня я вспомнила о своих родителях, о том, как они сиживали, бывало, у огня в долгие зимние вечера. Если я выйду замуж за Хальварда или Мелито, когда-нибудь у нас тоже так будет. Поэтому мне надо бы выбрать из них наилучшего рассказчика. Не смотри на меня как на сумасшедшую — это самое разумное решение в моей жизни. Они оба хотят жениться на мне, оба очень красивы, оба бедны, и если мы не придем к соглашению, они либо убьют друг друга, либо я сама убью обоих. Ты — образованный человек, это чувствуется по разговору. Так что прошу тебя выслушать их рассказы и оценить по достоинству. Пусть первым говорит Хальвард. И рассказы должны быть оригинальные, а не взятые из книг.

Хальвард, который мог немного ходить, поднялся с койки и сел в ногах Мелито.

7. ИСТОРИЯ ХАЛЬВАРДА: ДВА ОХОТНИКА ЗА ТЮЛЕНЯМИ

«Это правдивая история. Вообще-то я знаю немало разных историй. Некоторые из них выдуманы, хотя, возможно, и выдуманные были правдивыми в те далекие времена, о которых все давно забыли. Я знаю много правдивых историй, ибо на южных островах, о которых вы, северяне, не имеете представления, подчас случаются странные вещи. Я выбрал эту историю потому, что сам был свидетелем происшедшего.

Я родом с самого восточного из южных островов, который называется Ледник. На нашем острове жили мужчина и женщина, мои дед и бабка, и было у них три сына. Звали их Анскар, Хальвард и Гундульф. Хальвард был моим отцом, и когда я вырос настолько, что смог помогать ему управляться с лодкой, он отделился от братьев и больше не ходил с ними на охоту и рыбную ловлю. С тех пор мы отправлялись за рыбой вдвоем, чтобы приносить весь улов домой — матери, сестрам и моему младшему брату.

Мои дядья так и не женились и поэтому оста-

вались совладельцами лодки. Весь улов они либо съедали сами, либо отдавали деду и бабке, которые были уже немощны. В летнее время они обрабатывали землю моего деда. Он владел самым лучшим наделом на острове: только его землю не продувало ледяными ветрами. На его участке росли овощи, которые ни в каком другом районе Ледника не вызревали — ведь летний урожайный сезон в его долине длился на две недели дольше, чем в других местах острова.

Когда у меня стала расти борода, мой дед созвал всех мужчин семьи, то есть отца, двух дядей и меня. Когда мы пришли в дом, бабушка уже умерла, и был приглашен священник с большого острова, чтобы схоронить покойную. Сыновья ее плакали, и я тоже.

В тот вечер мы сели за стол деда, он-в одном конце, священник — в другом. Потом дед сказал: «Настал час, когда я должен распорядиться своим имуществом. Бега ушла в мир иной. Никто из членов ее семьи не вправе больше высказывать своих притязаний, а я вскоре последую за ней. Хальвард женат и поэтому имеет долю от своей жены. На это приданое он может прокормить свою семью. Они небогаты, но с голоду не помрут. Ты, Анскар, и ты, Гундульф, намерены вы

жениться?»

Оба моих дяди отрицательно покачали головами.

«В таком случае выслушайте мою волю. Призываю в свидетели Всемогущего, а также слуг Его. Когда я умру, пусть все, что я имею, перейдет во владение Анскару и Гундульфу. Если один из них умрет, то собственность перейдет оставшемуся в живых. Когда умрут они оба, все отойдет к Хальварду, а если умрет Хальвард, собственность следует разделить между его сыновьями. Вы, четверо, если не согласны с моей последней волей — высказывайтесь, не таясь».

Никто не возражал. Так и порешили.

Прошел год. Из-за туманной пелены явился корабль Эребуса, сея панику на острове, на якорь у берега встали два судна, приплывшие за шкурами, бивнями моржей и соленой рыбой. Мой дед умер, сестра моя Фауста родила девочку. Во время путины мои дядья отправлялись на промысел с другими рыбаками.

Когда на юге только наступает весна, еще не время сеять, потому что по ночам часто бывают заморозки. Но когда мужчины видят, что световой день начинает быстро прибывать, они отправляются выслеживать тюленей. Их лежби-

ща находятся на скалах, далеко от берега, там, где висит густой туман, да и день еще слишком короток. Часто случается, что гибнут не тюлени, а люди.

Вот так и сгинул мой дядя Анскар, ибо дядя Гундульф вернулся в лодке без брата.

Но да будет вам известно, что, куда бы ни отправлялись наши люди в море — за тюленями, или за рыбой, или с иной целью, — они накрепко привязывают себя к лодке. Веревку сплетают из кожи моржа, и она достаточно длинная, чтобы охотник мог легко перемещаться в лодке, но не длиннее. Вода в море очень холодная и скоро губит человека, упавшего за борт, но наши люди одеваются в одежду из тюленьей шкуры, и когда рыбак оказывается в воде, его напарник вытягивает его обратно на борт за веревку и таким образом спасает ему жизнь.

Послушайте, какую историю рассказал мой дядя Гундульф. Они ушли далеко в море в поисках еще не разведанного лежбища тюленей. Тут Анскар заметил огромного тюленя, плывшего в воде. Он бросил гарпун, и, когда тюлень нырнул, петля гарпунного троса захлестнула Анскару ногу, а тюлень потащил дядю в море. Гундульф попытался вытянуть его из воды, ибо он был

очень сильным мужчиной. Гундульф тащил Анскара в лодку, а тюлень — в море. Гарпунный трос, привязанный к основанию мачты, дергался из стороны в сторону, и лодка в конце концов опрокинулась. Гундульфа спасло только то, что он перебирал веревку руками и так добрался до лодки, а гарпунный трос перерезал ножом. Когда же лодка встала килем вниз, он попытался вытянуть Анскара, но страховочная веревка оборвалась. Гундульф показал перетертый конец веревки. Так погиб мой дядя Анскар.

Женщины в моих краях умирают на земле, а мужчины гибнут в море, поэтому мы называем ваши могилы «женскими лодками». Когда один из наших мужчин умирает так, как погиб дядя Анскар, мы выделываем шкуру морского зверя, раскрашиваем ее и вывешиваем в доме, где собираются мужчины племени, чтобы поговорить о делах. Шкура висит до тех пор, пока люди помнят, в честь кого она здесь повешена. Вот такую шкуру приготовили для Анскара, и художники приступили к своей работе.

Однажды ясным утром, когда мы с отцом готовили пахотные орудия перед новой посевной — я хорошо запомнил этот момент! — дети, посланные собирать птичьи яйца, прибежали в

деревню. «Там на гальке лежит тюлень, — кричали они, — он в южной бухте!» Ни для кого не секрет, что тюлень никогда не приплывет туда, где живут люди. Но случается, что тюлень умирает в море или гибнет от ран. Мы с отцом так и подумали, вот и побежали вместе с другими жителями деревни на берег: ведь тюлень становится собственностью того, кто первым пронзит его своим орудием.

Я оказался шустрее всех и добежал первым с вилами в руках. Бросать вилы неудобно, но мне в спину дышали другие юноши, поэтому я еще за сотню шагов до тюленя метнул свое орудие. Вилы достигли цели и вонзились зубьями прямо в спину животного. А после этого случилось такое, что мне, надеюсь, никогда больше не предстоит увидеть. Под весом длинного черенка животное стало переворачиваться до тех пор, пока вилы не уперлись в землю.

Я увидел лицо своего дяди Анскара: оно сохранилось в холодной и соленой воде моря. В его бороде запутались темные зеленые водоросли, а страховочная веревка из шкуры моржа была перерезана всего в нескольких пядях от тела.

Дядя Гундульф не видел трупа, потому что отправился по делам на большой остров. Мой

отец поднял Анскара, а я помогал ему. Вместе мы перенесли тело в дом Гундульфа и положили конец страховочной веревки ему на грудь, чтобы это сразу бросилось в глаза Гундульфу, когда тот вернется. Затем мы двое и еще несколько островитян сели ждать приезда преступника.

Он закричал, когда увидел тело своего брата. Этот крик отличался от крика женщин, скорее то был рев большого тюленя, когда он отгоняет других самцов от своего гарема. Гундульф выбежал из дома в ночную тьму. Мы выставили охрану у лодок и стали прочесывать остров. Духи крайнего юга светили всю ночь, и мы знали, что вместе с нами Гундульфа разыскивает Анскар. Перед рассветом свечение стало особенно ярким, и мы нашли Гундульфа в скалах у Рэдбодс Энд».

Хальвард замолчал. Безмолвие снизошло на всю больничную палату. Оказывается, не только наша маленькая компания внимательно слушала рассказ Хальварда. Наконец Мелито спросил:

— Вы убили его?

— Нет. В старые времена — да, убили бы, и это было неправильно. Теперь же за убийство мстит закон материка — так лучше. Мы связали ему руки и ноги и положили в его доме. Я сторожил Гундульфа, пока старшие готовили лодки. Он

рассказал мне, что полюбил одну женщину на большом острове. Я сам никогда не видел эту женщину, но он сказал, что зовут ее Неннок. Она была красива и моложе его, но ни один мужчина не взял бы ее себе потому, что она родила ребенка от человека, умершего прошлой зимой. Тогда, в лодке, Гундульф сказал Анскару, что собирается привезти Неннок домой, но Анскар назвал его клятвопреступником. Дядя Гундульф был очень силен. Он схватил Анскара и выбросил его за борт. Потом намотал страховочный трос себе на руки и перекусил так, как это делают с ниткой женщины, когда заканчивают шить.

Он также рассказал, что стоял, держась за мачту, и глядел на своего брата, барахтавшегося в ледяной воде. Он видел, как сверкнуло лезвие, но подумал только, что Анскар либо угрожает ему, либо собирается метнуть в него нож.

Хальвард снова умолк. Сообразив, что он не собирается продолжать, я спросил:

— Не понимаю. Так что же все-таки сделал Анскар? Губы Хальварда тронула слабая улыбка, едва заметная под его светлыми усами. В это мгновение мне показалось, будто я увидел ледяные острова юга, голубые и страшно холодные.

— Он перерезал страховочный трос, тот трос,

который Гундульф уже оторвал. Поэтому люди, обнаружившие его тело, не сомневались, что Анскар был убит. Понимаешь?

Да, теперь я все понял и несколько минут хранил молчание.

— Вот как, — буркнул Мелито Фойле, — прекрасная долина перешла во владения отца Хальварда. Посредством этой истории он дал понять, что хотя и не владеет собственностью, но может получить ее в наследство. Кроме того, теперь нам известно, что он происходит из семьи убийцы.

— Мелито считает меня гораздо умнее, чем я есть на самом деле, — ответил Хальвард. — У меня и в мыслях подобного не было. Сейчас вопрос не во владении землей, шкурами или золотом, а в умении рассказывать истории. А я знаю много разных историй и рассказал лучшую из всех. Это верно, я могу унаследовать собственность своей семьи после смерти отца. Но мои незамужние сестры тоже получат свою долю в приданое, и только то, что останется, будет разделено между мною и моим братом. Все это не имеет никакого значения, потому что я не повезу Фойлу на юг, где жизнь так тяжела. С тех пор как я взял в руки копье, мне довелось повидать много других, гораздо более пригодных для жизни мест.

— Я думаю, твой дядя Гундульф очень сильно любил Неннок, — предположила Фойла.

— Да, он это сказал, когда лежал связанным, — подтвердил Хальвард. — Но все жители юга любят своих женщин. Ведь именно ради них они выходят зимой на поединок с морем, бурей и ледяными туманами. Говорят, что, когда мужчина толкает свою лодку по гальке к воде, днище лодки скребется о камни и будто твердит такие слова: «Моя жена, мои дети… моя жена, мои дети…»

Потом я спросил Мелито, не желает ли он начать свой рассказ, но тот отрицательно покачал головой и заявил, что, поскольку все слушатели находятся под впечатлением истории Хальварда, он лучше подождет и перенесет свой рассказ на завтра. Тут все начали задавать Хальварду вопросы о жизни на юге и сравнивать услышанное с образом жизни в родных краях. И только асцианин молчал. Я же вспомнил плавучие острова озера Диутурн и рассказал о них Хальварду и всем остальным. Но о сражении в замке Балдандерса я не стал распространяться. Так мы беседовали до тех пор, пока не настало время ужина.

8. ПЕЛЕРИНА

Когда мы закончили ужинать, уже начало темнеть. Мы всегда вели себя тихо в эту пору — не только потому, что были больны и ослаблены, но также из-за мысли, что, обреченные на смерть, умрут, вероятнее всего, теперь, после захода солнца или глубокой ночью. То было время, когда битвы требовали возвращения долгов.

Да и вообще, ночь особенно настойчиво напоминает нам о войне. Иногда — а ту ночь я запомнил навсегда — в небе вспыхивали разряды орудий большой мощности; они походили на тепловую молнию. До нашего слуха доносился топот солдатских сапог — это караульные шагали на свои посты. Поэтому термин «стража», который мы так часто воспринимаем только как словесное выражение десятой части ночи, приобрел слышимую реальность — топот марширующих солдат и невнятные выкрики команд.

Наступил момент, когда все замолчали, и тишина длилась бесконечно долго. Она прерывалась только бормотаньем здоровых людей — Пелерин и их рабов-мужчин: они подходили справиться о

самочувствии того или иного пациента. Ко мне приблизилась одна из жриц в алой одежде и села у койки. Мысли в моей голове шевелились замедленно, и в полусне я не сразу сообразил, что Пелерина, должно быть, принесла табурет с собой.

— Ты — Северьян? — спросила она. — Друг Милеса?

— Да.

— Он вспомнил свое имя. Думаю, тебе интересно это узнать.

Я спросил, как же его зовут.

— Конечно, Милее, ведь я только что назвала его так.

— Полагаю, со временем он еще кое-что вспомнит. Пелерина кивнула. Она была уже пожилой женщиной, с добрым, заботливым лицом.

— Я уверена в этом. Он вспомнит и семью, и свой дом.

— Если они у него есть.

— Ты прав, не все имеют семью и дом. Некоторые даже не способны создать дом.

— Ты намекаешь на меня?

— Нет, вовсе нет. Во всяком случае, эта способность не зависит от самого человека, это или есть, или нет. Но для каждого, особенно для мужчины,

очень хорошо иметь свой дом. Как человек, о котором рассказывал твой друг, большинство мужчин думают, что строят дом для своих семей, но в действительности и дом, и семью они создают для себя.

— Значит, ты слушала историю Хальварда?

— И не я одна. Хорошая история. Одна из наших сестер позвала меня. Это было как раз на том месте, когда дед объявлял свою последнюю волю. Остальное я слышала. Знаешь ли ты, что за беда приключилась с тем дурным дядей? С Гундульфом?

— Думаю, он влюбился.

— Нет, беда совсем не в этом. Видишь ли, каждого человека можно уподобить растению. Красивая, пышная, зеленая крона наверху, часто с цветами и плодами; она тянется к солнцу, к Предвечному. Но есть другая часть растения, темная, она развивается далеко от кроны и уходит глубоко во тьму, где нет солнца.

— Мне не доводилось изучать труды посвященных, но тем не менее я знаю о существовании добра и зла в каждом человеке.

— Разве я упоминала добро и зло? Именно корни дают растению силы тянуться к солнцу, хотя они и не знают об этом. Допустим, острая коса

срежет растение до основания. Стебель упадет на землю и погибнет, но корни могут дать новый побег, и стебель возникает вновь.

— По-твоему, получается, что зло есть добро?

— Нет, я говорю лишь, что объекты нашего восхищения в Других людях и в себе исходят из источников, которые мы не видим и о которых редко задумываемся. Гундульф, как и другие мужчины, имел склонность к проявлению власти. Надлежащее развитие властности закладывает основу семьи; у женщин тоже есть аналогичный инстинкт. У Гундульфа же этот инстинкт долгое время подавлялся, как у очень многих солдат здесь, в лазарете. У офицеров есть подчиненные, а солдаты, не имеющие подчиненных, страдают и сами не знают, по какой причине. Отдельные мужчины объединяются в группы равных себе по званию. Бывает, несколько мужчин пользуются одной женщиной или мужчиной, уподобившимся женщине. Другие заводят домашних животных и друзей среди беспризорных детей.

Я вспомнил сына Касдо и сказал:

— Понимаю, почему вы возражаете.

— О нет, мы не возражаем, во всяком случае, не против этого, и даже не против менее естественных явлений. Я говорю только об инстинкте

проявления власти. В случае с тем дурным дядей этот инстинкт заставил его полюбить женщину, и что особенно важно, уже имеющую ребенка; таким образом, у него сразу была бы большая семья, и он наверстал бы упущенное время.

Она замолчала, и я кивнул.

— Однако слишком много времени уже было упущено, инстинкт вырвался наружу другим путем. Он посчитал себя полноправным хозяином земельного участка, который в действительности должен был впоследствии перейти семье одного из его братьев, и возомнил, что может распоряжаться и самой жизнью другого брата. Это представление было иллюзорным, не правда ли?

— Пожалуй, что так.

— Многие имеют столь же иллюзорные представления, хоть и не такие опасные. — Она улыбнулась. — Ты вот не считаешь, что обладаешь какой-то особой властью?

— Я — подмастерье Ордена Взыскующих Истины и Покаяния, но это звание не дает мне никакой власти. Люди моей гильдии лишь исполняют волю судей.

— А я-то считала, что гильдия палачей давно упразднена. Не превратилась ли эта гильдия в некое братство ликторов?

— Гильдия еще существует, — ответил я.

— Несомненно, но несколько столетий назад то была гильдия в полном смысле, как, скажем, гильдия серебряных дел мастеров. Во всяком случае, я читала об этом в исторических книгах, сохранившихся в нашем Ордене.

Слушая собеседницу, я на мгновение ощутил в себе всплеск ликования. Не то чтобы я считал, будто Пелерина в чем-то права. Мои чувства оскорбило другое. Возможно, я и безрассуден в некоторых отношениях, но хорошо знаю свои слабости, и подобный самообман не входит в их число. Тем не менее мне показалось удивительно приятным — пусть и на краткий миг — жить в мире, где бытуют такие заблуждения. Мне впервые пришло в голову, что миллионы граждан Содружества ничего не знают о высших формах судебного наказания, о многочисленных концентрических кругах интриг, опоясывающих Автарха. И эти мысли, как вино, точнее, бренди, вскружили мне голову и опьянили меня.

Пелерина, не подозревая о моем приподнятом настроении, переспросила:

— Так что же, значит, ты не считаешь себя наделенным какой-то особой властью?

Я покачал головой.

— Милее рассказал мне, что ты веришь, будто обладаешь Когтем Миротворца, и будто ты показывал ему маленький черный коготь, как у оцелота или каракары. Якобы ты сообщил ему, что оживил многих мертвецов при помощи этого Когтя.

Что ж, вот и пришло время, когда мне следует расстаться с ним. Когда мы явились в лазарет, я уже знал, что этот момент скоро настанет, но я надеялся, что сумею оттянуть неизбежное до тех пор, когда буду готов уйти. Теперь же я достал Коготь в последний раз, как я думал, и вложил его в ладонь Пелерины со словами:

— С его помощью вы сможете спасти многих. Я не украл его и всегда искал случая вернуть его вашему Ордену.

— С его помощью, — мягко повторила она, — ты вернул к жизни многих мертвецов?

— Я сам бы погиб несколько месяцев назад, если бы не Коготь, — ответил я и начал рассказывать ей историю своей дуэли с Агилюсом.

— Постой, — перебила Пелерина. — Оставь его у себя. — Она вернула мне Коготь. — Я давно не молода, как ты сам видишь. В будущем году я отмечу свое тридцатилетие пребывания полноправным членом Ордена. На каждом из пяти

верховных праздников года, вплоть до прошлой весны, я видела Коготь Миротворца во время обряда поклонения. Он представлял собой крупный сапфир, большой, как орихальк. Должно быть, он стоит нескольких вилл, именно по этой причине воры похитили его.

Я попытался перебить ее, но она жестом заставила замолчать.

— Что касается волшебного исцеления и даже воскрешения мертвых — неужели ты думаешь, среди нас были бы больные, обладай мы таким могучим лечебным средством? Нас здесь немного, гораздо меньше, чем требуется для той работы, которую мы выполняем. Но если бы никто из нас не умирал до весны прошлого года, то нас было бы значительно больше. С нами были бы те, кого я любила, мои подруги и наставники. Невежественным людям нужны чудеса, даже если при этом им придется соскребать грязь с башмаков одного из приобщенных к таинству эпоптов и глотать ее. Если же, как мы надеемся, Коготь Миротворца еще существует, а не распилен на части, то это последний реликт, оставшийся от величайшего из мужей, и мы дорожим этим камнем, как дорожим памятью о том человеке. Если бы Коготь обладал теми свойствами, которые

ты приписываешь своему талисману, он был бы бесценным для всех людей и автархи давно бы отняли его.

— Но это действительно Коготь… — начал я.

— Всего лишь изъян в сердце драгоценного камня. Миротворец был человеком, ликтор Северьян, а не котом или птицей, — ответила Пелерина и поднялась на ноги.

— Он разбился о скалу, когда великан швырнул его с парапета…

— Я надеялась успокоить тебя, но теперь вижу, что получилось как раз наоборот — ты перевозбудился, — проговорила она. Потом неожиданно улыбнулась, наклонилась и поцеловала меня. — Мы здесь, в лазарете, встречаем много людей, заблуждающихся в своей вере. Но ты один из тех немногих, чье заблуждение делает им столько чести. Как-нибудь в другой раз мы еще побеседуем на эту тему.

Я проследил глазами за удаляющейся фигурой этой маленькой женщины в алом одеянии, пока она не скрылась в темноте среди рядов больничных коек. Когда мы разговаривали с ней, большинство больных уже уснули, некоторые постанывали во сне. В палату вошли три раба, двое внесли носилки с раненым, а третий держал

фонарь, освещая им дорогу. Свет фонаря отражался на потных бритых головах рабов. Они уложили раненого на койку, сложили ему руки на груди, как у покойника, и удалились.

Я поглядел на Коготь. Он казался безжизненно черным, когда лежал на ладони Пелерины, но сейчас от основания к его острию беззвучно пробегали искорки белого огня. Теперь я чувствовал себя хорошо. В сущности, я даже удивлялся, как мог я весь день провести на узком матрасе! Но когда я попытался встать, то едва сумел удержаться на ногах. Опасаясь, что свалюсь на чью-либо койку, я все же проковылял около двадцати шагов к вновь поступившему пациенту. Это был Эмилиан, которого я знавал как одного из щеголей при дворе Автарха. Я так опешил, увидев его здесь, что назвал его по имени.

— Текла, — пробормотал он, — Текла…

— Да, Текла. Ты вспомнил меня, Эмилиан. Теперь все будет хорошо. — И я прикоснулся к нему Когтем.

Он открыл глаза и закричал.

Я бросился прочь, но упал по дороге, не успев добраться до своей койки. Я был очень слаб и боялся, что даже ползком не одолею расстояния, остававшегося до моего места, но все же сумел

убрать Коготь, а сам закатился под койку Хальварда, подальше от посторонних глаз.

Когда вернулись рабы, Эмилиан уже сидел на койке. Он обрел способность говорить, хотя рабы едва ли понимали его слова. Они дали ему каких-то лекарственных трав, и один из них остался с пациентом, пока тот пережевывал снадобье, но потом тихо удалился.

Я выкатился из-под койки и, подтянувшись за край одеяла, сел. В палате стояла тишина, но я знал, что многие из больных, возможно, видели меня перед падением. Эмилиан, вопреки моим ожиданиям, не спал, но пребывал в возбужденном состоянии.

— Текла, — бормотал он. — Я слышал Теклу. Говорили, что она умерла. Что это за голоса из страны мертвых?

— Ты их больше не услышишь, — заверил я его. — Ты был болен, но теперь скоро поправишься.

Я поднял Коготь над головой и сосредоточил свои мысли на Мелито и Фойле, а также на Эмилиане — на всех больных лазарета. Коготь замерцал и потух.

9. ИСТОРИЯ МЕЛИТО: ПЕТУХ, АНГЕЛ И ОРЕЛ

«Не так уж давно и не очень далеко от того места, где я родился, была прекрасная ферма. Она особенно славилась птичьим двором: стаями уток, белых как снег; гусей, крупных, как лебеди, и таких жирных, что они едва могли ходить; цыплятами с яркими разноцветными перьями, как у попугая. У фермера, создавшего этот птичник, имелось великое множество довольно странных замыслов, но он так преуспел в их воплощении, что мало кто из его рассудительных соседей находил в себе решимость назвать его дураком.

Одна из его затей касалась разведения цыплят. Всякий знает, что петушки, когда они еще маленькие, должны быть охолощены, и оставляют только одного петуха на весь птичник. Если же их будет хотя бы два, то драки неизбежны.

Но этот фермер не стал придерживаться общепринятых правил.

— Пусть себе растут, — говорил он. — Пусть дерутся между собой. Вот что я тебе скажу, сосед. Победит самый лучший и самый петушиный из

петухов, который даст многочисленное потомство, прекрасных цыплят. Более того, его цыплята будут особенно стойки ко всем куриным болезням. И когда твои куры погибнут, ты придешь ко мне, и я продам тебе отборных кур по моей собственной цене. Что же до петухов-неудачников, то я и моя семья их съедим. Ни один каплун не бывает таким вкусным, как боевой петух, погибший в драке, так же как и лучшая говядина — из быка, погибшего на арене, или оленина — от самца, за которым собаки гонялись целый день. Кроме того, курятина из каплунов снижает мужскую потенцию.

Этот странный фермер считал своим долгом выбирать на обед худшую из птиц.

— Резать лучшую птицу, — говаривал он, — это большой грех. Живность должна процветать и благоденствовать во славу Панкреатора, который сотворил и петухов, и куриц, и мужчин, и женщин. — Возможно, из-за такого отношения птичье поголовье фермера было безупречным, и среди него, казалось, не имелось плохих птиц.

Из всего, что я до сих пор рассказал, ясно, что петух на этом птичьем дворе был настоящим героем — молодой, сильный, храбрый. Его хвост был не хуже, чем у фазана, гребешок тоже очень хорош,

хотя и потрепан в многочисленных кровавых сражениях, из которых его хозяин всегда выходил победителем. Грудь петуха была ярко-красного цвета — как алая одежда Пелерин, — но гуси говаривали, что прежде у него была белоснежная грудь, а потом окрасилась его собственной кровью. Крылья у петуха были такие сильные, что он умел летать лучше белых уток. Его шпоры были длиннее среднего пальца человека, а клюв — острый как меч.

У этого прекрасного петуха имелась тысяча жен, но любимой подругой, цветком его сердца была одна курочка, такая же красавица, как и он, благородных кровей, признанная королева среди кур на много лиг вокруг. С какой гордостью эта пара вышагивала между углом сарая и утиным прудом! Это зрелище не сравнить даже с самим Автархом, выступающим рядом с фавориткой из Кладезя Орхидей — тем более что Автарх, по слухам, как раз каплун.

На завтрак эта счастливая пара лакомилась жучками и наслаждалась безоблачной жизнью, пока однажды вечером нашего петуха не разбудил ужасный шум. В курятник ворвалась огромная ушастая сова и ринулась на кур, устроившихся на насесте. Конечно, сова напала на

самую красивую курицу, любимицу петуха. Схватив красавицу-наседку в когти, сова расправила свои широкие крылья и полетела прочь. Совы прекрасно видят в темноте, поэтому она, должно быть, заметила, что петух бросился за ней в погоню, преисполненный ярости. Видел ли кто-нибудь из вас удивленное выражение на лице совы? Но именно удивление было написано на лице хищницы, когда она вылетала из курятника. Петух перебирал шпорами быстрее, чем танцор-виртуоз ногами, а клюв его безостановочно долбил круглые блестящие глаза совы, как клюв Дятла по стволу дерева. Сова выпустила курицу из когтей и улетела восвояси. Ее никогда больше не видели в этих краях.

Разумеется, петух имел право гордиться собой, но его гордость превзошла все допустимые границы. Одержав победу над совой в темноте, он посчитал, что сможет побить любую птицу при любых условиях. Он начал поговаривать о том, что может спасти куропаток, попавших в когти сокола, и запугать тераторниса, самого крупного и ужасного из летающих существ. Если бы петуха окружали мудрые советники, например, ламы и свиньи, которых берут в помощники большинство правителей, то, я уверен, экстра-

вагантные выходки хвастливого петуха вскоре были бы тактично, но эффективно пресечены. Увы, таких советников у него не оказалось. Петух прислушивался только к мнению кур, которым он совершенно вскружил головы, а также гусей и уток, которые были не прочь погреться в лучах славы своего знаменитого товарища по птичьему двору. Но пришел тот самый день, который всегда наступает для тех, кто слишком возгордился. В тот раз петух зашел гораздо дальше обычного — попросту зарвался.

Это случилось на восходе солнца, то есть в самое опасное время для всех, кто творит неладное. Наш петух взлетал все выше и выше, пока ему не показалось, что он покорил небо, а потом, в апогее своего полета, он уселся на верхушку флюгера, высшую точку над всей фермой. И когда солнце прогнало тени всполохами пурпура и сверкающего золота, петух во всеуслышание заявил, что он — верховный повелитель всех пернатых на свете. Выкрикни он эту фразу семь раз, тем бы дело и ограничилось, ведь семь — счастливое число. Но нашего хвастуна число семь не устраивало. Он прокричал восьмой раз, после чего опустился на двор.

Не успел он приблизиться к своим курам, как

высоко в небе, прямо над фермой, началось нечто поразительное. Казалось, сотни солнечных лучей пересеклись в одной точке, как бывает, когда котенок запутывает клубок с шерстяными нитками, и перемешались, точно тесто под руками кухарки. Потом из этого сгустка яркого света появились ноги, руки, голова и наконец крылья, и существо спланировало на птичий двор. То оказался ангел с крыльями красного, синего, зеленого и золотистого цветов. И хотя ростом он был не выше петуха, как только тот посмотрел ему в глаза, наш гордец сразу понял, что намного уступает ему по внутренней силе.

— Итак, — сказал ангел, — да восторжествует справедливость. Ты утверждаешь, что ни одно пернатое существо не устоит против тебя. Вот я такое же пернатое, как все птицы. Все могущественное оружие воинства света я оставил дома и теперь предлагаю тебе помериться силами со мной в честном бою, один на один.

При этих словах петух расправил крылья и поклонился так низко, что его драный гребешок испачкался в пыли.

— До конца дней своих буду гордиться оказанной мне честью, — сказал петух. — Такого лестного предложения не получала еще ни одна

птица. Но я с глубоким сожалением вынужден отклонить приглашение к бою по трем причинам: во-первых, хотя у тебя есть перья на крыльях, мне придется сражаться не с этими крыльями, а с головой и грудью. Таким образом, ты не из тех пернатых существ, которых я упоминал в своем заявлении.

Ангел закрыл глаза и прикоснулся руками к телу, когда же он поднял руки, волосы на его голове превратились в яркие перья, ярче, чем у самой нарядной канарейки, а его льняное одеяние тоже преобразилось и стало белым оперением, белоснежное, чем у самого изысканного из голубей.

— Во-вторых, — продолжал ничуть не обескураженный петух, — ты, как только что доказал, обладаешь даром перевоплощения и в ходе сражения можешь стать другим существом, не имеющим перьев, — скажем, большой змеей. Поэтому, если бы я согласился сражаться с тобой, у меня не было бы гарантии честного боя.

Тогда ангел распахнул свою грудь и, продемонстрировав всем собравшимся птицам находящиеся внутри качества, извлек и отложил в сторону способность изменять форму. Этот дар он временно передал самому толстому гусю, который, не сходя с места, воспользовался представившимся

случаем и превратился в серого гуся той породы, что летают от полюса к полюсу. Однако он не улетел, но добросовестно сохранил доверенную ему ангелом ценность.

— В-третьих, — безрассудно продолжал петух, — ты, несомненно, на службе у Панкреатора и устанавливаешь справедливость в порядке выполнения своих служебных обязанностей. Если бы я принял вызов, как ты того желаешь, то совершил бы тяжкое преступление, выступая против воли единственного правителя, которого признает наше храброе куриное племя.

— Хорошо, — сказал ангел. — Это очень веский и законный довод, и, как я полагаю, ты считаешь, что сумел выйти сухим из воды. Но истина в том, что своими возражениями и отговорками ты проторил дорогу к собственной смерти. Ведь я намеревался лишь слегка вывернуть тебе крылья и повыдергивать перья из хвоста. — Потом ангел поднял голову и издал странный дикий вопль. Тут с неба молнией слетел орел и опустился перед петухом.

Они сражались и на птичьем дворе, и возле утиного пруда, и на лужайке, потому что орел был очень сильным, а петух — смелым и быстрым. У одной из стен сарая стояла телега со сломанным

колесом, и под этой телегой, где орел не мог налететь сверху, петух и нашел себе убежище, чтобы поостыть в тени. Однако наш петух обливался кровью так обильно, что не успел орел, почти столь же окровавленный, приблизиться к нему, как тот зашатался, упал, попытался подняться и упал снова.

— Вот так, — проговорил ангел, обращаясь к собравшимся вокруг птицам. — Вы были свидетелями торжества справедливости. Не зазнавайтесь! Не хвастайте! Ибо возмездие покарает вас неотвратимо! Вот он лежит, поверженный в прах, жертва не орла, нет, но жертва собственного зазнайства и гордыни, побитый и уничтоженный.

Тогда петух, которого все уже сочли мертвым, поднял голову.

— Ты, конечно, очень умен, ангел, — сказал петух. — Но ты ничего не знаешь о петухах. Петух не бывает поверженным, пока не повернется хвостом к противнику и не покажет белых перьев, что растут внизу хвоста. Мои силы, накопленные во время полетов, в сражениях и тренировках, иссякли. Но мой боевой дух, полученный из рук твоего хозяина, Панкреатора, еще силен. Орел, я не собираюсь просить у тебя пощады, подойди и убей меня, но, если ты дорожишь своей честью,

никогда не говори, что ты побил меня.

Выслушав слова петуха, ангел и орел переглянулись.

— Панкреатор бесконечно далек от нас, — сказал наконец ангел. — Он бесконечно далек и от меня, хотя я летаю несравнимо выше, чем ты. Я угадываю его желания — никто не может поступать иначе.

Ангел снова раскрыл свою грудь и вернул на место дар перевоплощения. Потом он и орел улетели. Некоторое время их сопровождал предприимчивый гусь. Вот и все, конец истории».

Пока Мелито рассказывал, он лежал на спине и глядел на парусину над головой. Меня не покидало чувство, что он был слишком слаб даже для того, чтобы приподняться на локте. Остальные пациенты вели себя тихо и слушали его историю столь же внимательно, как и рассказ Хальварда.

— Прекрасно, — сказал я наконец. — Мне будет чрезвычайно трудно отдать предпочтение одному из рассказчиков. Если ты, Хальвард, и Фойла не возражаете, я бы сперва немного поразмыслил.

Фойла, которая сидела, обхватив колени руками и уперев в них подбородок, проговорила:

— Не нужно никому из них отдавать предпочтение. Конкурс еще не окончен.

Все встревоженно поглядели на нее.

— Объясню завтра, — пообещала она. — А пока, Северьян, не надо выбирать победителя. Но скажи, что ты думаешь об этой истории?

— Вот что я об этом думаю, — ворчливо перебил ее Хальвард. — Полагаю, Мелито пошел на ту самую хитрость, что приписывал мне. Он проигрывает при сравнении со мной, он не так силен, как я, поэтому и стремится вызвать женское сочувствие. Ловко придумано, маленький петушок.

Голос Мелито прозвучал слабо, совсем не так, как во время его рассказа о боевом петухе.

— Это худшая история из тех, что я знаю.

— Худшая? — удивился я. Слова Мелито поразили всех слушателей.

— Да, худшая. Эту глупую сказку мы рассказываем своим детям, которые не видят ничего, кроме уличной пыли, животных на ферме да неба над головой. Это же очевидно из каждого слова моей истории.

— Разве ты не хочешь победить в этом конкурсе, Мелито? — спросил Хальвард.

— Конечно, хочу. Но ты не любишь Фойлу так же сильно, как люблю ее я. Я готов умереть за обладание ею, но тем скорее я умру, чтобы не

разочаровать ее. Если история, которую я только что рассказал, выиграет, тогда, значит, я никогда ее не разочарую, хотя бы своими рассказами. Я знаю тысячу историй гораздо лучше этой.

Хальвард встал, подошел к моей койке и, как за день до этого, сел в ногах. Я же, в свою очередь, опустил ноги на пол и устроился рядом с ним.

— То, что сказал Мелито, очень умно, — начал он. — Мелито вообще говорит умные вещи. Но тем не менее ты должен судить только по рассказанным историям, а не по тому, что мы якобы знаем, но не рассказываем. Я тоже припас много других историй. Зимние ночи в наших краях — самые долгие во всем Содружестве.

Я ответил, что, по желанию Фойлы, первой предложившей устроить конкурс и являвшейся главным призом, я пока что не стану определять победителя.

— Все, кто говорит по Правильному Мышлению, хорошо говорят, — неожиданно вступил в разговор асцианин. — В чем состоит превосходство одних учеников над другими? В умении говорить. Разумные ученики говорят по Правильному Мышлению разумно. Слушатель по интонации узнает, что они понимают. Благодаря особой речи разумных учеников Правильное

Мышление переходит от одного к другому, как огонь при пожаре.

Думаю, никто из нас не подозревал, что асцианин прислушивается к нашей беседе. Поэтому мы даже слегка испугались, услышав его голос. Через минуту Фойла перевела:

— Он имеет в виду, что судить надо не по содержанию рассказа, а по тому, как оно передается. Не могу сказать, что я полностью согласна с его мнением, но что-то в этом есть.

— А я совершенно не согласен, — проворчал Хальвард. — Слушатели скоро устают от приемов рассказчика. Лучшее качество — это простота.

Все остальные тоже вступили в спор, и мы еще долго говорили об этом и о маленьком боевом петухе.

10. АВА

Пока я болел, я мало обращал внимания на тех, кто приносил нам еду, но впоследствии они вставали в моей памяти очень ясно, как, собственно, все, что мне приходилось видеть. Однажды нас опекала Пелерина, та самая, с которой я беседовал минувшим вечером. В других случаях прислуживали бритоголовые рабы-мужчины или послушницы в коричневых одеяниях. В этот вечер, когда Мелито рассказывал нам свою историю, ужин принесла послушница, которую я прежде не видел, стройная сероглазая девушка. Я встал и помог ей разносить подносы с едой.

Когда мы закончили раздачу, она поблагодарила меня и сообщила:

— Ты здесь недолго пробудешь.

Я ответил, что у меня еще есть дела в лазарете и что пойти мне некуда.

— Тебя ждут в легионе. Если же твой легион расформировали, то тебя зачислят в другой боевой отряд.

— Я не солдат. Пришел на север, намереваясь завербоваться, но заболел, не успев поступить на

военную службу.

— Мог бы подождать в своем родном городе. Мне говорили, что вербовщики разъезжают повсюду и бывают в каждом городке не реже двух раз в году.

— Мой родной город — Нессус. — Я заметил, что она улыбнулась. — Я уехал оттуда некоторое время назад, а сидеть где-нибудь и ждать целых полгода — это не по мне. Мне это даже и в голову не приходило. Ты тоже из Нессуса?

— Наверное, тебе тяжело стоять.

— Ничего, все в порядке.

Она прикоснулась к моей руке робким жестом, который напомнил мне прирученного оленя в саду Автарха.

— Да ведь ты шатаешься. Даже если у тебя прошла лихорадка, ты еще слаб, и стоять на ногах тебе не следует. Ведь ты несколько дней не поднимался с койки. Поэтому прошу тебя немедленно лечь.

— Но тогда мне будет не с кем поговорить, кроме тех, кого я вижу целый день. Человек справа от меня — асцианин, военнопленный, а слева — из глухой деревни, о которой ни ты, ни я никогда и слыхом не слыхивали.

— Ну ладно, если ты послушаешься меня и

ляжешь, я посижу рядом, и мы поговорим. Мне все равно нечего делать до вечера. Так в каком районе Нессуса ты жил?

Пока она помогала мне добраться до койки, я сказал, что хочу не столько говорить, сколько слушать, и спросил, какой квартал города она считает своим домом?

— Когда служишь в Ордене Пелерин, он и есть твой дом — любое место, там, где установлены палатки. Орден становится твоей семьей, твоими друзьями, как если бы все твои подруги неожиданно стали тебе сестрами. Но прежде чем я пришла сюда, я жила далеко на северо-западе той части города, где видна Стена.

— Возле Кровавого Поля?

— Да, совсем рядом. Ты знаешь это место?

— Я сражался там однажды. Она удивленно раскрыла глаза.

— В самом деле? Мы туда ходили посмотреть. Вообще-то нам не разрешали, но мы все равно ходили. Ты тогда одержал победу?

Мне эта мысль никогда не приходила в голову, поэтому пришлось сперва все взвесить, прежде чем ответить ей.

— Нет, — сказал я. — Потерпел поражение.

— Но ты остался жив. Я уверена, лучше проиг-

рать сражение и остаться в живых, чем отнять жизнь у другого человека.

Я распахнул на себе одежду и показал ей шрам на груди, который остался от листка аверна, брошенного Агилюсом.

— Тебе очень повезло. К нам часто привозят солдат с подобными ранами на груди, но спасти их удается редко. — Она осторожно прикоснулась к шраму. На ее лице появилось очень милое выражение, такого мне еще не приходилось видеть у женщин. Она нежно погладила меня, потом быстро отдернула руку. — Эта рана не могла быть слишком глубокой.

— Нет, рана была поверхностная, — подтвердил я.

— Как-то раз мне довелось увидеть драку между офицером и экзультантом во время маскарада. В качестве оружия они использовали ядовитые растения — я решила, что иначе у офицера было бы преимущество — меч. Экзультант был убит, и я ушла, но потом начался большой скандал, потому что тот офицер обезумел. Он бросился мимо меня, размахивая своим ядовитым растением, но кто-то швырнул дубинку ему под ноги, и офицер упал. Думаю, это была самая захватывающая схватка из тех, что я видела.

— Они смело дрались?

— Не особенно. Было много споров о правилах поединка. Да ты, наверное, сам знаешь, как ведут себя мужчины, когда не хотят начинать дуэль.

— «До конца дней своих буду гордиться оказанной мне честью. Такого лестного предложения не получала еще ни одна птица. Но я с глубоким сожалением вынужден отклонить приглашение к бою по трем причинам: во-первых, хотя у тебя есть перья на крыльях, мне придется сражаться не с этими крыльями…» Ты знаешь эту историю?

Послушница улыбнулась и покачала головой.

— Хорошая история. Я когда-нибудь перескажу тебе ее. Если ты жила так близко от Кровавого Поля, то твоя семья, должно быть, знатных кровей. Наверное, ты армигер?

— Практически мы все армигерки или экзультантки. Боюсь, это довольно аристократический Орден. Иногда дочь оптимата, вроде меня, может быть допущена в Орден, если этот оптимат длительное время ходил в друзьях и помощниках Ордена. Но таких, как я, в Ордене только три. Мне говорили, что некоторые оптиматы полагают: все, что от них требуется, — сделать щедрый подарок и тогда их дочерей примут в общину. Но в действительности это не так, они должны

всячески помогать в работе Ордена, и не только деньгами. Они должны оказывать помощь не один день и не один год. Видишь ли, мир не так испорчен, как люди предпочитают считать.

— Ты полагаешь, это правильно — таким образом ограничивать доступ в Орден? Ведь вы служите Миротворцу. Разве он спрашивал тех людей, которых возвращал к жизни, армигеры они или экзультанты?

— Этот вопрос многократно обсуждался в Ордене, — снова улыбнулась она. — Но существуют другие общины, открытые для оптиматов, а также для людей низших сословий. Устанавливая же высокую социальную планку, мы получаем крупные пожертвования для использования в нашей деятельности, к тому же мы имеем немалое влияние в обществе. Если бы мы ухаживали и кормили людей только определенного социального класса, я бы сказала, что ты прав. Но это не так, по возможности мы помогаем даже животным. Конекса Эпихарис говорила, что наш нижний предел — насекомые, но как то раз она видела одну из нас — я говорю о послушницах, — которая пыталась выправить сломанное крыло бабочки.

— А вас не тревожит одно противоречие? Ведь

эти солдаты изо всех сил старались убить как можно больше асциан? Ее ответ оказался для меня неожиданным:

— Асциане — не люди.

— Я уже говорил тебе, что мой сосед — асцианин. По моим наблюдениям, вы ухаживаете за ним так же, как и за нами.

— А я тебе говорила, что мы помогаем и животным. Разве ты не знаешь, что человеческие существа могут потерять человечность?

— Ты говоришь о зоантропах? Я встречал их.

— Да, о них. Они сами добровольно отказались от всего человеческого. Существуют и другие, которые потеряли человеческие черты непредумышленно, часто по ошибке, считая, что они, наоборот, развивают свои качества или поднимаются до состояния более возвышенного, чем нам дано при рождении. А вот стряхнули с себя все человеческое.

Я подумал о Балдандерсе, который нырнул со стены своего замка в воды озера Диутурн.

— Но эти существа… они заслуживают нашего сочувствия.

— Животные тоже заслуживают сочувствия. Вот почему члены нашего Ордена заботятся о них. Но когда человек убивает животное — это

не убийство.

Я сел и взял ее за руку, мне трудно было сдержать волнение, внезапно охватившее меня.

— Не думаешь ли ты, что если что-то, скажем, десница Миротворца, может исцелить человеческое существо, то на существа нечеловеческие эти чары не подействуют?

— Ты говоришь о Когте. Закрой рот, пожалуйста, ты смешишь меня своим видом, а мне нельзя смеяться на глазах у тех, кто не принадлежит Ордену.

— Значит, ты знаешь!

— Твоя сиделка рассказала мне об этом. Она назвала тебя безумцем, но не злобным. Она считает, что ты никому не причинишь вреда. По моей просьбе она посвятила меня в подробности. Якобы у тебя есть Коготь и иногда тебе удается вылечивать больных и даже оживлять мертвых.

— Ты тоже считаешь меня безумцем? Она улыбнулась и кивнула.

— Но почему? Неважно, что сообщила тебе Пелерина. Разве сегодня я сказал что-нибудь, что подтвердило бы ее подозрения?

— Быть может, дело не в безумии, а в каких-то чарах? По правде говоря, ты вообще ничего не сказал. Разве что самую малость. Но ты — это не

один человек.

После этих слов она помолчала. Мне кажется, она ожидала возражений, но я не спешил с ответом.

— Что-то есть в твоем лице и в движениях. Кстати, ведь я до сих пор не знаю даже твоего имени. Сиделка мне не сказала.

— Северьян.

— А меня зовут Ава. Северьян — это одно из парных имен, не правда ли? Северьян и Севера. У тебя есть сестра?

— Не знаю. Если есть, то она — ведьма. Ава пропустила это мимо ушей.

— Как зовут ту, другую?

— Значит, ты знаешь, что это женщина.

— Да. Когда я раздавала еду, то на мгновение подумала, что одна из сестер-экзультанток пришла помогать мне. Я подняла глаза и увидела тебя. Сначала я замечала это боковым зрением. Но вот теперь, во время беседы я практически вижу ее, даже когда смотрю тебе прямо в глаза. Когда ты направляешь взгляд в одну сторону, то вдруг исчезаешь, и на твоем месте возникает высокая бледная женщина, позаимствовавшая твое лицо. Только не говори, пожалуйста, что я слишком много пощусь. Это неправда. Да если б

и было правдой, на этот раз дело в другом.

— Ее имя — Текла. Вспомни, что ты только что говорила о потери человечности. Ты хотела рассказать мне о ней? Ава покачала головой.

— Нет, но я хотела спросить тебя кое о чем. Здесь, в лазарете, был еще один пациент вроде тебя. Мне сказали, он пришел вместе с тобой.

— Ты говоришь о Милесе? Нет, его случай совсем иной. И я не стану о нем рассказывать. Либо он сам расскажет о себе, либо никто. А вот о себе я расскажу. Ты слыхала о пожирателях трупов?

— Ты не такой. Несколько недель назад у нас было три пленных повстанца. Так что я знаю, как они выглядят.

— Чем они отличаются от обычных людей?

— Они… — она с трудом подыскивала слова, — они не контролируют себя. Говорят сами с собой. Ну, конечно, многие люди сами с собой разговаривают, но эти видят то, чего не видят другие. Нет, ты не один из них.

— И все-таки ты заблуждаешься, — ответил я. И рассказал ей, не углубляясь в подробности, о банкете Водалуса.

— Тебя заставили, — проговорила она, когда я закончил. — Если бы ты стал противиться, они бы убили тебя.

— Не в том дело. Я пил альзабо. Я ел ее плоть. Сначала было противно, хотя я и любил ее. Она была во мне, я разделил ее жизнь, хоть она и была мертва. Я почти ощущал ее разложение. Но в первую ночь я видел ее во сне, то был чудесный сон. Погружаясь в воспоминания, я больше всего дорожу именно этим видением. А потом началось нечто ужасное. Иногда я, кажется, грезил наяву — те самые разговоры и странные взгляды, о которых ты говорила. Теперь и, похоже, надолго она вновь обрела жизнь, но существует внутри меня.

— Не думаю, что такое же испытывают и другие.

— Я тоже так не думаю, — признался я. — По крайней мере, судя по тому, что я о них слышал. На свете есть много такого, чего я не понимаю. То, что я сейчас рассказал, — одна из главных загадок.

Ава помолчала, потом широко раскрыла глаза.

— Тот Коготь, в который ты веришь, он и тогда был у тебя?

— Да, но я не знал, на что он способен. Он еще не действовал, то есть действовал, он воскресил женщину по имени Доркас, но я сам не понял, что произошло, откуда она вдруг появилась. Если бы я знал, то мог бы спасти Теклу, вернуть ее назад.

— Но ведь Коготь уже был у тебя? Я кивнул.

— Так неужели ты не понял? Коготь все-таки вернул ее назад. Ты же сам сказал, что Коготь может действовать незаметно. Получив его, ты получил и ее, разлагающуюся, как ты выразился, у тебя внутри.

— Без ее тела…

— Ты материалист, как все невежественные люди, но твое убеждение не делает материализм истинным. Понимаешь?

В конечном итоге важнее всего дух и мечта, мысль, любовь и действие.

Я был так поражен идеями, теснившимися в моей голове, что надолго замолчал — просто сидел, углубившись в собственные размышления. Когда я наконец снова пришел в себя, то был удивлен тем, что Ава еще не ушла, и как мог выразил ей свою благодарность.

— Мне так спокойно сидеть и разговаривать с тобой. Если бы появилась одна из сестер, я бы сказала, что дежурю здесь — вдруг кому-то из больных понадобится моя помощь.

— Я так и не осмыслил до конца твои слова о Текле. Мне надо хорошенько подумать, возможно, на это понадобится немало времени, даже несколько дней. Мне говорили, что я довольно

глупый человек.

Она улыбнулась, и, по правде говоря, своим признанием я хотел вызвать у нее улыбку (хотя и не покривил душой).

— Нет, это не так. Скорее уж ты основательный человек.

— Во всяком случае, у меня есть еще один вопрос. Часто, когда я старался заснуть или же просыпаясь среди ночи, я пытаюсь связать свои успехи и неудачи. Я имею в виду те моменты, когда я пользовался Когтем и кого-то оживлял, и случаи, когда, несмотря на все старания, воскрешение не получалось. Мне кажется, что тут не просто случайность, но связь, которую я не могу определить.

— Думаешь, теперь ты в этом разобрался?

— Вот ты говорила о людях, утративших человечность, — возможно, связь заключается именно в этом. Например, одна женщина… она могла быть именно такой, хотя отличалась необыкновенной красотой. Или мой друг, излечившийся лишь частично. Если некто в состоянии потерять свою человечность, значит, вполне возможно, что кто-то ее обретает. То, что один человек теряет, кто-то обязательно находит. По-моему, он и был таким. К тому же, похоже, воздействие менее

эффективно, когда смерть насильственная…

— Я это подозревала, — тихо проговорила Ава.

— Коготь исцелил обезьяночеловека, которому я отрубил Руку. Может быть, потому, что я сам нанес увечье. Он помог Ионе, но я — Текла — когда-то пользовалась такими же хлыстами.

— Целительные силы защищают нас от Природы. Почему Предвечный должен защищать нас от самих себя? Ведь мы сами могли бы защититься от самих себя. Вероятно, он станет помогать нам только тогда, когда мы пожалеем о том, что сделали.

Я кивнул, задумавшись над ее словами.

— А теперь мне пора в часовню. Ты достаточно хорошо себя чувствуешь, чтобы осилить короткое расстояние? Тогда пойдем со мной.

Пока я находился под широкой парусиновой крышей, я думал, что вижу весь лазарет. Теперь же понял, что лазарет состоит из множества палаток и павильонов, хотя было темно и я плохо различал помещения. В большинстве палаток для пущей прохлады стены были собраны гармошкой, как паруса у стоящего на якоре корабля. По петляющей тропинке мы прошли между палатками, и путь показался мне довольно долгим. Наконец, миновав многие, мы вышли к палатке

со спущенными донизу стенами. Эти стены были не из парусины, а из шелка и светились изнутри красным сиянием.

— Когда-то у нас был большой собор, — рассказывала Ава. — Там могли поместиться десять тысяч человек, и в то же время собор был складным и в собранном виде умещался в одном фургоне. Но наша Домницелла сожгла его как раз перед тем, как я поступила в Орден.

— Да, я знаю, — откликнулся я. — Я присутствовал при этом.

Внутри шелкового шатра стоял простой алтарь, украшенный цветами, перед которым мы опустились на колени. Ава молилась. Я не знал молитв и беззвучно обратился к тому, кто иногда бывал внутри меня, а иногда, как говорил ангел, бесконечно далеко.

11. ВЕРНЫЙ ГРУППЕ СЕМНАДЦАТИ – ИСТОРИЯ О СПРАВЕДЛИВОМ ЧЕЛОВЕКЕ

На следующее утро, когда все проснулись и позавтракали, я отважился спросить Фойлу, не пришло ли время подвести итоги конкурса рассказчиков. Она покачала головой, но не успела и слова вымолвить, как асцианин объявил:

— Каждый должен внести свой вклад в дело служения массам. Вол тащит за собой плуг, собака сторожит овец, кот ловит мышей в амбаре, точно так же мужчины, женщины и даже дети могут служить народным массам.

Фойла одарила нас чудесной улыбкой.

— Наш друг тоже хочет рассказать свою историю.

— Что?! — На мгновение мне показалось, что Мелито готов подняться с постели. — Да неужели мы допустим, чтобы этому… одному из этих… учитывая, что…

Фойла подняла руки, призывая всех к тишине.

— А почему бы и нет? — Уголки ее рта дрогнули. — Я считаю, что он может принять участие

в конкурсе. Конечно, придется переводить его слова, чтобы все понимали. А что ты думаешь по этому поводу, Северьян?

— Если таково твое желание… — откликнулся я.

— Мы так не договаривались вначале. Я помню каждый пункт в условиях конкурса, — проворчал Хальвард.

— Я тоже помню, — парировала Фойла. — Участие асцианина не противоречит ни одному из них, к тому же вполне соответствует духу договора, по которому соискатели, претендующие на мою руку — боюсь, не особенно нежную и привлекательную, хотя она и стала посимпатичней с тех пор, как я вынужденно прикована к этому месту, — вступают в состязание. Асцианин станет моим поклонником, если считает, что ему это по силам. Вы обратили внимание, как он все время смотрит на меня?

— Объединившись, мужчины и женщины становятся сильнее, — проговорил асцианин, — но храбрая женщина желает иметь детей, а не мужей.

— Он имеет в виду, что хотел бы жениться на мне, но не думает, что его ухаживания будут уместны. Он ошибается. — Фойла взглянула на

Мелито и Хальварда, и ее улыбка превратилась в усмешку. — Вы что же, так испугались его рассказов? Да в таком случае вы, как зайцы, удрали бы, завидев первого асцианина на поле боя!

Оба жениха промолчали, и спустя несколько минут асцианин начал свою историю:

— В давние времена верность делу служения массам обнаруживалась всюду. Воля Группы Семнадцати была волей каждого человека. — **Однажды**.... — вступила Фойла. — Пусть никто не пребывает в праздности. Если кто-то погряз в праздности, пусть он присоединится к другим бездельникам, и пусть отправляются они искать праздную страну. Пусть всякий, кто встретится им на пути, укажет им дорогу. Лучше пройти пешком тысячу лиг, чем сидеть в Обители Голода.

– **На** одной отдаленной ферме работали несколько человек, которые были не родственниками друг другу, а партнерам**и**.

— Один сильный, другой красивый, третий искусный ремесленник. Который из них лучше? Тот, кто служит массам. — **На** этой ферме жил один добрый человек. — Пусть труд распределяет умный специалист по распределению труда. Пусть еду раздает справедливый раздатчик еды. Пусть свинья нагуливает жир. Пусть крысы дох-

нут с голоду.

– **Партнеры** обманом отняли долю доброго человек**а**.

— Люди, собравшиеся на совет, могут творить суд, но никто не получит более сотни ударов. — **Добрый** человек выразил свое недовольство, и его избили за эт**о**. — Какое питание получают руки? Их питает кровь. Каким образом кровь доходит до рук? По венам. Если вены закупорены, руки отмирают.

– **Он** ушел с фермы и отправился в дальний пут**ь**.

— Там, где заседает Группа Семнадцати, вершится окончательное правосудие. — **Он** пришел в столицу и пожаловался на дурное обращени**е**. — Пусть тот, кто трудится, пьет чистую воду. И да будет его пища горячей, а постель — чистой.

– **Он** вернулся на ферму, усталый и голодный после длительного путешестви**я**.

— Никто не должен получать более сотни ударов. — **Его** снова избил**и**. — За каждым предметом находится следующий: дерево — за птицей, камень — под почвой, солнце — за Урсом. За нашими усилиями пусть найдутся дальнейшие усилия.

– **Справедливый** человек не сдался. Он опять

ушел с фермы и пешком направился в столицу.

— Можно ли выслушать всех просителей? Нет, потому что все кричат одновременно. Тогда кто же из просителей будет услышан? Тот, кто кричит громче всех? Нет, потому что все кричат громко. Услышат того, кто кричит дольше всех, и только он добьется правосудия. — **Добравшись** до столицы, он расположился возле самых дверей Группы Семнадцати и просил каждого проходившего мимо выслушать его. Не скоро допустили его во дворец, где облеченные властью выслушали его жалобу с сочувствием. — Так сказала Группа Семнадцати: у тех, кто ворует, забери все, ибо то, чем они владеют, — не их собственность.

– **Ему** велели вернуться на ферму и передать плохим людям, что они должны удалиться.

— Граждане так же послушны Группе Семнадцати, как ребенок — своей матери. — **Он** сделал так, как ему велели. — Что такое глупая речь? Это — ветер. Она влетает в уши и вылетает через рот. Никто не должен получать более сотни ударов.

– **Партнеры** посмеялись над ним. Потом опять избили.

— За нашими усилиями пусть найдутся дальнейшие усилия. — **Справедливый** человек не сдался. Он вернулся в столицу еще раз. — Граж-

дане воздают массам то, что надлежит воздавать массам. А что нужно массам? Все.

– **Он** очень устал. Его одежда превратилась в лохмотья, обувь стопталась, у него не осталось еды, и продать было нечег**о**.

— Лучше быть справедливым, чем добрым, но только хорошие судьи могут быть справедливыми. Пусть тот, кому не под силу справедливость, будет добрым. — **В** столице он жил на подаяни**я**.

На этом месте я не выдержал и прервал повествование. Я сказал Фойле, что считаю поразительной ее способность так хорошо интерпретировать каждую цитату, произносимую асцианином, но не могу представить себе, каким образом она это делает. Откуда, например, она взяла, что фраза о доброте и справедливости означает, что наш герой просил милостыню?

— Ну, допустим, кто-то другой, скажем, Мелито, рассказывал бы эту историю, в какой-то момент протянул руку и начал просить милостыню. Ведь ты понял бы, что это означает?

Мне пришлось согласиться с ней.

— То же самое и в этом случае. Иногда мы натыкаемся на отставших асцианских солдат, очень голодных или слишком больных. Убедившись, что мы не собираемся их убивать, они начинают

говорить о доброте и справедливости. По-асциански, конечно. В Асции именно так просят подаяние.

— Услышат того, кто кричит дольше всех, и только он добьется правосудия. — **На** этот раз он очень долго ждал, прежде чем его допустили во дворец, но наконец его приняли и выслушал**и**. — Те, кто не желает служить массам, будут служить массам.

– **Они** сказали, что посадят плохих людей в тюрьм**у**.

— Пусть тот, кто трудится, пьет чистую воду. И да будет чистой его вода для тех, кто трудится, да будет их пища горячей, а постель — мягкой. — **Он** вернулся домо**й**. — Никто не должен получать более сотни ударов.

– **Его** снова избил**и**.

— За нашими усилиями пусть найдутся дальнейшие усилия. — **Справедливый** человек не сдался и на этот раз. Он снова пошел в столицу со своей жалобо**й**. — Тот, кто сражается за массы, имеет тысячу сердец. Тот же, кто сражается против масс, не имеет ни одного.

– **Теперь** плохие люди испугалис**ь**.

— Никто не смеет спорить с решением Группы Семнадцати. — **Они** сказали себе: «Он снова и сно-

ва ходит во дворец, и каждый раз он, должно быть, сообщает правителям, что мы не подчиняемся их распоряжениям. На этот раз они наверняка пришлют солдат, чтобы убить нас». — Если их ранили в спину, кто остановит кровотечение?

– **Плохие** люди убежал**и**.

— Где теперь те, кто в стародавние времена осмеливался спорить с решением Группы Семнадцати? — **Их** никогда больше не видел**и**. — Пусть тот, кто трудится, пьет чистую воду. И да будет его пища горячей, а постель — чистой. Тогда он станет трудиться припеваючи, и работа покажется ему легкой. Тогда он станет петь во время жатвы, и урожай будет обильней.

– **Справедливый** человек вернулся домой и жил с тех пор счастлив**о**.

Слушатели захлопали в ладоши, когда асцианин закончил свою историю. Людей растрогал и сам рассказ, и неподдельное чистосердечие асцианского военнопленного. Окружающих покорила возможность хоть краешком глаза заглянуть в жизнь Асции, но больше всего, мне кажется, они были в восторге от находчивого и тактичного перевода Фойлы.

У меня нет возможности узнать, понравились ли тебе, будущий читатель этих записей,

рассказанные истории. Если не понравились, ты, несомненно, без внимания пролистал эти страницы. Признаюсь, мне они очень по душе. В сущности, мне часто кажется, что из всех стоящих вещей в этом мире человечество может записать на свой счет лишь музыку и рассказы; все остальное — милосердие, красота, сон, чистая вода и горячая пища (как выразился бы асцианин) — все это создано трудом Предвечного. Таким образом, эти рассказы — маленькие деяния в масштабах вселенной, но, в самом деле, как не любить лучшее, что мы создали!

Из асцианской истории, хотя она была самой короткой и самой простой из записанных здесь, я узнал несколько важных вещей. Во-первых, большинство слов, которые якобы впервые срываются с наших уст, на самом деле слагаются в набор готовых штампов. Ведь асцианин сыпал только цитатами, выученными наизусть, хотя мы и не слышали их прежде. Фойла же говорила так, как обычно говорят фразами; но как часто можно было предугадать конец ее предложения, заслышав лишь несколько первых слов.

Во-вторых, я понял, как трудно пресечь стремление к выразительности речи. Народ Асции не мог говорить иначе, кроме как словами своих

хозяев; но из штампов и цитат эти люди создали новый язык, на котором могут выразить любые мысли. Я не сомневался в этом теперь, выслушав историю асцианина.

В-третьих, я еще раз убедился, сколь многогранен процесс повествования. Едва ли существует история проще, чем рассказанная асцианином, но тем не менее кто возьмется определить ее смысл? Быть может, в ней восхвалялась Группа Семнадцати? Само это название обращало в бегство всех злодеев. Или же эта история осуждала правителей? Они выслушали жалобы справедливого человека и остались безучастными, лишь выразив ему устную поддержку. Ведь не было ни малейших указаний на то, что они намерены предпринять какие-то серьезные шаги.

Но, слушая асцианина и Фойлу, я все-таки не узнал того, что больше всего хотел бы узнать. Почему Фойла согласилась на участие асцианина в конкурсе? Просто из озорства? Судя по ее смеющимся глазам, в это можно было поверить. А может быть, этот асцианин и в самом деле нравился ей? В это уже верилось с трудом, но исключить такое было нельзя. Кто не встречал женщин, влюбленных в мужчин, полностью лишенных видимой привлекательности? У Фойлы

было мною общего с асцианином, а этот не был обыкновенным солдатом, поскольку выучил наш язык. Может быть, она надеялась выведать у него какой-то секрет?

А как насчет него? Мелито и Хальвард обвиняли друг друга в тайных помыслах. Не крылся ли и в истории асцианина некий намек? Если так, он, наверное, хотел сказать Фойлс (да и всем нам), что никогда не отступит.

12. ВИННОК

В этот вечер ко мне пришел еще один посетитель — один из бритоголовых рабов. Я сидел на койке и пытался беседовать с асцианином. Бритоголовый подошел и устроился рядом.

— Ты помнишь меня, ликтор? — спросил он. — Меня зовут Виннок.

Я покачал головой.

— А ведь я купал тебя, ухаживал той ночью, когда тебя привели. Я ждал, когда ты поправишься настолько, что сможешь разговаривать. Я подошел бы к тебе вчера вечером, но ты был занят разговором с одной из наших послушниц.

Я спросил его, о чем он хотел поговорить.

— Секунду назад я назвал тебя ликтором, и ты не возразил. Ты действительно ликтор? В тот вечер ты был одет, как ликтор.

— Да, я был ликтором, — ответил я, — и другой одежды у меня нет.

— Но теперь ты больше не ликтор?

— Я пришел на север, чтобы завербоваться в армию.

— Вот, значит, как... — Он посмотрел в сто-

рону.

— Другие тоже так поступают.

— Совсем немногие. Большинство присоединяются к войскам на юге. Или их вербуют насильно. Лишь некоторые вроде тебя идут на север, потому что хотят служить в конкретном подразделении, где у них уже есть друг или родственник. Ведь солдатская жизнь…

Я подождал, пока он договорит.

— По-моему, солдат — это все равно что раб. Я сам никогда не был солдатом, но со многими разговаривал.

— Твоя жизнь такая несчастная? Мне показалось, что Пелерины добрые хозяйки. Тебя бьют?

Он расплылся в улыбке и повернулся, выставив на обозрение свою спину.

— Ты был ликтором. Что ты думаешь о моих шрамах? При бледном свете я едва различил рубцы, поэтому провел по ним пальцами.

— Могу сказать только, что шрамы старые и остались от Ударов бичом, — сказал я.

— Меня высекли, когда мне не было еще двадцати лет. Сейчас мне почти пятьдесят. Их оставил один человек в черном одеянии, как у тебя. Ты долго был ликтором?

— Нет, недолго.

— Значит, ты не очень хорошо знаком с обязанностями ликтора.

— Достаточно, чтобы их исполнять.

— Всего лишь? Человек, который оставил эти шрамы, сказал, что он из гильдии палачей. Может быть, ты слышал о такой гильдии?

— Да, слышал.

— Так она и вправду существует? Мне говорили, что эта гильдия отмерла уже много лет назад. Это не совпадает с тем, что говорил мне палач, бичевавший меня.

— Гильдия по-прежнему существует, — подтвердил я, — насколько мне известно. Ты помнишь имя человека, который тебя бил?

— Он называл себя мастером Палаэмоном. О, ты знаешь его!

— Да, знаю. Он был моим учителем некоторое время. Теперь он старик.

— Но ведь он еще жив, да? Ты увидишься с ним?

— Не думаю.

— Я хотел бы с ним повидаться. Может, еще доведется. В конце концов, все в руках Предвечного. Вы, молодые люди, ведете бесшабашную жизнь. Я знаю, сам был таким в твои годы. Но знаешь ли ты, что именно он придает форму всем нашим

деяниям?

— Возможно.

— Поверь мне, так оно и есть. Я повидал гораздо больше, чем ты. Может быть, мне никогда не удастся снова свидеться с мастером Палаэмоном, а тебя забросило сюда, чтобы ты стал моим посланником.

И в тот момент, когда я уже ожидал услышать от него некое послание, он вдруг замолчал. Соседи по палате, которые так внимательно слушали историю асцианина, сейчас беседовали между собой. В этот миг в стопке грязной посуды, которую собрал старый раб, одна из мисок сдвинулась и негромко звякнула. Я отчетливо расслышал этот звук.

— Что ты знаешь о рабовладельческих законах? — спросил он меня. — Я имею в виду, как мужчина или женщина могут в законном порядке стать рабами?

— Я очень мало знаю об этом. Один мой друг (я подумал о зеленом человеке) назывался рабом, но он был лишь невезучим иноземцем, которого схватили бессовестные люди. Я знаю также, что это было сделано незаконным путем.

Бритоголовый согласно покачал головой.

— Он был темнокожим?

— Пожалуй — да, так можно сказать.

— В стародавние времена рабов определяли по цвету кожи так мне рассказывали. Чем темнее кожа, тем в большей степени он был рабом. Я понимаю, что в это трудно поверить, но у нас в Ордене была одна шатлена, которая прекрасно знала историю. Это я слыхал из ее уст, а она была правдивой женщиной.

— Несомненно, темный цвет кожи был первоначально связан с рабством, потому что рабам приходилось много трудиться под палящим солнцем, — заметил я. — Многие обычаи прошлого кажутся нам теперь причудами.

При этих словах он немного рассердился.

— Поверь мне, молодой человек, я пожил в стародавние времена, пожил и в нынешние и куда лучше тебя разбираюсь в жизни.

— Так рассуждал мастер Палаэмон. Как я и рассчитывал, упоминание о мастере Палаэмоне вернуло раба к главной теме разговора.

— Существует три способа порабощения мужчины. Хотя в случае с женщиной все несколько по-иному: брак и тому подобные обстоятельства.

Если мужчину привели в Содружество из чужих земель, а до этого он был рабом, то он рабом и останется, и хозяин, который пригнал его, мо-

жет при желании его продать. Это первый путь. Военнопленные — вот как этот асцианин — рабы Автарха, господина господ и раба рабов. Автарх может их продавать, если захочет. Часто он так и делает, и поскольку большинство асциан ни к чему, кроме монотонной работы, не пригодны, их часто можно видеть в качестве гребцов на Речных судах. Это второй путь.

Есть и третий: мужчина может продать сам себя кому-то в Услужение, потому что свободный человек — хозяин своего тела и, таким образом, есть собственный раб.

— Рабов редко истязают палачи, — заметил я. — Какой в этом смысл? Ведь хозяин сам всегда может побить своего раба.

— В те времена я не был рабом. Вот об этом я и хотел бы поговорить с мастером Палаэмоном. Я был просто молодым парнем, которого поймали на воровстве. Мастер Палаэмон пришел поговорить со мной утром того дня, когда я должен был подвергнуться бичеванию. Я подумал, что это добрый поступок с его стороны, хоть именно тогда он и сообщил мне о своей принадлежности к гильдии палачей…

— По возможности мы всегда подготавливаем клиентов, — перебил я.

— Он посоветовал мне не пытаться сдерживать крики. Как он сказал, бичевание не столь мучительно для наказуемого, если тот кричит, когда опускается плетка. Он пообещал, что не сделает ни одного лишнего удара сверх того, что определил судья. Поэтому при желании можно считать удары, и тогда будет точно известно, когда наказание закончится. И еще он пообещал бить не сильнее, чем необходимо, чтобы рассечь кожу, но не поломать кости.

Я кивнул.

— Я спросил, не окажет ли он мне услугу, и он согласился. Тогда я попросил его зайти ко мне после бичевания, чтобы продолжить разговор. Он ответил, что постарается навестить меня, когда я немного приду в себя. После этого явился священник прочитать молитву.

Меня привязали к столбу, заломив руки над головой. На столб они прикрепили приговор суда. Вероятно, ты сам делал так не один раз.

— Да, довольно часто, — согласился я.

— Сомневаюсь, чтобы в моем случае было по-другому. На мне до сих пор остались шрамы, но, как ты сам заметил, они давным-давно зажили. Видал я шрамы и пострашнее. Тюремщики доволокли меня до камеры, как у них заведено,

но, думаю, я мог бы добраться и самостоятельно. Когда отнимают руку или ногу, гораздо больнее. Мне не раз приходилось помогать хирургам при ампутации.

— В то время ты был худым? — спросил я.

— Очень худым, можно было все ребра пересчитать.

— Тогда тебе крупно повезло. Плеть глубоко врезается в спину толстого человека, и кровь хлещет, как из поросенка. Люди говорят, что торговцев мало наказывают за обвес покупателей, но они не знают, насколько сильнее те страдают от плетей.

Виннок согласно кивнул.

— На следующий день я уже чувствовал себя почти таким же сильным, как прежде. Ко мне пришел мастер Палаэмон, как и обещал. Я рассказал ему о себе — как жил и всякие подробности и расспросил о его жизни. Полагаю, тебе странно, что я стремился поговорить с человеком, который только что избивал меня.

— Нет, не странно. Мне доводилось сталкиваться с такими случаями.

— Он рассказал мне, что совершил некое преступление против своей гильдии. В чем именно был его проступок, он не сказал, но за это он на

некоторое время отправился в изгнание. Он говорил о своих переживаниях и о своем одиночестве. Сказал, что старался думать о других людях, лишенных поддержки гильдии, стремясь найти в этих мыслях утешение. Но ему очень скоро становилось жаль этих людей, а потом и самого себя. Он сказал, что, если я хочу обрести счастье и больше не подвергаться таким наказаниям, я должен найти для себя какое-нибудь братство или товарищество и стать его членом.

— В самом деле? — переспросил я.

— Да, вот я и решил последовать его совету. Когда я вышел на свободу, то стал разговаривать с мастерами разных гильдий, чтобы подобрать подходящую для себя. Потом просто обращался к тем, кто мог бы принять меня, — к мясникам, изготовителям свечей. Но никто не пожелал брать себе в ученики человека моего возраста, тем более не имеющего денег или с дурным характером. Понимаешь, стоило им посмотреть на мою спину, и они сразу решали, что я возмутитель спокойствия.

Думал я завербоваться моряком или поступить в армию и До сих пор иногда жалею, что не завербовался, хотя, возможно, поступи я на службу, я жалел бы об этом сейчас, если бы вообще остался

жив, чтобы испытывать какие-нибудь эмоции. Потом, не знаю почему, я вбил себе в голову, что должен иступить в один из религиозных орденов. Я поговорил с разными людьми, и двое согласились принять меня даже после того, как я признался, что не имею денег, и показал им свою спину. Но чем больше я узнавал об их жизни в этих орденах, тем меньше она мне нравилась. Я сильно попивал, любил женщин и вовсе не собирался что-нибудь менять.

Однажды я стоял на углу и заметил человека, который, казалось, принадлежал к доселе незнакомому мне ордену. В то время я уже решил завербоваться на борт одного корабля, но он отплывал только через неделю. А какой-то моряк рассказал о тяжелой работе, которая предстоит до поднятия якоря, и посоветовал мне выждать денек-другой. То была ложь, но тогда я поверил ему.

Так вот, я пошел следом за тем человеком. Когда он остановился — видишь ли, его послали купить овощей, — я подошел к нему и расспросил об Ордене. Он рассказал, что служит рабом у Пелерин. Якобы это почти то же самое, что состоять членом Ордена, только лучше. Можно разок-другой глотнуть горячительного, и никто

не будет поднимать шум, если ты выполняешь свою работу на трезвую голову. Можно и с женщиной переспать, и даже есть дополнительные преимущества: девушки думают, что ты — своего рода святой человек, да и повидать белый свет представляется возможность.

Я спросил, возьмут ли меня, по его мнению, и предположил, что он сильно приукрасил свою жизнь у Пелерин. Он ответил, что меня непременно возьмут, и хоть он не может доказать правдивость своих слов относительно девушек немедленно, но на счет выпивки — хоть сейчас. И предложил пойти и распить с ним бутылку красного вина.

Мы отправились в таверну, что возле рынка, и сели за стол. Все вышло так, как он говорил. Еще он сказал, что его жизнь похожа на жизнь моряка, ведь лучшее в профессии моряка — возможность повидать свет, а именно это дает работа у Пелерин. Его служба похожа и на солдатскую, потому что приходится носить оружие, когда Орден путешествует по диким, неосвоенным местам. К тому же еще и получаешь деньги при вербовке. Повсюду принято, что Орден взимает плату с каждого, кто присягает ему на верность. Если потом этот человек решает выйти из Ордена, ему

возвращают деньги, но не полностью, а с учетом времени, проведенного в Ордене. Но для нас, рабов, объяснил мне тот знакомый, все иначе. Рабу платят, когда он нанимается на службу. Если потом он захочет уйти, то должен выкупиться. Если же он продолжает служить, то все деньги остаются у него.

У меня была мать, и хотя я никогда не навещал ее, я знал, что у нее нет ни аэса за душой. Размышляя о вступлении в какой-нибудь религиозный орден, я и сам стал более религиозным, но не знал, как мне служить, имея на совести нищую мать. В общем, я подписал бумаги. Естественно, Гозлин, тот раб, который привел меня к Пелеринам, получил наградные, а я отвез матери остальные.

— Уверен, и ты, и она были очень счастливы, — предположил я.

— О, сначала она подумала, что здесь какой-то подвох, но я все-таки оставил ей деньги. Мне надо было срочно возвращаться в Орден, ведь они, разумеется, отпустили меня с сопровождающим. И вот уже тридцать лет я служу здесь.

— Надеюсь, тебя можно поздравить.

— Не знаю. У меня была довольно тяжелая жизнь, но ведь у всех жизнь нелегкая, судя по тому, что я наблюдаю вокруг.

— Да, согласен. — Честно говоря, меня клонило в сон, и я хотел, чтобы он ушел. — Благодарю тебя за рассказанную историю. Это было интересно.

— Хочу кое о чем попросить тебя, — сказал Виннок. — Не мог бы ты задать один вопрос мастеру Палаэмону, если тебе доведется встретиться с ним?

Я кивнул, приготовившись выслушать бритоголового.

— Ты сказал, что, по-твоему, Пелерины — добрые хозяйки. Пожалуй, ты прав. От некоторых из них я видел немало добра, и меня никогда не секли здесь, так — иногда получал пару тумаков. Но ты должен знать, как они управляются. Рабов, которые плохо себя ведут, продают, вот и все. Может, ты не понял меня?

— Кажется, не совсем.

— Много мужчин продают себя в рабство этому Ордену, полагая, так же как и я когда-то, что здесь легкая жизнь, полная приключений. Так оно чаще всего и есть, да и приятно думать, что ты лечишь больных и выхаживаешь раненых. Но тех, кто не устраивает Пелерин, они перепродают, причем за гораздо большую цену, чем первоначально заплатили. Понимаешь теперь, что получается? Вот почему у них нет необхо-

димости бить рабов. Худшее наказание — это отправиться чистить выгребные ямы. Но стоит только попасть в немилость — живо окажешься где-нибудь на рудниках. Вот что я хотел спросить у мастера Палаэмона все эти годы… — Виннок замолчал и закусил губу. — Ведь он был палачом, верно? Он так сказал, да и ты подтвердил.

— Верно, он и сейчас палач.

— Я хотел бы знать: то, что он сказал, имело целью помучить меня, или же он дал совет от чистого сердца? — Виннок отвернулся, и я не мог разглядеть выражения его лица. — Ты спросишь его от моего имени? А там, быть может, и мы с тобой когда-нибудь еще свидимся.

— Он дал тебе лучший совет, какой только мог дать, — ответил я. — Я убежден в этом. Если бы ты остался таким, каким был, тебя давно казнил бы либо он сам, либо другой палач. Ты когда-нибудь видел казнь? Но ведь и палачи не всеведущи.

Виннок встал.

— Рабы тоже. Благодарю, молодой человек. Я удержал его, взяв за руку.

— Могу ли теперь я задать тебе вопрос? Я сам был палачом. Если ты в течение стольких лет опасался, что мастер Палаэмон говорил с тобой только для того, чтобы причинить тебе дополни-

тельную боль, откуда ты знаешь, что я не сделал бы то же самое сейчас?

— Потому, что ты сказал бы другое, — ответил раб. — Спокойной ночи, молодой человек.

Некоторое время я размышлял над словами Виннока и над тем, что когда-то посоветовал ему мастер Палаэмон. Он тоже был скитальцем, возможно, лет за десять до моего рождения. И тем не менее он вернулся в Цитадель и стал мастером гильдии. Я вспомнил, как Абдиес (которого я предал) хотел сделать меня мастером. Конечно, какое бы преступление ни совершил мастер Палаэмон, его скрыли братья гильдии. Теперь он ходил в мастерах, но, как я сам видел, хоть никогда и не задумывался об этом, всеми делами гильдии заправлял мастер Гурло, несмотря на то что был гораздо младше Палаэмона.

Снаружи с крепежными канатами палаток играл теплый ветер северного лета, а мне казалось, что я вновь взбираюсь вверх по ступеням Башни Сообразности и слышу завывание холодного ветра среди твердынь Цитадели.

Наконец, в надежде отвлечься от тяжелых воспоминаний, я встал, потянулся и подошел к койке Фойлы. Она не спала, и мы проговорили с ней несколько минут, потом я спросил, могу

ли теперь рассудить участников конкурса. Но она ответила, что мне придется подождать еще один день, прежде чем вынести окончательное решение.

13. ИСТОРИЯ ФОЙЛЫ: ДОЧЬ АРМИГЕРА

— Хальвард, Мелито и даже асцианин использовали свой шанс. Так неужели у меня нет на это права? Даже тот, кто ухаживает за девушкой, думая, что избавился от всех конкурентов, все же имеет одного, и этот соперник — она сама. Женщина может отдаться своему избраннику, но может и предпочесть остаться сама с собой. Мужчина должен убедить ее в том, что с ним она будет счастливее, чем одна. Хотя мужчинам нередко удается убедить женщин в этом, часто бывает совсем не так. В нашем соревновании я хочу быть еще одним участником и, если смогу, выиграю себя для себя самой. Если выхожу замуж за умельца рассказывать истории, разве стану я женой человека, который уступает мне в этом искусстве?

Каждый из мужчин рассказывал историю своей страны. Я поступлю так же. Моя страна — это край далеких горизонтов и широкого небосвода. Это земля трав, ветра и скачущих мустангов. Летом ветер может быть жарким, как дыхание печи,

а когда пампасы охвачены огнем, линия дыма растягивается на сотни лиг, и львы, точно демоны, седлают домашний скот, пускаясь вскачь от опасности. Мужчины моей страны смелы, как быки, а женщины яростны, как соколы.

В те времена, когда моя бабушка была молода, в нашей стране, в очень отдаленном месте, стояла вилла. Место находилось в такой глуши, что туда никто не приезжал. Вилла принадлежала одному армигеру, вассалу сеньора Паскуа. Земли там богатые, дом прекрасный. Потолочные балки столь большие и тяжелые, что их целое лето свозили на стройку при помощи могучих волов. Стены — из глины, как стены всех домов в моей стране. Толщина стен — в три шага. Люди, живущие в лесных краях, с презрением относятся к таким конструкциям, но зато в доме с глинобитными стенами всегда прохладно, да и сами стены очень красиво выглядят после побелки, к тому же им не страшен пожар. В доме была башня и просторный банкетный зал, а еще имелось устройство из тросов, ведер и колес, при помощи которого два мерихита, ходившие по кругу, поливали сад, разбитый на крыше.

Армигер был галантным мужчиной, а его жена — очаровательной дамой, но из всех их детей

выжила только одна девочка. Высокая, стройная, со смуглой кожей, с волосами цвета светлого вина и глазами темными, как грозовое облако. Но вилла, как я упоминала, стояла в столь глухом и отдаленном месте, что никто не знал о ней, никто не приезжал в гости. Девушка часто весь день ездила верхом в полном одиночестве, охотилась с сапсаном и своими пятнистыми охотничьими кошками, которые загоняли для нее антилоп. Временами она подолгу сидела одна-одинешенька в своей спальне и слушала песни жаворонка в клетке или же листала страницы старинных книг, привезенных ее матерью из родительского дома.

Наконец отец решил, что ей пора выходить замуж, ведь девушке скоро должно было исполниться двадцать лет, а после двадцати она уже никому не приглянется. Отец разослал своих слуг повсюду, в радиусе трехсот лиг, с вестью о красоте дочери и о богатом наследстве. Немало прекрасных всадников явилось на зов. Их седла были украшены серебром, а эфесы мечей — кораллами. Отец развлекал гостей, а дочь в мужском наряде, широкополой шляпе и с длинным ножом на перевязи замешалась в толпу женихов, и никто не мог ее распознать. Девушка

слушала разговоры претендентов на ее руку, их бахвальство многочисленными победами над женщинами и подмечала, как некоторые занимались воровством, думая, что их никто не видит. И каждый вечер девушка приходила к своему отцу и называла ему имена тех молодых людей, кого уличала в недостойном поведении. Когда же она удалялась, отец приглашал незадачливых претендентов и рассказывал им о страшных позорных столбах в пустыне, к которым преступников привязывали сыромятными ремнями и оставляли умирать на солнцепеке. На следующее утро те женихи садились на своих лошадей и скакали прочь, только их и видели.

Вскоре осталось только три жениха, и дочь армигера уже не могла спрятаться среди них, ибо мужчины сразу узнали бы ее. Девушка пошла к себе в спальню, расчесала волосы, сняла охотничий наряд и искупалась в ванне с благовониями. Она надела на руки кольца и браслеты, вдела серьги в уши, а на голову водрузила прекрасную диадему из чистого золота, которую имела право носить только дочь армигера. Короче говоря, она постаралась выглядеть как можно более привлекательной, и поскольку в ее груди билось отважное сердце, наверное, не было на свете

девушки прекраснее дочери армигера.

Закончив туалет, она послала служанку за отцом и тремя женихами. «Теперь прошу меня выслушать, — объявила она. — Вы видите золотое кольцо на моей голове и кольца поменьше в ушах. Мои руки, которые будут обвивать одного из вас, сами обвиты кольцами браслетов, и на пальцах вы видите маленькие кольца. Моя шкатулка с драгоценностями перед вами, но в ней нет других колец, однако в этой комнате все-таки есть еще одно кольцо, то, которое я не надела. Может ли кто-нибудь из вас найти и подать его мне?»

Три жениха искали кольцо повсюду — за коврами и под кроватью. Наконец самый юный из них снял клетку с жаворонком с крюка и подал ее дочери армигера. На правой лапке жаворонка было надето маленькое золотое колечко. «Теперь я объявляю, — проговорила девушка, — что моим мужем станет тот мужчина, который еще раз покажет мне эту маленькую коричневую птичку».

С этими словами она открыла клетку, просунула в нее Руку, достала птичку, поднесла ее к окну и выпустила на волю. Три жениха на секунду замерли, вглядываясь в отблеск золота на лапке птицы, когда та взмыла вверх под лучами солнца.

Жаворонок поднимался все выше, пока не превратился в едва заметную точку на небосводе.

Потом молодые люди бросились вниз по лестнице, выбежали во двор и кликнули своих скакунов, быстроногих товарищей, которые уже пронесли их многие лиги по безлюдным пампасам. Забросив свои украшенные серебром седла на спины коней, они мгновенно скрылись из виду армигера, его дочери и друг друга, ибо один поскакал на север, к джунглям, другой — на восток, в горы, а самый младший направился на запад, к берегу беспокойного моря.

Тот, который помчался на север, проскакав уже несколько дней, выехал к реке и увидел, что течение слишком сильное, чтобы переправиться вплавь. Тогда он двинулся вдоль берега, прислушиваясь к пению птиц, гнездившихся в прибрежных кустах, пока наконец не заметил брод. И там, возле брода, он встретился с всадником в коричневом одеянии, который сидел на боевом коне коричневой масти. Лицо незнакомца скрывалось за коричневым шейным платком, его плащ, шляпа — все было коричневого цвета. На правом коричневом сапоге всадника, у щиколотки, виднелось золотое кольцо.

— Кто ты? — спросил жених.

Человек в коричневом не промолвил ни слова.

— В доме армигера среди нас был один молодой человек, который внезапно исчез за день до решающего приема, — сказал жених, — и я думаю, что это был ты. Каким-то образом ты узнал о моей задаче и теперь ищешь способ помешать мне. Убирайся с дороги, иначе умрешь на месте!

С этими словами он выхватил меч и, пришпорив коня, ринулся в речные воды. Они долго сражались так, как это принято в моей стране: с мечом в правой руке и длинным ножом — в левой, ибо жених был силен и храбр, а всадник в коричневом — быстр и искусен в фехтовании. Наконец всадник упал, и его кровь окрасила воду.

— Я не возьму твоего скакуна, — сказал на прощание жених. — Если у тебя хватит сил, ты заберешься в седло. Я милосердный человек.

И претендент на руку дочери армигера ускакал прочь. Жених, направившийся в горы, скакал несколько дней и добрался до моста, построенного горцами. То было шаткое сооружение из тросов и бамбука, перекинутое через пропасть и похожее на паутину. Ни один разумный человек не стал бы въезжать на такой шаткий мост верхом, поэтому жених спешился и повел коня за поводья. Когда он начал переправляться, ему

казалось, что дорога впереди свободна, но не прошел он и четверти пути, как заметил на середине моста какую-то фигуру. Казалось, то был человек, одетый во все коричневое, и лишь небольшое белое пятнышко выделялось на темном фоне, а за спиной виднелись сложенные коричневые крылья. Когда же второй жених подошел ближе, он различил на голенище сапога незнакомца золотое кольцо, а коричневые крылья обернулись не чем иным, как плащом того же цвета.

Тогда жених начертил в воздухе Знак, дабы защитить себя от тех духов, что забыли своего создателя, и воскликнул:

— Кто ты? Назови себя!

— Ты меня видишь, — ответил незнакомец. — Назови меня правильно, и тогда твое желание станет моим.

— Ты дух жаворонка, посланный дочерью армигера, — ответил второй жених. — Ты можешь менять свой облик, но ее кольцо выдает тебя.

Человек в коричневом вытащил меч и передал его жениху эфесом вперед.

— Ты правильно назвал меня. Чего ты хочешь от меня?

— Вернуться вместе со мной в дом армигера, — сказал жених, — чтобы я мог показать тебя

невесте и таким образом завоевать ее руку и сердце.

— Я с радостью пойду с тобой в дом армигера, — ответил незнакомец. — Но предупреждаю, она может не увидеть во мне то, что видишь ты.

— Все равно, пойдем со мной, — сказал жених, ибо он не знал, что еще сказать.

На мосту, что строят горцы, человек может развернуться без особого труда, но для четвероногого животного это почти невозможно. Поэтому им пришлось бы пройти до конца, на Другой край пропасти, чтобы жених мог развернуться там с лошадью и начать движение в сторону дома армигера. «Как это досадно, — думал молодой человек, шагая по длинной хлипкой конструкции, — и в то же время нелегко и опасно! Нельзя ли использовать это неудобство с выгодой для себя?» Наконец он не выдержал и окликнул незнакомца:

— Мне придется пройти мост до конца и, развернувшись, преодолеть его заново. Но ведь тебе не обязательно это делать. Почему бы тебе не перелететь на другую сторону и не подождать меня там?

На эти слова человек в коричневом рассмеялся, будто издал чудесную птичью трель.

— Разве ты не видишь, что одно из моих крыльев перебито? Я подлетел слишком близко к твоему сопернику, и он поранил меня мечом.

— Значит, ты не можешь далеко лететь? — переспросил второй жених.

— Нет, не могу. Когда ты подошел к этому месту, я сидел на мостках и отдыхал. Заслышав твое приближение, я почувствовал, что у меня еще не хватает сил упорхнуть.

— Понятно, — ответил жених и больше ничего не сказал. Но про себя подумал: «Если бы я перерезал тросы этого моста, то жаворонок был бы вынужден снова принять птичий облик. Но ведь он не может далеко летать, и мне наверняка удастся убить его. Тогда я смогу взять мертвого жаворонка с собой, и дочь армигера узнает птицу».

Когда они дошли до дальнего конца пропасти, жених потрепал коня по шее и развернулся. При этом он подумал, что животное погибнет, но даже самый лучший скакун — ничто по сравнению с приобретением сотен голов домашнего скота.

— Иди за нами, — сказал он человеку в коричневом и ступил на мост еще раз. Теперь жених шел первым над страшной пропастью, за ним — его конь, а замыкала шествие фигура в коричневом.

«Когда мост начнет рушиться, конь попятится назад, — думал жених, — и дух жаворонка не сможет обогнать животное и проскочить мимо. Поэтому ему придется либо принять облик птицы, либо погибнуть». Как видите, он сам строил планы на основе верований, бытующих в моей стране. Те, кто верит в способность некоторых тварей изменять свой облик, скажет вам, что, подобно мыслям, они не изменяются, стоит им только потерять свободу.

Итак, эта троица прошла по длинному мосту еще раз, и когда второй жених добрался до противоположного конца, он выхватил меч, такой острый, каким только мог сделать его хозяин. Поручни моста представляли собой две веревки, а мостки поддерживались двумя тросами из пеньки. Молодому человеку следовало сначала перерубить тросы, но он замешкался, перерезая поручни. И тогда человек в коричневом вскочил в седло, вонзил шпоры в бока лошади и ринулся вперед. Так второй жених погиб под копытами собственного скакуна.

Младшему из женихов тоже пришлось проделать путь в несколько дней, прежде чем он добрался до неспокойного моря. Там, на берегу, ему повстречался некто в коричневом плаще,

коричневой шляпе, коричневой тряпице, закрывающей нижнюю часть лица, и с золотым кольцом на голенище коричневого сапога.

— Ты видишь меня, — окликнул незнакомец третьего жениха. — Назови меня правильно, и тогда твое желание станет моим желанием.

— Ты — ангел, — ответил молодой жених, — посланный помочь мне в поисках жаворонка.

Услышав эти слова, коричневый ангел достал меч и передал его молодому человеку эфесом вперед.

— Ты правильно назвал меня, — проговорил ангел. — Чего ты хочешь от меня?

— Я ни в коем случае не хотел бы идти против воли сеньора ангелов, — ответил молодой человек. — Поскольку тебя послали помочь мне найти жаворонка, мое единственное желание — принять твою помощь.

— Я готов помочь тебе, — согласился ангел, — но что ты предпочитаешь — самый короткий путь или самый лучший?

Молодой человек подумал про себя: «В этом наверняка кроется подвох. Небесные силы всегда упрекают людей в нетерпеливости, ибо сами, будучи бессмертными, легко могут себе это позволить. Конечно же, кратчайший путь лежит

через кошмары подземных пещер или нечто подобное». Поэтому он ответил ангелу следующим образом:

— Предпочитаю наилучший путь. Ведь честь моей будущей жены пострадала бы, выбери я иную дорогу.

— Некоторые люди сказали бы так, другие — иначе, — ответил ангел. — А теперь позволь мне сесть на коня позади тебя. Недалеко отсюда есть большой порт. Там я только что продал двух скакунов, не хуже твоего боевого жеребца, даже лучше. Мы продадим и твоего коня, а также золотое кольцо, что на моем сапоге.

В порту они сделали так, как и предложил ангел, а на вырученные деньги купили корабль — не очень большой, но быстроходный и надежный. Кроме того, они наняли трех опытных мореходов.

На третий день плавания жениху приснился сон, какие посещают молодых мужчин. Проснувшись, он прикоснулся к подушке рядом с собой, и она была теплой. Тогда он снова лег спать и уловил тонкий аромат духов, запах полевых цветов, которые женщины моей страны сушат по весне, чтобы затем вплести себе в волосы.

Они причалили к безлюдному острову, и моло-

дой человек вышел на берег в поисках жаворонка. Он не нашел птицы, но под конец дня разделся и решил искупаться в бурном море. Там, в воде, когда звезды стали яркими, к нему присоединился второй купальщик. Они вместе поплавали, а потом лежали на берегу и рассказывали друг другу сказки.

Однажды, когда, стоя на носу своего корабля, они высматривали корабль противника (ибо, кроме торговли, им иногда приходилось и воевать), налетел сильнейший порыв ветра, который сдул с ангела коричневую шляпу и швырнул ее в морскую пучину, а потом туда полетел и коричневый платок, скрывавший ангельское лицо.

Вскоре им надоело вечно бушующее море, и они вспомнили о своей стране, где осенью, когда воспламеняется трава, львы седлают домашний скот, мужчины храбры, как быки, а женщины яростны, как соколы. Свой корабль они назвали «Жаворонок», и вот теперь «Жаворонок» летел над голубыми просторами и каждое утро насаживал красное солнце на свой бушприт. В порту, где когда-то был приобретен корабль, они продали его в три раза дороже, ибо «Жаворонок» снискал добрую репутацию, его прославляли в чудесных историях и воспевали в песнях. И действительно,

всякий приходивший в порт дивился малым размерам корабля, ведь опрятное коричневое суденышко едва достигало двух десятков шагов от форштевня до рудерпоста. Добро, добытое в сражениях, они тоже продавали, как и приобретенные товары. Люди моей страны оставляют самых породистых лошадей себе, но лучших из тех, что идут на продажу, пригоняют в тот самый порт, и молодой жених с ангелом купили себе прекрасных скакунов, а свои переметные сумы набили драгоценностями и золотом. После этого они двинулись в обратный путь, к дому армигера, на виллу, которая располагалась в такой глуши, что туда никто не ездил.

По пути домой они пережили немало приключений и опасностей, и не раз обагрялись кровью их мечи, что прежде часто омывались в морских водах и насухо вытирались о парусину или песок. В конце концов они добрались домой. Армигер шумно приветствовал ангела, его жена плакала от счастья, а слуги причитали и тараторили. И тут ангел сбросил свои коричневые одежды и вновь обернулся прежней дочерью армигера.

Свадьбу запланировали с размахом. В моей стране подготовка к свадебным торжествам занимает не один день — забивают скотину, роют

новые печи для жарки мяса, рассылают гонцов за гостями, которым тоже приходится проделать неблизкий путь. На третий день ожидания дочь армигера послала слугу к молодому жениху со словами: «Моя хозяйка сегодня не поедет на охоту. Она приглашает тебя к себе в спальные покои, чтобы побеседовать о пережитых вместе приключениях на суше и на море».

Жених надел лучшие одежды, что купил по возвращении в порт, и вскоре уже стоял перед дверью спальни дочери армигера.

Он нашел ее сидящей в кресле у окна. Она перелистывала страницы старой книги, привезенной ее матерью из родительского дома, и слушала пение жаворонка в клетке. Молодой человек подошел к клетке и увидел золотое кольцо на лапке птицы, и тогда он удивленно обернулся к дочери армигера.

— Разве ангел, которого ты встретил на берегу моря, не обещал тебе помочь найти этого жаворонка? — спросила она. — И самым лучшим путем. Каждое утро я открываю дверцы клетки и выпускаю жаворонка полетать, чтобы он мог размять крылышки, и всякий раз он возвращается туда, где его ждет пища, чистая вода и покой.

Некоторые люди говорят, что свадьба этого мо-

лодого человека и дочери армигера была самой прекрасной в истории моей страны.

14. МАННЕА

В тот вечер было много разговоров об истории, рассказанной Фойлой, и на этот раз я сам предложил отложить окончательное решение. На самом же деле меня повергала в ужас предстоящая необходимость выносить приговор; возможно, это чувство родилось во мне благодаря воспитанию среди палачей, которые с самого детства вбивали мне в голову, что член гильдии должен неукоснительно выполнять указания судей, назначенных, в отличие от самих палачей, властями Содружества.

Кроме того, меня смущало и нечто другое. Я рассчитывал, что ужин будет разносить Ава, но, когда мои ожидания не оправдались, я все же встал с койки, облачился в собственную одежду и тихонько выскользнул в сгущающиеся сумерки.

К моему приятному удивлению, оказалось, что я снова прочно стою на ногах. Лихорадка отпустила меня несколько дней назад, но я уже привык считать себя больным (так же, как прежде я по привычке считал себя вполне здоровым) и лежал пластом на койке. Несомненно, есть

немало людей, которые ходят и выполняют свою работу, не подозревая, что умирают; другие же лежат в постели весь день, а в действительности они здоровее тех, кто приносит им еду и помогает умываться по утрам.

Шагая по извилистой тропе между палатками, я старался припомнить, когда я чувствовал себя так хорошо. Только не в горах или на озере: там многочисленные лишения и трудности постепенно истощили мои жизненные силы, пока я не пал жертвой лихорадки. Нет, не во время побега из Тракса — тогда я уже был измучен своими дикторскими обязанностями.

Не по прибытии в Тракс — по дороге, в безлюдной местности, мы с Доркас пережили лишения, немногим уступающие тем, что выпали мне на долю в одиноких скитаниях по горам. Даже не в Обители Абсолюта (этот временной отрезок казался мне теперь столь же далеким, как эпоха правления Имара), потому что тогда я страдал от последствий альзабо и проглоченных мертвых воспоминаний Теклы.

Наконец я нашел подходящее сравнение — я чувствовал себя, как в то памятное утро, когда мы с Агией отправились в Ботанические Сады, в первое утро после моего ухода из Цитадели. Именно

тогда я обрел Коготь, хотя сам не знал об этом. Я впервые задумался, не был ли он проклятьем, равно как и благословением. Или, возможно, все минувшие месяцы потребовались мне, чтобы полностью оправиться от раны, нанесенной листом аверна вечером того же дня. Я достал Коготь и внимательно вгляделся в его серебристое мерцание, а подняв глаза, обнаружил, что стою перед сияющим алым шатром часовни Пелерин.

До меня донеслось монотонное песнопение, и я понял, что придется подождать, прежде чем храм опустеет, но тем не менее двинулся вперед. Потом я проскользнул внутрь и устроился в часовне у задней стенки. О литургии Пелерин я ничего не стану рассказывать. Подобные обряды отнюдь не всегда удается описать должным образом, а если и удается, не уверен, что это следует делать. Впрочем, Орден Взыскующих Истины и Покаяния, к которому я в свое время принадлежал, имеет собственные церемонии, одну из которых я довольно подробно описал выше. Конечно, эти церемонии отличаются своеобразием, как и церемонии Пелерин, хотя не исключено, что и те и другие некогда имели универсальный характер.

В качестве стороннего и непредвзятого наблюдателя могу заметить, что обряд Пелерин

превосходил наши церемонии красотой, но был менее театрален и, в конечном счете, наверное, менее трогателен. Несомненно, костюмы участников обряда были древними и яркими. В песнопениях чувствовалась странная привлекательность, которой я не замечал в других музыкальных произведениях. Наши церемонии имели одну главную цель — возвеличить роль гильдии в глазах ее молодых членов. Возможно, схожие функции выполняли и церемонии Пелерин; если же нет, тогда они стремились привлечь к себе особое внимание Всевидящего, но удавалось ли им это — не могу сказать наверняка. Как бы там ни было, Орден так и не получил особого покровительства.

По окончании церемонии одетые в алое жрицы стали выходить из часовни. Я же склонил голову и сделал вид, будто погружен в молитву. Очень скоро выяснилось, что моя уловка обернулась чем-то серьезным. Я по-прежнему ощущал свое коленопреклоненное тело, но лишь как некое побочное бремя. Я унесся разумом к звездным пустыням, далеко от Урса и неимоверно далеко от архипелага его основных миров, но, казалось, то, к чему я обращался, находилось еще дальше — будто я добрался до стен самой вселенной и

теперь кричал сквозь эти стены тому, кто ожидал снаружи.

Нет, не кричал, возможно, я выбрал неверное слово. Скорее я шептал, как, вероятно, Барнох, замурованный в собственном доме, шептал через щель какому-нибудь сочувствующему прохожему. Я рассказывал о том, кем я был, когда носил драную рубаху и глазел на птиц и животных через узкое окно мавзолея, и кем я потом стал. Я говорил также — нет, не о Водалусе и его борьбе с Автархом, но о тех мотивах, которые я когда-то по глупости приписывал ему. Я не обманывал себя мыслью, что мне суждено вести за собой миллионы людей. Я попросил лишь научить меня вести самого себя. И тогда мне показалось, что я все яснее вижу в щели вселенной некую новую вселенную, купающуюся в золотистом свете, и моего слушателя, опустившегося на колени и внимающего моим словам. То, что мнилось трещиной в мироздании, расширялось до тех пор, пока я не увидел лицо, молитвенно сложенные руки и глубокое, точно тоннель, отверстие в человеческой голове, которая в какой-то момент показалась больше головы Тифона, высеченной на поверхности скалы. Я шептал в собственное ухо и, когда понял это, влетел туда, как шмель, и

наконец поднялся на ноги.

Помещение опустело, и в воздухе, смешавшись с фимиамом, повисла абсолютная тишина. Передо мной возвышался алтарь, скромный по сравнению с тем, что мы разрушили вместе с Агией, но прекрасный в своем сиянии, непорочности линий и чистоте панелей из солнечного камня и лазурита.

Теперь я выступил вперед и преклонил колена прямо перед алтарем. Мне не требовалось ученых доказательств, чтобы понять, что от этого я не стал ближе к Теологуменону. Тем не менее я чувствовал его присутствие и потому нашел в себе силы в последний раз достать Коготь, хотя раньше и сомневался, что смогу это сделать. Тщательно подбирая слова, я мысленно обратился к Когтю: «Я носил тебя повсюду — в горах, на реках и в пампасах. Ты породил во мне жизнь Теклы. Ты дал мне Доркас и вернул Иону в этот мир. Я не жалуюсь на тебя, а вот ты, должно быть, имеешь ко мне претензии. Одну из них я все же не заслужил. Никто не скажет, что я не сделал все, что было в моих силах, чтобы возместить причиненный мною вред».

Я знал, что Коготь просто смахнут, если я открыто оставлю его на алтаре. Взобравшись на помост,

я принялся искать место, куда мог бы спрятать его надолго и достаточно надежно, и наконец заметил, что алтарный камень удерживается снизу четырьмя зажимами, которые наверняка никто не трогал с тех пор, как установили этот алтарь. У меня сильные руки, и я смог отогнуть скобы, но не думаю, что нашлось бы много людей, способных повторить мой подвиг. Над деревянным полом под камнем кто-то поработал со стамеской, оставив выдолбленное пространство, так что сам камень упирался в помост лишь своими краями и был более устойчив. Я не мог и мечтать о такой удаче. Бритвой Ионы я отрезал кусок ткани от края моего изношенного гильдийского плаща и завернул в эту тряпицу Коготь. Потом я положил его под камень и заново закрепил скобы, до крови разодрав себе пальцы, стараясь убедиться, что никто случайно не разогнет зажимы.

Отойдя в сторону от алтаря, я ощутил глубокую грусть, но не успел пройти и половину пути до двери из часовни, как меня охватило необузданное веселье. Я освободился от тяжкого бремени ответственности за жизнь и смерть. Отныне я стал просто человеком и был вне себя от радости. Я чувствовал себя, как в детстве, после долгих занятий с мастером Мальрубиусом, когда я нако-

нец-то был свободен и убегал поиграть на Старом Подворье или карабкался сквозь брешь в стене, чтобы через минуту уже мчаться среди деревьев и мавзолеев нашего некрополя. Я был опозорен и изгнан, лишился дома, остался без друзей и без денег, а теперь еще и отдал самый ценный предмет на свете, в конечном счете единственный ценный предмет. Но тем не менее я знал, что все будет хорошо. Я спустился до самой основы существования и ощущал это дно руками. Теперь я знал, что такая основа действительно существует и отныне я буду только подниматься вверх от этой нижней точки. Я завернулся в плащ, как делал это на сцене, ибо ощущал себя не палачом, а актером, хотя некогда действительно был палачом. Я подскакивал в воздух, как скачут горные козлы, и дурачился, ибо чувствовал себя ребенком и знал, что тот, кто не испытывает этого чувства, — не человек.

Когда я вышел из часовни, воздух оказался свежим и прохладным, словно специально созданным для меня, чем-то новым, но только не древней атмосферой Урса. Я с наслаждением купался в этом воздухе, распустив полы плаща и воздев руки вверх, к звездам, наполняя свои легкие, словно новорожденный, чуть не захлеб-

нувшийся околоплодными водами.

Все эти мои переживания заняли куда меньше времени, чем требовалось на описание. Я уже был готов направиться обратно в лазарет, как вдруг заметил неподвижную фигуру. Некто наблюдал за мной, схоронясь в тени одной из палаток. С тех пор как мы с мальчиком едва спаслись от слепо рыскающего чудовища, разрушившего деревню магов, я боялся, что кто-нибудь из слуг Гефора вновь идет по моему следу. Поэтому я хотел было удрать, но фигура выступила в лунный свет, и я увидел перед собой Пелерину.

— Подожди, — проговорила она. — Извини, если я напугала тебя.

Ее овальное гладкое лицо казалось почти бесполым. Она была молода, но постарше, чем Ава, и на добрых две головы выше ее — настоящая экзультантка, такая же высокая, какой некогда была Текла.

— Когда долго смотришь в лицо опасности… — начал было я.

— Понятно. Я ничего не знаю о войне, но много — о мужчинах и женщинах, которые с ней знакомы не понаслышке.

— Чем я могу быть полезен, шатлена?

— Прежде всего я должна выяснить, выздоро-

вел ли ты. Что скажешь?

— Вполне выздоровел, — ответил я. — И ухожу отсюда завтра.

— Значит, ты зашел в часовню, чтобы поблагодарить за свое исцеление? Я замялся.

— Мне много чего надо было сказать, шатлена. В том числе выразить благодарность за выздоровление.

— Можно проводить тебя? — Да, конечно, шатлена.

Мне доводилось слышать, что высокая женщина кажется выше любого мужчины — вероятно, это правда. Ростом моя спутница намного уступала Балдандерсу, но, шагая рядом с ней, я чувствовал себя почти карликом. Мне вспомнилось и то, как Текла наклонялась, чтобы обнять меня, и как я целовал ее груди.

Пройдя несколько шагов, Пелерина продолжила разговор:

— Ты хорошо ходишь, ноги длинные, и, по-моему, ты одолел немало лиг. Не приходилось тебе служить в кавалерии?

— Я ездил верхом, но не в кавалерии. Горы я пересек пешком, если это тебя интересует, шатлена.

— Что ж, это хорошо, потому что у меня нет

для тебя лошади. Но, кажется, я забыла представиться. Меня зовут Маннеа, я — настоятельница послушниц нашего Ордена. Наша Домницелла в отъезде, поэтому в настоящее время я несу ответственность за всех здешних людей.

— А меня зовут Северьян из Нессуса, я странник. Хотел бы я предложить тебе тысячу хризосов на благородное дело, но могу лишь устно поблагодарить тебя за доброту, с которой ко мне здесь отнеслись.

— Когда я упомянула о лошади, Северьян из Нессуса, я не собиралась ни продать ее тебе, ни подарить, чтобы таким образом заслужить твою благодарность. Если мы еще не заслужили твою благодарность, то и в будущем на нее нечего рассчитывать.

— Я действительно искренне благодарен, — заверил я Пелерину. — И, как уже сказал, не задержусь здесь, в лазарете, в расчете на вашу доброту.

— Я так и не думала. — Маннеа взглянула на меня сверху вниз. — Сегодня утром одна из послушниц рассказала мне, что какой-то пациент ходил вместе с ней в часовню два вечера назад, и описала его внешность. Вот почему, когда ты нынче остался в часовне один, я сразу поняла, о

ком говорила послушница. Понимаешь ли, у меня есть задание, но некому его выполнить. В более спокойное время я послала бы группу наших рабов, но они обучены уходу за больными, а нам и так даже не хватает рабочих рук. Но сказано же: «Он посылает нищему посох, а охотнику копье».

— Не хочу обидеть тебя, шатлена, но полагаю, ты ошибаешься, доверяя мне лишь потому, что я ходил в вашу часовню. Ведь я мог бы воровать драгоценности с алтаря.

— Ты хочешь сказать, что воры и лжецы нередко приходят помолиться? Да, с благословения Миротворца, это так. Поверь мне, Северьян, странник из Нессуса, никто больше не делает этого — ни из членов Ордена, ни из посторонних людей. Но ты ничуть меня не обидел. Мы и наполовину не так могущественны, как полагают невежественные люди. Тем не менее те, кто считает нас бессильными, еще более невежественны. Не выполнишь ли ты мое поручение? Я дам охранную грамоту, чтобы тебя не схватили как дезертира.

— Если только это поручение мне по силам, шатлена. Она положила руку мне на плечо. При этом первом ее прикосновении я чуть не вздрогнул — будто меня неожиданно задело крыло

птицы.

— Примерно в двадцати лигах отсюда, — сообщила Маннеа, — живет отшельником один мудрый и святой анахорет. До последнего времени он был в безопасности, но все нынешнее лето Автарх был вынужден отступать, и вскоре кошмар войны докатится до его дома. Кто-то должен пойти к нему и убедить переехать к нам или же, если уговорить не удастся, доставить его силой. Думаю, сам Миротворец указал мне, что именно ты можешь выполнить эту миссию. Согласен?

— Я, конечно, не дипломат, — ответил я. — Что же касается второй части поручения, признаюсь, я прошел длительное обучение.

15. ПОСЛЕДНЯЯ ОБИТЕЛЬ

Маннеа вручила мне грубо выполненную карту, на которой было изображено прибежище анахорета. При этом она подчеркнула, что если я хоть немного отклонюсь от указанного маршрута, то почти наверняка не смогу найти конечной цели путешествия.

Трудно сказать, в какой стороне от лазарета находился дом отшельника. Отдельные отрезки пути были обозначены на карте соответственно трудности передвижения, а повороты-с учетом размеров самой карты. Я двинулся на восток, но вскоре заметил, что дорога поворачивает на север, потом — на запад, через узкий каньон с шумным ручьем, струящимся по дну, и в конце концов — на юг.

В начале пути я встречал очень много солдат. Однажды увидел два ряда воинов по обе стороны дороги, а по центру — мулов, впряженных в телеги с ранеными. Меня дважды останавливали, но всякий раз охранная грамота открывала мне возможность следовать дальше. Грамота была написана на кремовом пергаменте прекрасным

почерком и имела орденское изображение нартекса, вытисненное в золоте. Документ гласил:

«Для находящихся при исполнении:

Податель сего письма — есть наш слуга Северьян из Нессуса, молодой человек с черными волосами, темными глазами, бледным лицом, худощавый и значительно выше среднего роста. Поскольку вы чтите охраняемую нами память и учитывая, что вам самим может потребоваться помощь в трудную минуту или, при необходимости, почетное погребение, мы просим вас не препятствовать упомянутому Северьяну выполнять возложенное на него поручение, но оказывать всяческое содействие, которое может ему потребоваться и которое вы в состоянии оказать.

От имени Ордена Странствующих Поборниц Миротворца, известных как Пелерины, шатлена Маннеа, наставница и директриса».

Однако стоило мне углубиться в узкий каньон, все войска мира, казалось, исчезли. Я больше не видел солдат, и гул водного потока заглушал отдаленные раскаты сакар и кульверин Автарха, если их вообще можно было услышать в этом месте.

Я выслушал устное описание дома анахорета, и к этому описанию прилагался набросок на вру-

ченной мне карте. Более того, мне сказали, что у меня уйдет два дня, чтобы добраться до назначенной цели. Поэтому я немало удивился, когда на заходе солнца поднял глаза вверх и увидел этот дом на вершине отвесной скалы, вырисовывавшейся над моей головой.

Ошибки быть не могло. Набросок Маннеа идеально копировал эту высокую остроконечную крышу, передавая впечатление легкой и в то же время мощной. В маленьком окошке уже зажглась лампа.

Странствуя в горах, я не раз взбирался на высокие скалы. Некоторые были намного выше этой, часть из них — гораздо круче (по крайней мере, со стороны). Я отнюдь не стремился заночевать среди камней, поэтому как только я увидел дом анахорета, то сразу решил, что эту ночь я проведу под его крышей.

Первую треть подъема я преодолел без труда. Я карабкался по склону как кошка и до наступления темноты проделал более половины пути.

Я всегда хорошо видел по ночам, а теперь убедил себя, что скоро взойдет луна, и продолжал подъем. И напрасно. Старая луна, пока я лежал в лазарете, сошла на нет, а до появления молодой оставалось еще несколько дней. Минимум

света давали звезды, хоть под ними и сновали туда-сюда стайки облаков. Однако и этот свет был обманчивым. Лучше бы вообще никакого света, чем такой. Мне припомнилось, как Агия и ее наемники ожидали моего возвращения из подземного мира обезьянолюдей. У меня по спине пробежали мурашки, словно сверкающие арбалетные стрелы вот-вот должны были просвистеть рядом со мной.

Вскоре мое положение стало еще хуже: я утратил ощущение равновесия. Не то чтобы у меня голова совсем пошла кругом. В целом я понимал, что «вниз» — значит, к ногам, а «вверх» — к звездам, но точнее определить не мог и потому не вполне ясно представлял себе безопасный угол отклонения от каменной стены при поиске нового выступа.

Как раз в тот момент, когда мне пришлось особенно туго, бегущие облака сомкнули свои ряды, и я к тому же оказался в полной темноте. Иногда мне казалось, что поверхность скалы становится более отлогой, а я могу выпрямиться и без труда взойти вверх по ее склону. В другие же моменты она точно выпирала наружу, и мне приходилось цепляться за стену, чтобы не упасть. По временам я не сомневался, что вообще не поднимаюсь, а

лишь ползу то влево, то вправо. А однажды выяснилось, что я умудрился перевернуться вверх ногами.

Наконец я добрался до широкого выступа, где решил дожидаться рассвета. Я завернулся в свой плащ и улегся, постаравшись плотно прижаться к скале спиной. Однако спина никак не упиралась в твердый камень. Я продвинулся еще немного — и опять безрезультатно. Тогда я испугался, что ко всему прочему разучился ориентироваться в пространстве и, каким-то образом развернувшись, подползаю теперь к краю пропасти. Нащупав ровную поверхность уступа по обе стороны от моего тела, я перекатился на спину и раскинул руки.

В этот миг в небе вспыхнул яркий зеленовато-желтый свет, окрасивший снизу все облака. Неподалеку какая-то большая бомбарда извергла свой смертоносный заряд, и при этом болезненном освещении я обнаружил, что нахожусь на вершине скалы, но никакого дома здесь нет и в помине. Пока я лежал на голом камне, мне на лицо упали первые капли дождя.

Наутро, замерзший и несчастный, я утолил голод тем, что захватил с собой из лазарета, и начал спуск по дальней стороне высокого холма, частью которого и являлась злосчастная скала.

Склон здесь был более пологий, и я намеревался обогнуть холм и вновь выйти в узкую долину, отмеченную на карте.

Меня постигло разочарование. Нет, спустился я беспрепятственно, но после долгого перехода, когда я вроде бы вышел к искомому месту, оно оказалось совершенно иным, чем мне представлялось, — низина была не такая глубокая, как прежде, протока шире. Несколько страж я провел, рыская по долине, и все-таки обнаружил ту точку, с которой (как мне казалось) я накануне увидел дом анахорета, приткнувшийся к верхушке скалы. Думаю, излишне говорить, что никакого дома там не было, да и сама скала выглядела не такой высокой и крутой, как я полагал.

Только теперь я снова взял в руки карту и, внимательно разглядев ее, заметил под изображением обиталища отшельника слова, написанные столь мелким почерком, что я едва представлял себе, как они могли быть выведены пером, которое я видел в руке Маннеа. «Последняя Обитель», — гласила надпись. Почему-то эти слова и рисунок дома на вершине скалы напомнили мне хижину, которую мы с Агией видели в Саду Джунглей, где муж и жена сидели и слушали обнаженного человека по имени Исангома. Агия,

которая неплохо разбиралась во внутреннем устройстве Ботанических Садов, сказала мне тогда, что если я повернусь на тропинке и попробую вернуться к хижине, то мои старания окажутся тщетными. Размышляя над тем случаем, я обнаружил, что не верю ей теперь, но тогда поверил. Возможно, моя недоверчивость была реакцией на ее вероломство, в котором мне с тех пор пришлось неоднократно убедиться. Или же это объясняется моим тогдашним простодушием: ведь и дня не прошло, как я выбрался из-под крыла гильдии и покинул Цитадель. Но не исключено, что моя прежняя вера укрепилась благодаря совсем недавним впечатлениям. Я на собственном опыте убедился в существовании подобного эффекта — это, а также знакомство с теми людьми говорило само за себя.

Строительство Ботанических Садов приписывалось Отцу Иниру. Разве не мог и анахорет обладать толикой подобных знаний? Отец Инир построил также в Обители Абсолюта ту потайную комнату, которая всем гостям казалась картиной. Я сам, помнится, совершенно случайно обнаружил обман, и то только потому, что послушался совета старого чистильщика картин, который явно знал о моем скором открытии. Теперь же я

нарушал инструкции Маннеа.

Я прошел обратно весь предыдущий отрезок пути, обогнул склон холма и поднялся на пологий отрог. Памятная крутая скала обрывалась прямо передо мной, а у ее подножия бежал ручей, заполняя своей песней всю тесную долину. Положение солнца показывало, что до конца светового дня оставалось не более двух страж, но спускаться вниз по скале оказалось гораздо легче, чем карабкаться к ее вершине в кромешной тьме. Не прошло и стражи, как я уже очутился на дне узкой долины, которую покинул вчера вечером. Никакого света в окнах я не видел, но сама Последняя Обитель стояла там же, где и прежде, опираясь своим основанием на камень, по которому я недавно ступал. Я потряс головой, отвернулся от дома и в сгущающихся сумерках стал изучать карту Маннеа.

Прежде чем продолжать повествование, я хотел бы подчеркнуть, что отнюдь не считал описанные мною события чем-то сверхъестественным. Да, я видел Последнюю Обитель дважды, но в обоих случаях при одном и том же освещении: в первый раз в конце сумерек, а теперь — в начале. Вполне возможно, что меня ввели в заблуждение игра теней и нагромождения скал, а лампа в окне

была всего лишь звездой.

Что же касается растворившейся долины, когда я пытался подойти к ней с другой стороны, то трудно найти рельеф местности, более подверженный внешнему изменению, чем подобный узкий склон. Малейшая неровность почвы может скрыть его из глаз. Некоторые автохтонные племена пампасов, защищаясь от мародеров, специально строят свои деревни следующим образом: сначала роют большую яму, до дна которой можно добраться по наклонному валу, затем устраивают жилые помещения и конюшни в искусственных пещерах по периметру котлована. Как только вырытая земля зарастет травой, что происходит очень быстро после зимних дождей, человек может проехать в половине чейна от того места, где стоит деревня, и не догадаться о ее существовании.

Может быть, я и попался бы на подобный трюк, но сам-то не считаю себя простаком. Мастер Палаэмон, бывало, говорил, что сверхъестественное существует для того, чтобы нас не унижал собственный страх перед ночным ветром. Но все же мне хотелось бы думать, что в окружении того дома было нечто необычное, и теперь я склонен верить в это даже больше, чем прежде.

Как бы там ни было, я больше не отклонялся от маршрута, указанного на карте, и менее чем через две стражи после наступления темноты оказался на тропинке, ведущей прямо к дверям Последней Обители, которая стояла на краю той же скалы, что сохранилась у меня в памяти. Как и предсказывала Маннеа, путешествие заняло ровно два дня.

16. АНАХОРЕТ

Веранда была едва ли выше того камня, на котором стоял дом, но тянулась в обе стороны и заходила за углы, словно в одном из тех добротных загородных домов, где нечего опасаться и владелец любит посидеть в вечерней прохладе и полюбоваться, как Урс спускается под Луну. Я постучал в дверь, но никто не ответил; тогда я прошел по веранде направо, потом налево, заглядывая в окна.

Внутри было слишком темно, и я ничего не увидел, зато обнаружил, что веранда окружает дом до самого края скалы и там обрывается без всяких перил. Я снова постучал, но так же безрезультатно, как и в первый раз. Тогда я устроился спать прямо на веранде (ибо получил, по крайней мере, крышу над головой и вряд ли мог рассчитывать найти среди камней убежище поудобнее) и тут же услышал слабые шаги.

Где-то на верхнем этаже этого высокого дома ходил человек. Его шаги поначалу были медленными, и я подумал, что он, наверное, либо очень стар, либо тяжело болен. Однако когда он

подошел ближе, его поступь стала тверже и быстрее, а у самых дверей превратилась в уверенную походку целеустремленного мужчины, например, командира манипулы или кавалерийского отряда.

К тому времени я уже встал, отряхнул запылившийся плащ и постарался придать себе мало-мальски презентабельный вид, но все равно не был готов к тому, что открылось мне за дверью. Передо мной предстал мужчина, державший свечу толщиной с мое запястье, и при этом освещении я увидел лицо, подобное иеродулам, которых я повстречал в замке Балдандерса, но все же лицо человеческое. В сущности, я почувствовал, что если физиономии статуй в садах Обители Абсолюта имитировали лица таких существ, как Фамулимус, Барбатус и Оссипаго, то и последние каким-то чуждым нашему миру образом являлись имитацией лица, которое я видел теперь перед собой. По ходу повествования я часто говорил, что помню абсолютно все. Так оно, в принципе, и есть, но пытаясь сделать набросок этого лица на полях рукописи, я ощущаю полную беспомощность. Ни один эскиз ни в малейшей степени не напоминает оригинал. Могу только сказать, что у анахорета были густые и прямые

брови, глаза глубоко посаженные, темно-голубые, как у Теклы. Кожа на его лице была нежная, как у женщины, но, кроме этого, ничего женского я в нем не заметил. Густая черная борода доходила ему до пояса. Одежда казалась белой, но переливалась всеми цветами радуги в тех местах, куда падал свет от свечи.

Я поклонился, как учили в Башне Сообразности, назвался сам и упомянул имя той, что послала меня. Потом добавил:

— А ты, сьер, анахорет из Последней Обители? Он кивнул.

— Я здесь последний из людей. Можешь называть меня Эш.

Он шагнул в сторону, жестом приглашая войти, потом повел меня в комнату в задней части дома, где из широкого окна открывался вид на долину, откуда я начал свое восхождение накануне вечером. В комнате стояли деревянные стулья и деревянный стол. По углам стояли и висели металлические шкафы, тускло мерцавшие в неровном свете.

— Прошу прощения за бедную меблировку, — проговорил он. — Именно здесь я принимаю гостей, но они захаживают так редко, что я начал использовать гостиную в качестве кладовой.

— Когда живешь в уединении в столь затерянном месте, лучше казаться бедным, мастер Эш. Но эта комната не кажется бедной.

Я никак не подозревал, что это лицо способно улыбаться, и все же на нем появилась улыбка.

— Хочешь взглянуть на мои сокровища? Смотри! — Он поднялся, открыл один из ящиков шкафа и поднес свечу, чтобы осветить то, что было внутри. Там лежали квадратные ломти черствого хлеба и пакеты с сушеными финиками.

— Ты голоден? — спросил он, заметив выражение моего лица. — Эта пища не заколдована, если, конечно, ты опасаешься подобных вещей.

Мне стало неловко, потому что у меня еще оставалось немного еды, припасенной на обратную дорогу, но я все же сказал:

— Я не отказался бы от куска хлеба, если ты можешь поделиться.

Он дал мне полбуханки, уже нарезанной на ломти (и очень острым ножом), немного сыру, завернутого в серебристую бумагу, и сухого желтого вина.

— Маннеа — хорошая женщина, — сказал отшельник. — И ты, как мне кажется, хороший человек, из тех, которые сами не считают себя таковыми. Некоторые полагают, что это един-

ственная разновидность хороших людей. Она думает, что я могу помочь тебе?

— Скорее наоборот — что я могу помочь тебе, мастер Эш. Армии Содружества отступают, и скоро война переместится в эти края, а вслед за ней и асциане.

Он снова улыбнулся.

— Люди, не имеющие тени, — так их еще называют. Это одно из многих имен — ошибочное, но в то же время очень точное. Что бы ты подумал, если бы асцианин сказал, что действительно не отбрасывает тени?

— Не знаю, никогда такого не слышал.

— Это старая история. Ты любишь старые истории? Ага, вижу, у тебя загорелись глаза. Жаль, что я не слишком хороший рассказчик. Вы называете своих врагов асцианами (они-то себя так, конечно, не называют), потому что ваши предки считали, будто они пришли с пояса Урса, где в полдень солнце находится прямо над головой. Правда состоит в том, что их родина лежит гораздо дальше на север. И все же они асциане. По легенде, сложенной на самой заре нашей цивилизации, один человек продал свою тень, и его стали гнать отовсюду, куда бы он ни пришел. Никто не желал верить, что он — человек.

Отхлебнув вина, я подумал об асцианском военнопленном, чья койка стояла рядом с моей.

— Что же, тот человек снова обрел свою тень, мастер Эш?

— Нет, но одно время он скитался вместе с другим человеком, не имевшим отражения.

Мастер Эш помолчал, потом добавил:

— Маннеа — хорошая женщина, и я хотел бы угодить тебе. Но я не могу уйти, а война никогда не настигнет меня, как бы там ни маршировали ее колонны.

— Может быть, тебе лучше пойти вместе со мной и успокоить шатлену?

— Этого я тоже не могу сделать.

Вот тогда я понял, что мне придется заставить его пойти со мной, но не видел причин немедленно прибегать к принуждению — завтра утром времени для этого будет достаточно. Я пожал плечами, будто отказываясь от дальнейших уговоров, и спросил:

— Могу ли я, по крайней мере, переночевать здесь? Я должен вернуться и доложить о твоем решении, но отсюда шагать лиг пятнадцать или даже больше, и прямо сейчас мне это не под силу.

И снова я увидел чуть заметную улыбку — такая

порой играет на ликах, вырезанных из слоновой кости, когда при движении факел отбрасывает новые тени в уголках губ статуй.

— А я-то надеялся узнать от тебя, что нового в мире, — проговорил он. — Но, вижу, ты измотан. Пойдем со мной, когда закончишь ужинать, я провожу тебя до постели.

— Я не обучен светским манерам, мастер, но все же не настолько дурно воспитан, чтобы отправляться на боковую, когда хозяин желает продолжить беседу. Однако боюсь, что я не слишком много знаю. Судя по тому, что я слышал от соседей по палате, война продолжается и с каждым днем становится все более ожесточенной. К нам на помощь подходят легионы и полулегионы, а их подкрепления исчисляются целыми армиями, присылаемыми с севера. У них больше артиллерии, и потому мы больше рассчитываем на кавалерию, вооруженную копьями, которая более маневренна и успевает вступить в непосредственный контакт с противником до того, как он вводит в бон тяжелые орудия. За год у них прибавилось флайеров, хотя мы многие сбили. Автарх лично взял на себя командование и привел своих воинов из Обители Абсолюта. Но в то же время… — Я вновь пожал плечами и,

замолчав, откусил кусок хлеба с сыром.

— Изучение войн всегда казалось мне наименее интересной областью истории. Но и здесь прослеживаются определенные закономерности. Когда в ходе длительного противостояния одна из сторон неожиданно усиливается, на это может быть три причины. Первая — сформировался новый военный союз. Отличаются ли солдаты этих новых армий от прежних?

— Да, — ответил я. — Я слышал, что они моложе и в целом слабее. К тому же среди них прибавилось женщин.

— Но никакого различия в языке или одежде?

Я покачал головой.

— Тогда, по крайней мере — в настоящее время, дело не в новом союзе. Вторая причина — окончание войны, которая велась на другом направлении. Если так, то солдаты, переброшенные в качестве подкрепления, — ветераны. Твои слова убеждают в обратном. Тогда остается третья причина. Противнику почему-то потребовалась немедленная победа, и ради этого он напрягает все свои силы.

Я управился с хлебом, но теперь разговор заинтересовал и меня.

— С какой стати?

— Поскольку у меня нет дополнительной информации, я вряд ли смогу предложить разумное объяснение. Возможно, правители боятся своего народа, уставшего от войны. Быть может, все асциане — только слуги, а теперь их хозяева грозятся начать действовать самостоятельно.

— Ты только подал надежду и тут же отбираешь ее.

— Нет, не я, но история. Ты сам-то бывал на войне?

Я покачал головой.

— Вот и хорошо. Во многих отношениях, чем больше человек видит войну, тем меньше он о ней знает. Как держится народ вашего Содружества? Они горой стоят за своего Автарха? Или же война истощила людей настолько, что они требуют заключения мира?

Я рассмеялся в ответ на его слова, и та горечь, которая помогла мне сблизиться с Водалусом, мгновенно вскипела во мне.

— Стоят горой? Требуют? Я понимаю, ты изолировал себя от внешнего мира, мастер, чтобы сосредоточиться на более высоких материях, но я и представить себе не мог, что человек способен до такой степени не знать страны, в которой живет. На войне сражаются карьеристы, наем-

ники, молодые искатели приключений. Пройди на сотню лиг к югу и поймешь, что за пределами Обители Абсолюта о войне судят лишь по невнятным слухам.

— В таком случае, — поморщился мастер Эш, — ваше Содружество сильнее, чем я мог предположить. Неудивительно, что враги впали в отчаяние.

— Если сила в этом, пусть Всемилостивый убережет нас от слабости. Мастер Эш, фронт может рассыпаться в любой момент. Так что самое мудрое для тебя — уйти со мной отсюда в безопасное место.

Казалось, он пропустил мои слова мимо ушей.

— Если Эребус, Абайя и все остальные вступят в бой, разыграется совсем иное сражение. Но вот вопрос: когда? Любопытно. Однако же ты устал, пойдем со мной. Я покажу тебе твою кровать, а заодно и высокие материи, которые, как ты только что выразился, являются предметом моего изучения.

Мы поднялись на два этажа вверх и вошли в комнату, в окнах которой я, должно быть, и видел огонек накануне вечером. Просторное помещение занимало весь этаж. Здесь стояли машины, но они были мельче и малочисленной, чем те,

что я видел в замке Балдандерса. Еще я заметил в комнате множество книг и бумаг, разложенных на столах. Посредине стояла узкая кровать.

— Вот здесь я ненадолго проваливаюсь в сон, — пояснил мастер Эш, — когда работа не дает мне оторваться. Эта кровать маловата для человека твоего сложения, но, уверен, ты сможешь устроиться на ней с комфортом.

Поскольку всю прошлую ночь я провел на голых камнях, эта постель притягивала меня как магнит.

Показав, где я могу облегчиться и сполоснуть лицо, он ушел. Прежде чем свет погас, я уловил ту странную улыбку, что уже не раз замечал сегодня на его лице.

Минуту спустя, когда мои глаза привыкли к темноте, я уже думал совсем о другом, ибо выяснилось, что все окна светятся снаружи, пропуская перламутровое сияние.

«Мы над облаками, — сказал я сам себе (и тоже чуть улыбнулся), — или скорее вершину скалы как саваном окутали низкие облака, чье присутствие было незаметно для меня в темноте, но каким-то образом известно моему хозяину. И вот теперь я вижу верхушки этих облаков — несомненно, высокую материю, как видел облака из

глаз Тифона».

С этой мыслью я лег и заснул.

17. РАГНАРЕК – ПОСЛЕДНЯЯ ЗИМА

На следующее утро я по необъяснимой причине впервые ощутил неудобство от того, что проснулся безоружным. После утраты «Терминус Эст» я спал во время разграбления замка Балдандерса и не испытывал страха, а позднее бесстрашно продвигался на север. Лишь накануне без оружия я провел ночь на холодных камнях скалы и, наверное, просто потому, что очень устал, тоже ничего не боялся. Сейчас я думаю, что все эти дни и даже раньше, с тех пор как бежал из Тракса, я постепенно оставлял за спиной свою гильдию и начинал считать себя тем, за кого меня принимали окружающие — своего рода искателем приключений, каких я упоминал накануне в разговоре с мастером Эшем. Будучи палачом, я рассматривал меч не как оружие, а скорее как инструмент, должностной символ. Теперь же, оглядываясь в прошлое, я воспринимал «Терминус Эст» именно в качестве оружия, которого лишился.

Я размышлял по этому поводу, лежа на спине

на удобном тюфяке мастера Эша, заложив руки за голову. Если останусь в стране, разоренной войной, то получу другой меч, и было бы разумно иметь при себе оружие, даже если вновь я поверну на юг. Вопрос в том, поворачивать на юг или нет. Если бы я остался на месте, возникал риск оказаться вовлеченным в битву, где я имел все шансы быть убитым. Но в моей ситуации вернуться на юг было бы еще опаснее. Абдиес, архон Тракса, наверняка назначил награду за мою поимку, а гильдия, несомненно, позаботится о моем умерщвлении, если меня обнаружат где-нибудь недалеко от Нессуса.

После неясных колебаний по поводу предстоящего решения, как бывает, когда еще не совсем проснулся, я вспомнил о Винноке и о том, что он рассказал мне про рабов Пелерин. Поскольку для нас позорно, если кто-либо из клиентов умирает после пытки, в гильдии нас специально обучали лекарскому делу. Я подумал, что вряд ли уступаю в этом отношении подручным Пелерин. Когда я вылечил ту девушку в хижине, то испытал неожиданный духовный подъем. У шатлены Маннеа уже и так сложилось хорошее впечатление обо мне, но я значительно выиграл бы в ее глазах, если бы вернулся вместе с мастером Эшем.

Несколько минут назад меня тревожила мысль об отсутствии оружия. Теперь же я решил, что все-таки небезоружен — решимость и план действий лучше, чем меч, ибо на них человек оттачивает собственные грани. Я скинул одеяло и тут впервые обратил внимание на мягкость ткани. В комнате было холодно, но солнечно. Казалось, со всех четырех сторон помещения находилось по солнцу, будто все стены и окна выходили на восток. Я подошел, не одеваясь, к ближайшему окну и увидел неровное белое поле, о существовании которого я смутно подозревал накануне.

Но то были не облака, а массы льда. Окно либо вообще не открывалось, либо я просто не мог справиться с механизмом запора. Тогда я прижался лицом к стеклу и постарался заглянуть как можно дальше вниз. Последняя Обитель, как я убедился вчера, стояла на самом верху скалы. Теперь же только эта макушка и торчала надо льдом. Я переходил от одного окна к другому, но вид оставался прежним. Вернувшись к своей кровати, я влез в штаны, натянул сапоги и накинул на плечи плащ, едва ли сознавая, что делаю.

В тот самый момент, когда я закончил одеваться, появился мастер Эш.

— Надеюсь, не помешал, — проговорил он. — Я услышал, что ты проснулся.

Я покачал головой.

— Не хотел тебя беспокоить.

Я непроизвольно провел обеими руками по лицу. Как ни глупо, но мне стало неловко за свою щетину.

— Я собирался побриться перед тем, как надеть плащ. До чего же я бестолковый! Я не брился с тех пор, как ушел из лазарета. — Я чувствовал себя так, будто мой мозг устало тащился по ледяной поверхности, оставив на произвол судьбы язык и губы.

— Могу предложить горячую воду и мыло.

— Хорошо, — сказал я. — А если я спущусь вниз…

— Будет ли то же самое? — Он улыбнулся своей странной улыбкой. — Лед? Нет. Ты первый обо всем догадался. Могу ли я спросить, каким образом?

— Давным-давно, нет, всего несколько месяцев назад, хотя теперь и кажется, что очень давно, я посетил Ботанические Сады в Нессусе. Там есть место под названием Птичье Озеро, где тела мертвецов остаются свежими навсегда. Мне сказали, что все дело в свойствах воды, но я уже тогда уди-

вился, что вода озера обладает такой силой. Есть еще и так называемый Сад Джунглей, где листья зеленее, чем я мог себе представить: не ярко-зеленые, а темные с прозеленью, будто растения не могут использовать всю энергию, которую солнце изливает на них. Тамошние обитатели словно из другого, не нашего времени, хотя не могу сказать, из прошлого или будущего или же из чего-то третьего. У этих людей был небольшой дом, гораздо меньше твоего, но чем-то его напоминающий. Я часто вспоминал Ботанические Сады с тех пор, как покинул их, и подчас гадал, не состоит ли секрет в том, что время на Птичьем Озере остановилось, а в Саду Джунглей человек каким-то образом перемещается во времени взад-вперед, шагая по тропинке. Я не слишком много говорю?

Мастер Эш покачал головой.

— Когда я шел сюда, то увидел твой дом на верхушке холма. Но, вскарабкавшись наверх, обнаружил, что дом исчез, а долина внизу вовсе не та, которая осталась у меня в памяти. — Я замолчал, не зная, что еще добавить.

— Все абсолютно верно, — проговорил мастер Эш. — Я поставлен здесь, чтобы наблюдать то, что ты сейчас видишь. Но нижние этажи углубляются в древние периоды, из которых твой

— древнейший.

— Да ведь это великое чудо.

— Чудесней то, что ледники пощадили этот отрог скалы. Верхушки более высоких гор погребены подо льдом, а эта скала защищена географическим феноменом столь тонкого свойства, что это могло произойти лишь по воле случая.

— Но в конечном счете и она погрузится под лед?

— Да.

— И что же потом?

— Тогда я уйду отсюда. Или, точнее говоря, я уйду незадолго до того, как это произойдет.

Меня охватил безрассудный гнев. Это чувство бывало у меня в детстве, когда я не мог заставить мастера Мальрубиуса понять мои вопросы.

— Я имею в виду: что будет с Урсом?

— Ничего. То, что ты видишь, — последнее оледенение. Сейчас поверхность солнца тусклая, но скоро вспыхнет ярким пламенем. Правда, само солнце сожмется, отдавая меньше энергии окружающим мирам. В конечном счете, если представить, что кто-то придет и встанет на льду, он увидит только очередную яркую звезду. Лед, на котором он будет стоять, — не тот, что ты видишь перед собой, а будущая атмосфера этого

мира. И так будет продолжаться в течение очень долгого времени. Возможно, вплоть до заката дня вселенной.

Я подошел к другому окну и вновь поглядел на широкие ледяные просторы.

— Это произойдет скоро?

— Пейзаж, который ты сейчас видишь, существует в твоем далеком будущем, через тысячи лет.

— Но до того лед, должно быть, придет с юга. Мастер Эш кивнул.

— И спустится с горных вершин. Идем со мной. Мы прошли на второй уровень дома, на который я лишь мельком обратил внимание вчера вечером, когда поднимался по лестнице. Окон здесь было гораздо меньше, но мастер Эш поставил стулья перед одним из них и жестом пригласил сесть и взглянуть на открывавшуюся картину. Все было так, как он говорил: лед, прекрасный в своей чистоте, сползал по горным склонам, вступая в битву с соснами. Я спросил мастера, отдаленное ли это будущее, и он еще раз кивнул.

— Ты не доживешь, чтобы увидеть это заново.

— Но времени, отпущенного на жизнь человека, почти достаточно, чтобы достигнуть этого будущего? Он поежился и усмехнулся в бороду.

— Скажем так: это вопрос относительности. Этого будущего не увидишь ни ты, ни твои дети, ни дети их детей. Но процесс уже начался. Задолго до твоего рождения.Я ничего не знал о юге, но поймал себя на мысли об острове из рассказа Хальварда, о маленьких уголках, где живут и трудятся, спасаясь от сурового климата, земледельцы и охотники на тюленей. Островитяне с их семьями долго смогут ютиться в тех местах. Их лодки в последний раз со скрежетом причалят к каменистым берегам — «**Моя** жена, мои дети… Моя жена, мои дет**и**…». — К тому времени переселятся многие из твоего народа, — продолжал мастер Эш. — Те, кого вы называете какогенами, милостиво возьмут их в другие, более благоприятные миры. Многие, очень многие уедут до окончательной победы льда. Видишь ли, я сам происхожу из этих беженцев.

Я спросил, удастся ли спастись всем.

— Нет. — Он печально покачал головой. — Некоторые откажутся уезжать, кого-то просто не смогут найти. Иным же не найдется прибежища.

Некоторое время я сидел и глядел на осаждаемую долину, пытаясь привести в порядок свои мысли. Наконец сказал:

— Я всегда замечал, что люди от религии гово-

рят утешительные, хоть и неверные вещи, в то время как ученые открывают ужасные истины. Шатлена Маннеа назвала тебя святым человеком, но ты, похоже, ученый муж и сам заявляешь, что твой народ послал тебя на наш мертвый Урс изучать льды.

— Подмеченное тобою различие уже не работает. Вообще-то религия и наука всегда сводились к вере во что-то. А в сущности — в одно и то же. Ты сам подходишь под собственное определение ученого мужа, потому я и говорю с тобой о науке. Если бы здесь была Маннеа со своими жрицами, я бы говорил по-другому.

У меня так много воспоминаний, что часто я теряюсь среди них. Вот и сейчас, глядя на сосны, раскачивавшиеся на ветру, который я не мог ощутить на собственной коже, я будто слышал бой барабана.

— Однажды я повстречал человека, который утверждал, что он из будущего. Он был зеленым, почти таким же зеленым, как те деревья, и сказал, что в его время солнце светит ярче.

Мастер Эш кивнул.

— Несомненно, он говорил правду.

— Но ты же говорил, что открывшаяся перед нами картина лежит всего в нескольких челове-

ческих жизнях от нас, что это часть уже начавшегося процесса, который обернется последним оледенением. Либо ты ложный прорицатель, либо он.

— Я не прорицатель, — ответил мастер Эш. — Да и он не занимался пророчеством. Никому не дано знать будущее. Мы говорим о прошлом.

Я снова рассердился.

— Ты мне сказал, что будет через несколько поколений.

— Да, сказал. Но ты сам и этот пейзаж — уже эпизоды из прошлого для меня.

— Я вовсе не эпизод из прошлого! Я принадлежу настоящему!

— С твоей личной точки зрения, ты прав. Но не забывай, что я не могу смотреть на тебя с твоей точки зрения. Это мой дом, а ты глядишь через мои окна. Мой дом уходит корнями в прошлое. Без этого я бы здесь сошел с ума. Но я читаю прошлые столетия, как другие читают книги. Я слышу голоса давно умерших людей и среди них — твой голос. Ты думаешь, что время подобно единой нити, но оно похоже на ткань или гобелен, простирающийся в бесконечность во всех направлениях. Я слежу взглядом за одной нитью, уходящей в прошлое. Ты чертишь цветную

линию в будущее, но мне неведомо, какой цвет ты выберешь. Белый может привести ко мне, зеленый — к твоему зеленому человеку.

Я растерялся и пробормотал лишь, что представлял себе время в виде реки.

— Да, ты пришел из Нессуса, не правда ли? Этот город был построен у реки. Но когда-то он стоял у самого моря, так что лучше бы ты уподобил время морю. Волны накатываются и отступают, а где-то на глубине пролегают морские течения.

— Мне хотелось бы спуститься вниз, — попросил я, — чтобы вернуться в собственное время.

— Понимаю, — проговорил мастер Эш.

— Неужели? Если я правильно тебя понял, твое время — это самый верхний этаж дома; там стоит твоя кровать и находятся другие необходимые вещи. Однако когда ты не слишком загружен работой, то, судя по твоим словам, спишь здесь. И тем не менее ты говоришь, что это место ближе к моему времени, чем к твоему.

Он встал на ноги.

— Я имел в виду, что тоже бегу ото льда. Ну как, пошли? Тебе надо поесть перед долгой обратной дорогой к Маннеа.

— Нам обоим надо поесть, — ответил я. Он обернулся и взглянул на меня, прежде чем шагнуть

к лестнице.

— Ведь я уже сказал, что не могу пойти с тобой. Ты лично убедился, как хорошо спрятан мой дом. Для всех, кто не знает точного маршрута, даже нижний этаж находится в будущем.

Я схватил его руки и вывернул за спину двойным захватом, одновременно обшарив одежду отшельника на предмет оружия. Такового при нем не оказалось, и хотя он был силен, но не настолько, как я опасался.

— Ты все же намерен доставить меня к Маннеа, верно?

— Да, мастер, и у нас будет гораздо меньше неприятностей, если ты пойдешь добровольно. Скажи, где я могу найти веревку, мне бы не хотелось использовать пояс от твоей одежды.

— Веревки у меня нет, — ответил он. Тогда я связал руки старика его поясом, что входило в мои первоначальные планы.

— Когда мы отойдем на достаточное расстояние, я развяжу тебя, если дашь слово, что будешь хорошо себя вести.

— Я оказал тебе радушный прием в своем доме. Разве я чем-нибудь тебя обидел?

— Очень немногим, но речь не об этом. Ты нравишься мне, мастер Эш, и я уважаю тебя.

Надеюсь, ты не будешь в претензии за то, что я делаю, так же как и я не в претензии за то, что ты сделал со мной. Но Пелерины послали меня за тобой, и я просто доказал себе свою надежность, если ты понимаешь, что я имею в виду. А теперь, пожалуйста, спускайся по лестнице, не торопясь. Если свалишься вниз, то костей не соберешь.

Я привел его в ту комнату, где мы беседовали накануне, взял черствого хлеба и пакет сушеных фруктов.

— Я больше не воспринимаю себя как одного человека, — продолжал я, — но был воспитан… — я чуть было не сказал «палачом», но сообразил (вероятно, впервые), что этот термин не совсем подходит к занятию гильдии, и решил воспользоваться официальным наименованием, — Взыскующим Истины и Покаяния. Мы выполняем то, что обещали сделать.

— Ведь и я должен выполнить свою работу. На верхнем уровне, там, где ты спал.

— Боюсь, она останется незавершенной. Он молчал, когда мы вышли за дверь и зашагали по каменистой тропе. Потом сказал:

— Я пойду с тобой, если смогу. Мне всегда хотелось выйти за эту дверь и идти, не останавливаясь.

Я пообещал, что, если он даст честное слово, я немедленно развяжу его.

Он покачал головой.

— Ты можешь посчитать, что я предал тебя. Я не понял, о чем он говорит.

— Возможно, где-то есть женщина, которую я называл Вайн. Но твой мир — это твой мир. Я могу существовать там, только если вероятность моего существования достаточно велика.

— Я же существовал в твоем доме, разве не так? — возразил я.

— Да, но потому, что твоя вероятность была совершенной. Ты — часть прошлого, из которого явились и мой дом, и я. Вопрос в том, стану ли я тем будущим, к которому ты направляешься?

Я вспомнил зеленого человека в Сальтусе, который был отнюдь не бестелесным.

— Так ты можешь лопнуть, как мыльный пузырь? — спросил я. — Или рассеяться в воздухе как дым?

— Не знаю, — ответил он. — Я не знаю, что станется со мной. Или где я окажусь, когда это произойдет. Я могу перестать существовать в любой момент. Вот почему я никогда не уходил по своей воле.

Я взял его за руку — наверное, решил, что таким

образом смогу удержать его возле себя, — и мы продолжали путь. Я придерживался того маршрута, который рекомендовала Маннеа, и Последняя Обитель, высившаяся за нашими спинами, казалась вполне осязаемой, как и всякий другой дом. Мои мысли были заняты тем, что поведал и показал мне отшельник, поэтому некоторое время, в течение двадцати-тридцати шагов, я не оборачивался на своего спутника. Наконец его замечание насчет гобелена напомнило мне о Валерии. Комната, в которой мы с ней лакомились печеньем, была сплошь увешана гобеленами. А его слова о нитях ассоциировались с лабиринтом тоннелей, по которым я бежал перед встречей с Валерией. Я хотел было рассказать ему о своих соображениях, но тут выяснилось, что он исчез. Моя рука держала воздух. Минуту я наблюдал, как Последняя Обитель, точно корабль, колеблется на поверхности ледяного океана. Потом и она слилась с темной вершиной скалы. А лед обернулся тем, за что я уже однажды принял его, — обычной грядой облаков.

18. ПРОСЬБА ФОЙЛЫ

Следующие сто шагов или больше мне казалось, что мастер Эш исчез не полностью. Я ощущал его присутствие, иногда я даже мельком видел его. Он шел рядом со мной, отстав на полшага, если я не пытался глядеть на него в упор. Не знаю, каким образом мне удавалось видеть его, как он мог в некотором смысле пребывать со мной и одновременно отсутствовать. Наши глаза принимают поток фотонов с нулевой массой или заряд от роящихся частиц, подобных многим миллиардам солнц, — так учил меня почти слепой мастер Палаэмон. Этот град фотонов и убеждает нас в том, что мы видим некоего человека. Иногда человек, которого, по нашему убеждению, мы видим, на самом деле иллюзорен, как мастер Эш, или даже в большей степени.

Я также ощущал присутствие его мудрости. То была грустная, но подлинная мудрость. Я внезапно пожалел, что он не смог сопровождать меня, хотя и понимал, что, окажись он в силах продолжать путь, это, несомненно, означало бы наступление льда.

— Я одинок, мастер Эш, — проговорил я, не осмеливаясь оглянуться назад. — Я и сам до настоящего момента не осознавал всей глубины своего одиночества. Думаю, ты тоже испытывал одиночество. А кто была та женщина, которую ты назвал Вайн?

Может быть, я просто вообразил его голос:

— Она была первой женщиной.

— Месхианой? Да, я ее знаю, она очень красива. Моей Месхианой была Доркас, и я скучаю по ней, но и по всем другим тоже. Когда Текла стала частью меня, я решил, что никогда больше не буду одиноким. Но сейчас она в такой степени срослась со мной, что мы — одно целое, и я опять могу тосковать по другим. По Доркас, по островной девушке Пиа, маленькому Северьяну, Дротту и Рошу. Если бы Эата был здесь, я бы крепко обнял его.

Больше всего я хотел бы увидеть Валерию. Иолента была самой красивой из виденных мною женщин, но в лице Валерии было нечто разрывавшее мне сердце. Наверное, я был тогда всего лишь мальчишкой, хотя и не считал себя таковым. Я выбрался из тьмы и оказался в месте, которое называют Атриумом Времени. Вокруг вздымались башни, башни семейства Валерии.

В центре стоял пьедестал с циферблатом солнечных часов, и хотя я помню его тень на снегу, вряд ли солнце заглядывало туда больше чем на две-три стражи; вероятно, башни закрывали солнце большую часть дня. Твои познания, мастер Эш, глубже моих. Можешь ли ты объяснить мне замысел строителей?

Ветер, гулявший среди скал, рванул мой плащ так, что он взвился у меня за плечами. Я поправил его и натянул капюшон.

— Я шел по следам собаки. Его я назвал Трискель и говорил (даже самому себе), что он принадлежит мне, хотя не имел права заводить собаку. Я нашел его зимним днем. Мы тогда занимались стиркой — полоскали постельное белье клиентов, а водосток забился тряпьем и грязью. Я отлынивал от работы, и Дротт велел мне выйти наружу и снизу прочистить сток при помощи бельевой подпорки. Ветер был ужасно холодным. Наверное, то наступал твой лед, хотя тогда я и не знал об этом. С каждым годом зимы становятся чуть холоднее. И, конечно, стоило бы мне прочистить водосток, поток грязной воды хлынул бы вниз и намочил мне руки. Я сердился, так как был третьим по старшинству после Дротта и Роща и считал, что эту работу должны выполнять млад-

шие ученики. Я пробивал засор в трубе своей палкой, когда увидел его на другом конце Старого Подворья. Думаю, блюстители Медвежьей Башни проводили накануне неофициальный бой, и у дверей в ожидании некера валялись мертвые звери: арсиноитер, смилодон и несколько страшных волков. Пес лежал сверху. Полагаю, он должен был умереть последним; судя по ранам, его прикончил один из волков. Конечно, на самом деле он не умер, а только казался мертвым.

Я подошел ближе, чтобы взглянуть на него, — разумеется, то был лишь предлог на время отвлечься от работы и подуть на закостеневшие от мороза пальцы. Пес был хладен и безжизнен, как… Даже не рискну подобрать сравнение. Однажды я зарубил мечом быка, и когда тот лежал мертвым в луже собственной крови, он и то выглядел более живым, чем Трискель. Но я все же протянул руку и погладил пса по голове, большой, как у медведя, с обрубленными почти начисто ушами. Когда я прикоснулся к нему, он внезапно открыл глаза. Тут я опрометью бросился через двор и так энергично саданул палкой по засору в водостоке, что с первого раза пробил пробку. Ведь я боялся, что Дротт в скором времени пошлет Роша выяснять, чем я занимаюсь.

Оглядываясь в прошлое, я чувствую себя так, будто тогда у меня уже был Коготь, более чем за год до того, как он действительно попал мне в руки. Хотелось бы мне описать взгляд пса, когда он поднял на меня глаза. Он глубоко тронул мое сердце. Мне не приходилось воскрешать животных, когда я носил с собой Коготь, но ведь я и не пытался. Обычно, наоборот, возникало желание убить какую-нибудь живность, чтобы достать себе пропитание. Теперь я уже не уверен, что, употребляя животных в пищу, мы поступаем правильно. Я обратил внимание, что в твоих съестных припасах нет мяса — только хлеб и сыр, вино и засушенные фрукты. Может быть, люди, в каком бы мире они ни существовали в твое время, придерживаются того же мнения?

Я помолчал, надеясь на ответ, но он ничего не сказал. Теперь все горные вершины опустились под солнцем, и я больше не был уверен в хрупком присутствии мастера Эша. Возможно, меня сопровождала лишь моя собственная тень.

— Когда у меня появился Коготь, — продолжал я, — выяснилось, что он не оживляет мертвецов, погибших от руки человека. Однако он исцелил того обезьяночеловека, которому я отсек руку. По мнению Доркас, суть в том, что я сам нанес уве-

чье. Трудно сказать… Мне никогда не приходило в голову, что Коготь знает своего владельца, но, быть может, дело именно в этом.

Тут раздался голос, нет, не голос мастера Эша, а другой, незнакомый мне. Я услышал возглас:

— Счастливого нового года тебе!

Я поднял глаза и шагах в сорока увидел улана вроде того, которого ночницы Гефора убили на зеленой дороге в Обитель Абсолюта. Не зная, что еще предпринять, я приветственно помахал рукой и крикнул в ответ:

— Разве сегодня Новый год?

Он слегка пришпорил своего боевого коня и галопом пустился в мою сторону.

— Сегодня середина лета и начало нового года, — сказал он, поравнявшись со мной. — Счастливый день для нашего Автарха!

Я постарался припомнить одно из выражений, которые так любила Иолента:

— Чье сердце — святыня для его подданных.

— Хорошо сказано! Меня зовут Ибар, я из Семьдесят восьмого Зенагия, патрулирую эту дорогу до вечера. Не повезло.

— Ведь этой дорогой не запрещено пользоваться.

— Разумеется. Но только если ты готов удосто-

верить свою личность.

— Конечно, — ответил я, — с радостью сделаю это.

Я почти забыл об охранной грамоте Маннеа. Теперь же я достал этот документ и вручил его патрульному.

Когда меня останавливали по дороге к Последней Обители, я вовсе не был уверен, что солдаты, допрашивавшие меня, умеют читать. Каждый из них глядел с умным видом на пергамент, но, полагаю, видел лишь печать Маннеа и ее ровный, энергичный, хоть и слегка эксцентричный почерк. Этот улан, без всякого сомнения, читать умел. Я видел, как он бегал глазами по строкам документа, и даже подметил, когда он чуть споткнулся на словах «почетное погребение».

Наконец он аккуратно сложил пергамент, но не спешил отдавать мне.

— Так, значит, ты на службе у Пелерин?

— Да, имею такую честь.

— В таком случае ты молился. А я-то подумал, что ты разговариваешь сам с собой. Я не падок на всякую религиозную чушь. Штандарт Зенагия под рукой, а Автарх далеко — вот тебе и все необходимые таинства. Но я слышал, что Пелерины — добрые женщины.

Я кивнул.

— Полагаю, все несколько сложнее, чем ты думаешь. Но их и вправду можно назвать добрыми.

— И они послали тебя с поручением. Сколько дней назад?

— Три дня.

— Теперь ты возвращаешься в лазарет у медиа Парс?

Я снова кивнул.

— Надеюсь добраться засветло.

Он покачал головой.

— Не доберешься. Но не вешай носа — вот что я тебе посоветую. — Он протянул мне пергамент.

Я взял документ и убрал его в свою ташку.

— Я был не один, с компаньоном. Но он потерялся. Может быть, ты видел его? — И я описал улану внешность мастера Эша.

Улан отрицательно покачал головой.

— Я поищу его и если найду, скажу, какой дорогой ты пошел. А теперь можешь ответить мне на один вопрос? Это не официально, поэтому, если хочешь, можешь просто сказать, что это, мол, не мое дело.

— Отвечу, если смогу.

— Что ты станешь делать после ухода от Пе-

лерин?

Меня несколько ошеломил его вопрос.

— Да я и не собирался уходить от них. Возможно, когда-нибудь…

— Все же подумай о легкой кавалерии. Ты производишь впечатление бывалого человека, а такой нам всегда пригодится. Ты проживешь вдвое меньше, чем в пехоте, но удовольствия от жизни получишь вдвое больше.

Он подстегнул лошадь и ускакал, а я остался размышлять над его словами. Несомненно, он не шутил, когда предупреждал, что мне придется заночевать на дороге, и именно его серьезное отношение заставило меня прибавить ходу. По счастью, у меня довольно длинные ноги, и при необходимости я могу идти вровень с человеком, пустившимся трусцой. Поэтому я заставил их потрудиться, отбросив все мысли о мастере Эше и мое собственное тревожное прошлое. Возможно, неким зыбким образом мастер Эш все еще сопровождал меня, а может быть, и нет. Как бы то ни было, я больше не обращал на него внимания.

Урс еще не отвернул своего лика от солнца, когда я вышел на узкую дорогу, по которой мы с мертвым солдатом шагали чуть больше недели назад. На пыльной поверхности дороги по-преж-

нему виднелись пятна крови, но их стало гораздо больше, чем раньше. После разговора с уланом я опасался, что Пелерин обвинили в каком-то преступлении; а сейчас я почти уверился в том, что в лазарет поступила большая партия раненых. Наверное, улан просто решил, что я заслуживаю спокойной ночи, перед тем как присоединиться к уходу за новоприбывшими. Эта мысль немного успокоила меня. Большой наплыв раненых давал мне шанс продемонстрировать свои способности. В таком случае Маннеа вряд ли ответит отказом, когда я предложу ей купить меня для Ордена, если только сумею сочинить какую-нибудь небылицу, чтобы объяснить свою неудачу в Последней Обители.

Но когда я вышел на последний прямой участок дороги, выходящей к лазарету, передо мной открылась совсем неожиданная картина.

Казалось, то место, где стоял лазарет, было распахано толпой сумасшедших земледельцев, изрыто глубокими ямами, на дне которых уже выступила вода. Вокруг стояли искореженные деревья.

Пока не наступила тьма, я бродил взад-вперед по уничтоженному лагерю в поисках следов друзей и алтаря, где я спрятал Коготь. Я обнаружил

человеческую руку, мужскую кисть, оторванную у запястья. То могла быть рука Мелито или Хальварда, асцианина или Виннока. Кто знает?

Ту ночь я провел у дороги. С рассветом я продолжил поиски и к вечеру наткнулся на выживших в полудюжине лиг от первоначальной стоянки. Я переходил от одной койки к другой, но многие были без сознания и с перебинтованными лицами, поэтому я не мог их распознать. Не исключено, что Ава, Маннеа и та Пелерина, которая принесла табуретку к моей койке, были среди этих несчастных, но я никого не нашел.

Единственной, кого я узнал, была Фойла, и то лишь потому, что она заметила и позвала меня.

— Северьян! — услышал я, когда проходил мимо раненых и умирающих. Я бросился к ней и попытался расспросить о случившемся, но Фойла была очень слаба и мало что могла объяснить. Нападение произошло внезапно, как гром среди ясного неба. Она помнила лишь крики о помощи, которые долго оставались без ответа. Потом ее куда-то тащили солдаты, еле смыслившие в медицине. Я неуклюже поцеловал Фойлу, пообещав навестить ее еще раз. Думаю, мы оба понимали, что я не смогу выполнить свое обещание.

— Помнишь о том, как мы все рассказывали

истории? — спросила она. — Я думала об этом.

Я ответил, что не сомневаюсь.

— Нет, ты не понял, я думала об этом, когда меня волокли сюда. Мелито, и Хальвард, и все остальные наверняка погибли. Ты — единственный, кто будет помнить, Северьян.

Я заверил Фойлу, что никогда не забуду.

— Хочу, чтобы ты рассказал об этом другим людям. Как-нибудь, зимним днем или вечером, когда нечего больше делать. Ты запомнил эти истории?

— «Моя страна — это край далеких горизонтов и широкого небосвода…»

— Да, — кивнула Фойла и словно погрузилась в сон. Свое второе обещание я сдержал, сперва записав все истории на чистых листах в конце коричневой книги, а потом представив на твой суд, читатель, все, что я услышал в течение долгих теплых дней, проведенных в лазарете.

19. ГУАЗАХТ

Следующие два дня я скитался. Не стану много рассказывать об этих днях, потому что и сказать-то особо нечего. Имел возможность завербоваться в несколько различных подразделений, но был вовсе не уверен, что это мне по душе. Хотел бы вернуться в Последнюю Обитель, но моя гордость не позволяла рассчитывать на благосклонность мастера Эша, даже если допустить, что мне удалось бы найти его во второй раз. Я говорил себе, что был бы рад снова занять должность ликтора Тракса, но если бы представилась такая возможность, не уверен, что поспешил бы ее реализовать. Я спал, точно зверь, в чаще леса и питался тем, что попадалось под руку, то есть очень плохо.

На третий день я набрел на заржавевший меч, видимо, оброненный во время прошлогодней кампании. Я достал флакон с маслом и обломок точильного камня (я сохранил эти предметы вместе с рукоятью, когда выбрасывал в воду остатки «Терминус Эст») и целую стражу с удовольствием чистил и точил найденный меч. Закончив, я

потащился дальше и вскоре набрел на дорогу.

Теперь, когда охранная грамота Маннеа практически потеряла свою силу, я стал более осторожным, чем по пути от мастера Эша. Однако казалось весьма вероятным, что мой мертвый солдат, который был возвращен к жизни Когтем и звался Милесом (хотя я и признал в нем частично Иону), завербовался теперь в какое-нибудь подразделение. Если так, то он сейчас шагает по какой-нибудь дороге или живет в лагере неподалеку, если еще не участвует в сражении, а мне хотелось поговорить с ним. Как и Доркас, он на время задержался в стране мертвых. Она, правда, находилась там дольше, но я надеялся, что если успею расспросить его до тех пор, пока его воспоминания не сотрутся, то смогу узнать нечто способное хотя бы помочь мне примириться с потерей этой женщины, если не вернуть ее назад.

Ибо я понял теперь, что люблю ее, как никогда не любил прежде, когда мы брели по бездорожью к Траксу. Тогда я слишком много думал о Текле, постоянно заглядывал внутрь себя, чтобы найти там ее. Теперь, хотя бы в силу ее столь длительного пребывания нераздельной моей частью, мне кажется, я заключил ее в объятия, поистине более решающие, чем любое соитие — как мужское

семя проникает в тело женщины, чтобы произвести на свет (если на то будет воля Алейрона) новое человеческое существо, так и она, войдя в мой рот, по моей воле сочеталась с Северьяном и создала нового человека. Я, по-прежнему называющий себя Северьяном, сознаю, что имею двойную корневую систему.

Не знаю, удалось бы мне выведать у Милеса-Ионы то, что я стремился узнать. Я так и не нашел его, хотя до сих пор не прекращаю своих поисков. К середине дня я оказался среди поваленных деревьев и время от времени натыкался на трупы, находившиеся на разных стадиях разложения. Сперва я пробовал мародерствовать, как тогда, у тела Милеса-Ионы, но скоро понял, что тут побывали до меня. И действительно, ночью явились лисицы с острыми маленькими зубами и стали жадно обгладывать мертвецов.

Чуть позднее, когда у меня стали иссякать силы, я остановился у дымящихся останков пустого провиантского фургона. Не так давно погибшие тягловые животные лежали на дороге, между ними уткнулся лицом в землю возница. Мне пришло в голову, что я мог бы отрезать от одной из туш столько мяса, сколько мне захочется, а потом отнести в тихое место и разжечь костер. Я

уже вонзил меч в бедро мертвого животного, но тут услышал барабанную дробь копыт, и, решив, что это скачет конный нарочный, отошел к краю дороги, чтобы пропустить всадника.

Ко мне приближался низкорослый коренастый мужчина энергичного вида, восседавший на высокой плохо ухоженной лошади. Заметив меня, всадник натянул поводья, но что-то в его лице подсказывало, что мне не потребуется ни драться, ни убегать. (В противном случае я предпочел бы вступить в бой. Лошадь мало пригодилась бы ему среди пней и поваленных деревьев, и, несмотря на его кольчугу и схваченный медным обручем шлем из кожи буйвола, я чувствовал, что могу справиться с этим противником.)

— Кто ты такой? — окликнул он меня.

— Северьян из Нессуса.

— Вот как? Значит, ты цивилизованный человек, но по твоему виду не скажешь, что ты питался исправно.

— Напротив, — сказал я. — Я ем больше, чем когда-либо. — Я не хотел, чтобы он посчитал меня ослабленным.

— А мог бы еще лучше. На твоем мече — не асцианская кровь. Ты кто, шиавони? Из нерегулярных?

— Да, моя жизнь довольно нерегулярна в последнее время, это верно.

— Но ты не приписан к какому-либо подразделению? — С поразительным проворством он соскочил с лошади, бросил поводья на землю и подошел ко мне. У незнакомца оказались кривоватые ноги, а лицо — будто вылепленное из глины и перед обжигом приплюснутое сверху и снизу, поэтому лоб и подбородок получились плоскими, но широкими, глаза как щелки, рот вытянут до ушей. Тем не менее он мне сразу понравился живостью характера и тем, что нисколько не скрывал своих замашек мошенника.

— Я не приписан ни к чему и ни к кому, кроме собственных воспоминании.

— А-а! — Он вздохнул и на мгновение закатил глаза. — Знаю, знаю. У нас у всех свои трудности. Что у тебя — нелады с женщиной или с законом?

Я никогда прежде не рассматривал свои проблемы с такой точки зрения, но, подумав секунду, вынужден был признать, что он в обоих случаях недалек от истины.

— Что ж, ты оказался в удачном месте и встретил нужного тебе человека. Как ты смотришь на то, чтобы сегодня вечером плотно и вкусно поужинать в большой компании новых Друзей,

а завтра получить целую горсть орихальков? Звучит хорошо? Вот и славно!

Он вернулся к своей лошади, молниеносным, как у профессионального фехтовальщика, движением руки схватил уздечку, прежде чем животное успело отбежать в сторону. Завладев поводьями, он вскочил в седло с такой же легкостью, как прежде спрыгнул на землю.

— Забирайся ко мне за спину! — крикнул он. — Ехать недалеко, и лошадь без труда довезет нас обоих.

Я последовал его примеру, но сделал это с гораздо меньшей ловкостью, поскольку стремян у меня не было. Как только я уселся, лошадь вздыбилась, но всадник, очевидно, предвидел ее маневр и ударил животное медной головкой эфеса, да так сильно, что кобыла споткнулась и чуть не упала.

— Не волнуйся! — крикнул он. Короткая шея не позволяла ему повернуть голову, поэтому он говорил левым уголком рта, таким образом демонстрируя, что обращается именно ко мне. — Это прекрасная лошадь и великолепно ведет себя в бою. А сейчас она просто захотела, чтобы ты знал ей цену. Вроде инициации. Ты знаешь, что такое инициация?

Я ответил, что знаком с этим термином.

— Во всяком стоящем деле нужна инициация — сам увидишь. Я лично в этом уже убедился. Отважный парень обязательно пройдет инициацию, а потом посмеется над пережитым приключением.

После этих загадочных слов он вонзил огромные шпоры в бока животного, будто хотел выпотрошить его на месте, и мы пустились вскачь по дороге, оставляя позади облако пыли.

С тех пор как я угнал коня Водалуса из Сальтуса, я по наивности полагал, что всех лошадей можно разделить на два вида: высокопородистые, быстроногие и хладнокровные, медлительные. Хорошие, думал я, бегут с грациозной легкостью кошки, преследующей дичь, а плохие тащатся так медленно, что едва ли заслуживают какого-нибудь сравнения. Один из наставников Теклы часто приговаривал, что всякая двуоценочная система ошибочна, и во время этой поездки я в который раз убедился в его правоте. Лошадь моего благодетеля принадлежала к третьей разновидности (сказочно вместительной, как я вскоре выяснил) — она легко перегоняла птиц в небе, но в то же время, казалось, скакала словно на железных ногах по каменистой дороге.

Мужчины обладают бесконечным количеством преимуществ перед женщинами и потому справедливо возлагают на себя обязанность защищать слабый пол. Однако есть одно существенное превосходство, которым всякая женщина может похвастаться перед своим защитником: ни одной женщине не приходилось расплющивать детородные органы между собственной тазовой костью и жестким позвоночником кобылы, мчащейся галопом. Именно это произошло со мной двадцать или тридцать раз кряду, прежде чем мы остановились, и когда я наконец соскользнул с крупа лошади и отпрыгнул в сторону, уворачиваясь от удара копытом, настроение у меня было — хуже не бывает.

Мы очутились на маленьком поле, затерянном среди холмов, относительно ровном, около сотни широких шагов в поперечнике. В центре стояла палатка, размером с коттедж, с выцветшим черно-зеленым флагом, развевающимся у входа. По всему полю паслось несколько десятков стреноженных лошадей, а возле них расположилось столько же ободранных мужчин и несколько неряшливых женщин. Люди чистили доспехи, спали и играли в азартные игры.

— Эй, поглядите-ка! — крикнул мой благоде-

тель, слезая с коня и становясь рядом со мной. — Я привез вам новенького! — Мне же он объявил: — Северьян из Нессуса, ты находишься в расположении Восемнадцатого Базелия Нерегулярной Контарии, и каждый из нас становится неустрашимым воином, если имеется шанс заработать горсть монет.

Расхристанные мужчины и такие же женщины столпились вокруг нас, многие глядели на меня с откровенной насмешкой. Потом вперед вышел высокий, очень худой мужчина.

— Ребята, оставляю вам Северьяна из Нессуса!

— Северьян, я — твой кондотьер, можешь называть меня Гуазахтом. А этот верзила, который вымахал даже выше тебя, — мой помощник, зовут — Эрблон. Остальные, уверен, представятся сами. Эрблон, мне надо поговорить с тобой. Завтра отправляемся патрулировать местность. — Он взял высокого мужчину под руку и повел в палатку, я же остался один в толпе воинов, окруживших меня плотным кольцом.

Один крупный, медвежьего сложения мужчина, почти с меня ростом, но чуть ли не вдвое толще, указал на мой меч.

— А ножны к нему у тебя есть? Дай-ка взглянуть. Я подчинился без разговоров; что бы ни

произошло дальше, повода для смертоубийства не предвидится.

— Значит, ты кавалерист?

— Нет, — ответил я, — конечно, верхом ездить приходилось, но я не считаю себя экспертом в этой области. — Но с лошадью-то сможешь справиться?

— В людях я разбираюсь лучше, чем в лошадях. Все засмеялись, а здоровяк сказал:

— Вот и прекрасно, потому что тебе не придется долго скакать, но хорошее понимание женщин и лошадей очень пригодится.

Пока он говорил, я услышал стук копыт: двое мужчин вели мускулистого пегого жеребца с настороженными дикими глазами. Поводья были разделены надвое и удлинены, так что мужчины по обе стороны могли держаться на некотором расстоянии от животного. В седле восседала рыжеволосая девка с насмешливым выражением на лице. Вместо поводьев она держала в обеих руках по хлысту. Воины и женщины огласили воздух приветственными криками и захлопали в ладоши. Под этот вопль пегий, как вихрь, взметнулся на дыбы и взбрыкнул передними ногами, продемонстрировав на каждой по три роговых отростка, которые мы называем копы-

тами, — когти, приспособленные для сражения не меньше, чем для выкапывания дерна. Я не успевал глазами за его ложными выпадами.

Здоровяк хлопнул меня по спине.

— Конь не самый лучший, но вполне пригодный, я сам объезжал его. Мезроп и Лактан передадут тебе поводья, и все, что от тебя требуется, — сесть в седло. Если при этом не скинешь Дарью с коня, она твоя, пока мы тебя не догоним. — И он громко крикнул: — Все, отпускайте!

Я ожидал, что те двое вручат мне поводья. Вместо этого они швырнули их мне в лицо, и моя попытка поймать поводья на лету не увенчалась успехом. Кто-то пугнул жеребца сзади, а здоровяк издал специфический резкий свист. Пегого, видимо, учили драться, как боевых коней из Медвежьей Башни. Длинные острые зубы не были увеличены при помощи металлических наверший, но и в естественном виде торчали из пасти животного точно кинжалы.

Я увернулся от мелькнувшей рядом передней ноги пегого и попытался ухватиться за уздечку; удар плетью пришелся мне прямо по лицу, а конь толкнул меня так, что я растянулся на земле.

Должно быть, воины удержали коня, иначе он растоптал бы меня. Возможно, они также по-

могали мне подняться на ноги, не помню. Пыль забила мне горло, кровь, сочившаяся из раны на лбу, заливала глаза.

Я снова ринулся к коню, на этот раз обойдя его справа и держась подальше от страшных копыт, но пегий обладал отличной реакцией, а девушка по имени Дарья щелкнула обеими плетьми перед моим лицом, чтобы отпугнуть меня. Я поймал плетку скорее от гнева, чем по расчету. Петля этой плетки была надета на запястье девушки, поэтому, когда я дернул, она свалилась с лошади прямо ко мне в объятия. Девица укусила меня за ухо, но я ухватил ее сзади за шею, развернул, впившись пальцами в тугую ягодицу, и поднял в воздух. Она задрыгала ногами, и это, казалось, испугало коня. Жеребец пятился от меня сквозь толпу, пока один из его мучителей не подтолкнул его в мою сторону, и тогда я наступил ногой на поводья.

После этого все пошло гораздо легче. Я отпустил девушку, поднял поводья и, задрав пегому голову, саданул его по передним ногам, выбив из-под него опору, как нас учили обращаться с буйными клиентами. Конь издал высокий звериный вопль и рухнул на землю. Я взлетел в седло раньше, чем пегий успел подняться на ноги, стегнул его

по бокам длинными поводьями и пустил вскачь сквозь толпу зрителей, потом развернулся и снова врезался в людскую массу.

Мне всю жизнь приходилось слышать о том, что участников таких состязаний охватывает сильное возбуждение, но сам никогда не присутствовал при подобных зрелищах. Только теперь я убедился в этом на собственном опыте. Воины и их женщины пронзительно кричали и бегали вокруг, некоторые размахивали своими мечами. С большим успехом они могли бы пугать грозу — с полдюжины нападавших угодили под копыта пегого. Рыжая девица бросилась бежать, ее волосы развевались, как флаг на ветру. Но разве под силу было человеческим ногам тягаться с разбушевавшимся жеребцом? Мы в один момент настигли ее, и я, поймав этот пламенеющий стяг, перебросил девицу через седло перед собой.

Извилистая тропа вывела нас в темное ущелье, потом — в следующее. Впереди мелькнула фигура дикого оленя. Тремя бросками мы догнали животное с бархатной шкурой и, оттеснив с дороги, понеслись дальше. Будучи ликтором в Тракссе, я слыхал, что эклектики, гоняясь за лесной дичью, часто выпрыгивают из седла, чтобы заколоть добычу. Только теперь я поверил, что это правда: я

сам мог бы легко перерезать горло оленю ножом мясника.

Оставив его далеко позади, мы взлетели на вершину холма и понеслись вниз в тихую, поросшую лесом долину. Когда мой пегий конь выдохся, я ослабил поводья и предоставил ему самостоятельно выбирать путь между деревьями, крупнее которых я не видел с тех пор, как покинул Сальтус. Вскоре конь остановился, чтобы пощипать сочную нежную траву, пробивающуюся между корнями, а я, бросив поводья на землю, как это делал Гуазахт, спешился сам и помог сойти рыжеволосой девице.

— Благодарю, — проговорила она. — Ты все-таки справился. Я и не думала, что у тебя получится.

— Иначе ты бы не согласилась? Я считал, что тебя заставили.

— Не надо было мне хлестать тебя по лицу. Теперь ты мне отомстишь, да? Будешь бить поводьями?

— Почему ты так решила? — Я очень утомился, поэтому сел на землю. Желтые цветы, не крупнее капли воды, росли среди травы. Я сорвал несколько цветков — они пахли каламбаном.

— Я сужу по твоей внешности. Кроме того, ты

вез меня вверх ногами, а мужчины, которые так поступают, всегда не прочь отстегать женщину по заду.

— А я и не знал. Интересная мысль.

— У меня таких мыслей — пруд пруди. — Девушка быстро и грациозно села рядом и положила руку мне на колено. — Послушай, ведь это была инициация, вот и все. Мы делаем это поочередно, и сегодня выпала моя очередь, я была обязана побить тебя. Но теперь все позади.

— Понимаю.

— Значит, ты меня не обидишь? Замечательно! Мы и вправду можем прекрасно провести время. Все, что ты захочешь и пока тебе не надоест, нам не обязательно возвращаться до самого ужина.

— Но я не сказал, что не обижу тебя.

Ее лицо, расплывшееся в искусственной улыбке, сразу помрачнело, и она уставилась в землю. Я решил, что она сейчас сбежит.

— Это лишь доставило бы тебе дополнительное удовольствие, прежде чем все закончится. — Ее рука скользнула вверх по моему бедру. — Ты привлекательный мужчина, вот что я скажу. И такой высокий. — Она выгнулась и прижалась лицом к моим коленям, потом поцеловала меня и наконец выпрямилась. — Это было бы славно.

В самом деле, славно.

— Или ты могла бы убить себя. У тебя есть нож? На мгновение ее рот превратился в маленький правильный овал.

— Ты что, сумасшедший? Как же я сразу не догадалась? — Она вскочила на ноги.

Я поймал ее за щиколотку и швырнул на мягкую лесную траву. Ее одежда была ветхой от длительного ношения, один рывок — и платье сброшено.

— Ты сказала, что не сбежишь.

Она поглядела на меня через плечо большими испуганными глазами.

— У тебя нет власти надо мной, — сказал я, — ни у тебя, ни у них. Я не боюсь ни боли, ни смерти. Для меня на свете существует только одна желанная женщина, а мужчин и того меньше, разве что я сам.

20. ПАТРУЛЬ

Мы удерживали участок не больше пары сотен шагов в поперечнике. Наш противник был вооружен в основном ножами и боевыми топорами; эти топоры да еще рваная одежда напомнили мне о добровольцах, с которыми Водалус (при моем непосредственном участии) справился в нашем некрополе. Но их было уже несколько сотен, и подтягивались все новые.

Наш базель оседлал лошадей и покинул лагерь еще до рассвета. На земле лежали длинные тени, протянувшиеся параллельно изменчивой линии фронта, когда разведчик показал Гуазахту глубокую колею от кареты, двигавшейся в северном направлении. Мы преследовали ее целых три стражи.

Асцианские налетчики, захватившие карету, дрались отменно; чтобы сбить нас с толку, они повернули на юг, потом на запад, потом — снова на север, оставляя за собой петляющие, точно у змеи, следы. Но за ними тянулся шлейф из мертвецов, погибших под нашим огнем или попавших под залпы охранников, которые стреляли через

бойницы кареты. Только под конец, когда асциане уже потеряли надежду спастись бегством, мы заметили и других преследователей.

К полудню небольшая долина была окружена. Тускло поблескивавшая стальная карета, заполненная мертвыми и умирающими, безнадежно, по самые оси, завязла в грязи. Асцианские пленные сидели на корточках перед каретой под охраной наших раненых. Асцианский офицер говорил на нашем языке; стражу назад Гаузахт приказал ему освободить повозку и застрелил нескольких асциан, когда те не подчинились. Их оставалось еще около тридцати человек — почти голые, апатичные, с пустыми глазами. Отобранное у них оружие свалили в кучу неподалеку от стоявших на привязи лошадей.

Теперь Гаузахт объезжал наши позиции, и я увидел, как он помедлил возле пня, служившего убежищем для соседнего со мной воина. Одна из женщин-противниц высунула голову из кустов чуть дальше вверх по склону. Мой контус ударил ее сгустком огня, она рефлекторно рванулась в сторону, потом сжалась в клубок, как делает паук, когда его швыряют на горячие угли бивуачного костра. Ее лицо под красным платком, повязанным на голове, было смертельно бледным, и

вдруг я понял, что она выглянула не по доброй воле — за кустами прятались другие люди, которые либо недолюбливали ее, либо совсем не дорожили ею. Это они вынудили женщину пойти на этот опрометчивый шаг. Я выстрелил снова, прорезав молнией зеленую поросль и подняв облачко едкого дыма, которое медленно отнесло ко мне, словно дух той женщины.

— Не трать напрасно заряды, — произнес у моего уха Гаузахт. Скорее по привычке, чем от страха, он лег на землю рядом со мной.

Я спросил его, хватит ли зарядов до наступления темноты, если я буду стрелять по шесть раз за одну стражу.

Он пожал плечами и покачал головой.

— Я так и стрелял из этой штуки, насколько я могу судить по солнцу. Но когда стемнеет…

Я взглянул на него, но он лишь снова пожал плечами.

— Когда стемнеет, — продолжил я, — мы ничего не увидим, пока они не подберутся почти вплотную. Будем стрелять наугад и уложим несколько десятков, потом достанем мечи и встанем спина к спине, однако они все равно убьют нас.

— К тому времени подоспеет подмога, — возразил он, но, увидев, что я ему не верю, смачно

сплюнул. — Лучше б я проглядел ту чертову колею от кареты. Хоть бы я о ней вообще не слышал!

Теперь я пожал плечами.

— Верни карету асцианам, и тогда мы пробьемся.

— Там внутри — монеты, точно тебе говорю! Золотые монеты, жалованье нашим войскам. Потому карета такая тяжелая, другого и быть не может!

— Но доспехи тоже кое-что весят, — возразил я.

— Но не столько. Мне приходилось видеть подобные кареты. Это золото из Нессуса или из Обители Абсолюта. Но только те твари внутри — да видал ли кто-нибудь таких уродов?

— Я видал.

Гаузахт вперился в меня удивленным взглядом.

— Когда проходил через ворота в Стене Нессуса. Это зверолюди, такой же плод забытых знаний, что заставляли наших боевых лошадей скакать быстрее, чем древние дорожные машины. — Я попытался вспомнить, что еще рассказывал о них Иона, но не придумал ничего лучшего, чем добавить: — Автарх использует эти существа на работах, слишком тяжелых для обычных людей. Или там, где на людей нельзя положиться.

— Ну что ж, вполне справедливо. Ведь они не могут украсть деньги, куда им потом деваться? Послушай-ка, я тут за тобой приглядывал.

— Да, я это почувствовал.

— Уж как приглядывал, говорю тебе. Особенно после того, как ты заставил пегого жеребца наброситься на человека, который объезжал его. Здесь, в Орифии, мы встречаем множество сильных и храбрых людей, особенно когда перешагиваем через их трупы. Находится и немало сообразительных малых, но девятнадцать из двадцати таких умников слишком уж сообразительны, чтобы кому-нибудь принести пользу, даже самим себе. Кто по-настоящему ценен — так это мужчины, а иногда и женщины, которые обладают особой властью — властью заставлять людей добровольно делать то, что им велят. Без ложной скромности скажу: я сам обладаю этим даром. У тебя он тоже есть.

— Пока он что-то не спешил проявляться.

— Бывает, требуется война, чтобы он дал о себе знать. В этом и заключается одно из преимуществ войны, а поскольку их у нее не так уж много, нам следует по достоинству ценить те, что есть. Северьян, я хочу, чтобы ты пошел к карете и переговорил с этими зверолюдьми. Ты сказал, что

кое-что знаешь о них. Уговори их выйти наружу и помочь нам в сражении. Ведь, в конечном счете, мы на одной стороне.

Я кивнул.

— Если я смогу уговорить их открыть двери, то мы разделим деньги между собой, а кое-кому удастся бежать. Гуазахт брезгливо потряс головой.

— Что я тебе говорил секунду назад насчет больших умников? Если бы ты и вправду отличался сообразительностью, то не пропустил бы это мимо ушей. Нет, ты скажешь им, что даже если их всего трое или четверо, сейчас нам каждый воин пригодится. Кроме того, не исключено, что один их вид отпугнет грабителей. Дай мне контус, я подменю тебя здесь до твоего возвращения.

Я передал Гуазахту свой длинный ствол.

— Кстати, а кто эти люди?

— Так, всякий сброд, шатающийся вокруг военных лагерей, маркитанты и шлюхи, разнополое отребье. Дезертиры. Автарх или кто-либо из его генералов часто отлавливают их и заставляют трудиться, но они скоро удирают, только бы не работать. В искусстве удирать они большие специалисты. Таких надо бы просто уничтожать.

— Ты даешь мне полномочия вести переговоры

с нашими пленниками в карете? Поддержишь меня, если что?

— Они не пленники, хотя… может быть, ты и прав. Передай им мои слова и договорись, как сумеешь. Я поддержу тебя.

Я минуту глядел на Гуазахта, пытаясь понять, верить ему или нет. Как многие мужчины средних лет, он уже имел на лице черты старика, которым он станет впоследствии, — кислого и ворчливого, уже бормочущего те жалобы и возражения, что сорвутся с его уст во время последней схватки.

— Я дал тебе слово. Иди же.

— Ладно.

Я встал на ноги. Бронированная карета напоминала экипажи, предназначенные для доставки особо важных клиентов в нашу башню в Цитадели. Окна узкие и забранные решетками задние колеса в человеческий рост. Гладкие стальные бока были детищем того утраченного искусства, о котором я говорил Гуазахту. Я знал, что у зверолюдей, сидящих внутри, оружие лучше нашего. Протянув вперед руки, чтобы показать, что не вооружен, я стал как можно спокойней продвигаться к карете, пока за решеткой одного из окон не показалось чье-то лицо.

Зная о подобных существах лишь понаслышке, представляешь их себе чем-то стабильным, этакими созданиями, прочно обосновавшимися на полпути между животными и человеком. Однако при личной встрече — как сейчас или же во время знакомства с обезьянолюдьми в шахте неподалеку от Сальтуса — создается совсем иное впечатление. Наилучшее сравнение, которое приходит мне в голову, — это трепетание листьев серебристой березы на ветру. Сперва кажется, что перед тобой самое обыкновенное дерево, но в следующий миг листья поворачиваются другой стороной, и береза предстает сверхъестественным существом. Вот так и с этим зверочеловеком. Сперва мне почудилось, что сквозь прутья решетки на меня пялится морда мастифа, потом я увидел мужчину, благородного в своем уродстве, с рыжевато-коричневым лицом и янтарными глазами. Думая о Трискеле, я поднес руки к решетке, чтобы это создание уловило мой запах.

— Чего ты хочешь? — Его голос был грубым, но не отталкивающим.

— Хочу спасти ваши жизни, — ответил я. Я сказал не то, что требовалось, и понял это, как только слова сорвались с моих уст.

— Мы хотим спасти нашу честь. Я кивнул.

— Честь — это жизнь высшего порядка.

— Если ты знаешь, как нам спасти свою честь, говори, мы выслушаем тебя. Но мы никогда не отдадим доверенный нам груз.

— Вы уже отдали его, — возразил я.

Ветер стих, а мастиф на мгновение отпрянул от окна, оскалив зубы и сверкнув глазами.

— Вас поместили в эту карету вовсе не для охраны золота от асциан, но для того, чтобы защищать его от тех подданных Содружества, что готовы стянуть это золото, если представится случай. Асциане разбиты, взгляни-ка сам. Мы — верноподданные Автарха. Те, от кого вы охраняете золото, скоро одолеют нас.

— Им придется сначала убить меня и моих товарищей, прежде чем они доберутся до золота.

Так, значит, там действительно золото! Вслух я сказал:

— Они так и сделают. Выходите и помогите нам, пока еще есть надежда на победу.

Он заколебался, а я уже не был так уверен, что ошибся, начав переговоры с фразы о спасении их жизней.

— Нет, — ответил он. — Мы не можем. То, что ты говоришь, может быть, и разумно, не знаю. Но наш закон основан не на разуме, он опирается на

честь и послушание. Мы остаемся.

— Но ты знаешь, что мы вам не враги?

— Всякий, посягающий на то, что мы охраняем, есть наш враг.

— Мы тоже занимаемся охраной. Если бы эти проходимцы и дезертиры оказались в радиусе поражения вашего оружия, вы стали бы по ним стрелять?

— Да, конечно.

Я приблизился к группе вялых асциан и заявил, что хочу побеседовать с их командиром. Поднялся человек лишь немногим выше остальных. Смышленое выражение на его лице было того свойства, что встречается у хитрых умалишенных. Я сказал ему, что Гуазахт поручил мне вести переговоры, поскольку я и раньше нередко беседовал с асцианскими военнопленными и знаком с их обычаями. Эти слова, как я и рассчитывал, услышали трое раненых охранников, которые могли видеть, что Гуазахт занимает мое место в круговой обороне.

— Приветствую именем Группы Семнадцати! — произнес асцианин.

— Именем Группы Семнадцати, — откликнулся я. Асцианин явно удивился, но кивнул в ответ.

— Мы окружены неверными подданными на-

шего Автарха, которые, таким образом, являются врагами и Автарха, и Группы Семнадцати. Наш командир Гуазахт придумал план, который обеспечит всем нам жизнь и свободу.

— Слуги Группы Семнадцати не должны расходоваться бесцельно.

— Вот именно. Слушай же план. Мы запряжем наших боевых коней в стальную карету — столько, сколько потребуется, чтобы вытащить ее из грязи. Ты и твои люди тоже должны помочь. Как только карета будет освобождена, мы вернем вам оружие и поможем прорваться через этот кордон. Твои солдаты и наши — все вместе пойдем на север. Вы можете оставить себе карету и деньги, что находятся внутри, и доставить своему начальству, как вы и рассчитывали, когда захватили карету.

— Свет Правильного Мышления проникает сквозь любую тьму.

— Нет, мы не перешли на сторону Группы Семнадцати. И все, что мы предлагаем, отнюдь не безвозмездно. Во-первых, вам придется помочь нам вытащить карету из грязи; во-вторых — принять участие в прорыве из окружения; в-третьих — обеспечить нам свободный проход через расположение ваших войск, чтобы мы

могли вернуться к своим.

Асцианский офицер взглянул на слабо мерцающую карету.

— Ни одна неудача не бывает постоянной неудачей. Но неизбежный успех может потребовать новых планов и еще больших усилий.

— Значит, ты согласен с моим новым планом? — Я не замечал, что сильно потею, но сейчас почувствовал, что пот заливает мне глаза. Я отер лоб краем плаща, в точности, как это делал мастер Гурло.

Асцианский офицер кивнул.

— Изучение Правильного Мышления в конечном счете открывает путь к успеху.

— Да, — ответил я. — Так точно, я тоже изучал его. За нашими усилиями пусть найдутся дальнейшие усилия.

Когда я вернулся к карете, к окну подошел все тот же зверочеловек, но на этот раз он был настроен менее враждебно.

— Асциане согласились еще раз попытаться вытащить вашу карету, — сообщил я. — Но придется разгрузить ее.

— Это невозможно.

— Если мы этого не сделаем, золото исчезнет вместе с солнцем. Я не прошу вас отдавать его

— только выгрузить и продолжать охранять. У вас будет в руках оружие, и если кто-то вооруженный приблизится к вам, можете убить его. Я безоружен и останусь рядом с вами. Вы и меня можете убить.

На переговоры потребовалось еще немало времени, но в конце концов мы пришли к соглашению. Я велел раненым, сторожившим асциан, положить конти и запрячь в карету восемь боевых коней, асциане тоже приготовились тянуть упряжь и толкать колеса. Затем дверца в стальном боку кареты распахнулась, и зверолюди стали выносить небольшие металлические ящики; двое работали, а тот, с кем я разговаривал, караулил. Они оказались выше, чем я ожидал, и были вооружены фузеями, а за поясами держали пистолеты. То были первые пистоли, которые я увидел с тех пор, как иеродулы пользовались подобным оружием, чтобы отбить атаки Балдандерса в садах Обители Абсолюта.

Когда все ящики были выгружены, трое зверолюдей встали возле них, держа оружие на изготовку. Я дал команду, и раненые воины ударили плетками коней в новой упряжке, а асциане принялись тянуть с таким упорством, что у них даже глаза стали вылезать из орбит от напря-

жения. И вот когда мы уже решили, что ничего не получится, карета приподнялась из грязи и неуклюже прокатилась с полчейна, прежде чем раненые смогли остановить ее. Гуазахт чуть не угробил нас обоих, бросив свою позицию и опрометью ринувшись к карете, размахивая на бегу моим контусом. Однако у зверолюдей хватило ума сообразить, что командир просто возбужден и не представляет для них опасности.

Он еще больше разошелся, когда увидел, как зверолюди снова переносят ящики внутрь повозки, и услышал, что я пообещал асцианам. Я напомнил ему, что он разрешил мне действовать от его имени.

— Когда я действую, — выпалил он, — я нацеливаюсь на победу.

Я признался, что, в отличие от него, у меня недостает опыта в военных делах, но, как я все же мог убедиться, в некоторых ситуациях победа состоит именно в том, чтобы благополучно выпутаться из сложного переплета.

— И все-таки я рассчитывал, что ты придумаешь что-нибудь получше.

Мы и не заметили, что вершины гор на западе, неумолимо поднимаясь, уже царапали нижний край солнечного диска. Я указал на это Гуазахту.

Тот неожиданно улыбнулся.

— В конце концов, ведь это те же самые асцианe, у которых мы уже однажды отбили его.

Он подозвал офицера асциан и заявил, что наши всадники поведут наступление, а его воины пойдут следом за стальной каретой пешим ходом. Асцианин не возражал, но как только его солдаты вновь получили оружие, он стал настаивать на том, чтобы полдюжины из его подразделения взобрались на крышу кареты, а сам он возглавит атаку с остальными. Гуазахт согласился с видимой неохотой, однако его недовольство показалось мне напускным. Мы посадили по одному вооруженному воину на каждого из восьми коней в новой упряжке, и я заметил, что Гуазахт горячо обсуждает какой-то план с корнетом из числа той восьмерки.

Я обещал асцианам, что мы пробьемся через кордон дезертиров на север, но почва на этом направлении оказалась неподходящей для стальной кареты, поэтому в итоге мы сошлись на том, чтобы изменить курс с северного на северо-западный. Асцианская пехота продвигалась быстрым шагом, едва не переходя на бег и поливая огнем противника. Следом катилась карета. Тонкие и длинные струи огня, вырывавшиеся из сол-

датских конти, вонзались в толпу оборванцев, которые пытались подобраться поближе. Асцианские аркебузы на крыше кареты изрыгали брызги фиолетовой энергии, с треском сыпавшиеся на головы врагов. Зверолюди стреляли из фузей через зарешеченные окна, одним залпом убивая не меньше полудюжины нападавших.

Остальные наши воины (в том числе и я) прикрывали карету с тыла, еще некоторое время удерживая прежние позиции. Затем, чтобы сэкономить драгоценные заряды, многие пристегнули свои конти к седлам, выхватили мечи и в конном строю атаковали рассеянные группы противника, отставшие от асциан и кареты.

Наконец враг оказался позади, а почва под ногами стала менее топкой. И тут солдаты, рассаженные на коней в упряжке, вонзили шпоры в бока животных, а Гуазахт, Эрблон и еще несколько человек, что скакали прямо за каретой, дружно пальнули по асцианам, устроившимся на крыше, и те скатились вниз в языках темно-красного пламени и клубах зловонного дыма. Асциане, продвигавшиеся пешим ходом, бросились врассыпную, потом открыли ответный огонь.

Я не считал себя вправе принимать участие в этом бою. Я натянул поводья и потому увидел

— уверен, что раньше других, — первых анпиел, которые, точно ангел из рассказа Мелито, упали с облаков, раскрашенных лучами заходящего солнца. Они смотрелись потрясающе красиво — нагие, со стройными телами молодых женщин; но их радужные крылья были шире в размахе, чем у тераторниса, и все анпиелы держали по пистолету в каждой руке.

Поздно вечером, когда мы вернулись в свой лагерь и раненым была оказана помощь, я спросил Гуазахта, поступил бы он точно так же, если бы все повторилось заново.

Он немного подумал, потом ответил:

— Я и представить себе не мог, что появятся эти летающие девицы. Теперь-то это кажется вполне естественным — в карете наверняка было достаточно денег, чтобы расплатиться с половиной армии, и они, не колеблясь, выслали бы на выручку свои элитные войска. И все-таки разве такое могло прийти в голову до того, как все произошло?

Я покачал головой.

— Послушай, Северьян, мне бы не следовало так говорить с тобой. Но ты сделал то, что мог, и ловчее проныры, чем ты, я еще не встречал. Как бы то ни было, все в итоге обернулось самым

лучшим образом, не правда ли? Ты сам убедился, какой дружелюбной была их серафима. И что же она видела? Отважные парни пытаются спасти карету от асциан. Пожалуй, мы заслужили благодарность, а может быть, даже награду.

— Ты мог убить этих зверолюдей, а также асциан, когда золото выгрузили из повозки, — сказал я. — Но ты не сделал этого, потому что тогда я погиб бы вместе с ними. Думаю, ты заслужил благодарность. По крайней мере — от меня.

Он потер свое приплюснутое лицо обеими ладонями.

— Что ж, я просто счастлив. Это мог быть конец Восемнадцатого. Еще одна стража, и мы начали бы убивать друг друга из-за денег.

21. ВЫСТУПАЕМ

Перед тем как грянуло то сражение, мы временами патрулировали местность, а иногда и просто бездельничали. Довольно часто мы не встречали ни одного асцианина или же натыкались лишь на их трупы. В наши обязанности входило арестовывать дезертиров и изгонять из окрестностей разных мелких торговцев и бродяг, которые паразитировали на теле армии; но если они казались нам похожими на тех, кто осаждал стальную карету, мы убивали их — нет, не казнили, а без всяких лишних формальностей рубили им головы, даже не вылезая из седла.

До полнолуния оставалось совсем немного времени, и ночное светило вновь висело в небе, будто зеленое яблоко. Бывалые воины говорили мне, что самые кровавые сражения всегда приходятся на время полной луны, ибо, по слухам, она потворствует безумству. Но, по-моему, так происходит потому, что ее сияние позволяет генералам подвести подкрепления в ночную пору.

На заре того дня, когда разыгралось сражение, громкий сигнал трубы заставил нас поспешно

скинуть свои одеяла. В утренней дымке мы построились в колонну по двое. Во главе колонны встал Гуазахт, чуть позади него — знаменосец Эрблон. Я полагал, что женщины останутся в тылу, как это было во время патрулирования, но больше половины из них взяли конти и присоединились к нам. Я заметил, что некоторые спрятали свои волосы под шлем, а многие облачились в латы, которые сплющивали и скрывали их груди. Я сообщил о своем наблюдении Мезропу, вставшему рядом.

— Могут быть неприятности из-за оплаты, — объяснил он. — Кто-то с очень цепким взглядом обязательно сосчитает нас, а контракты обычно рассчитаны только на мужчин.

— Гуазахт сказал, что сегодня заплатят побольше, — напомнил я ему.

Он прокашлялся, сплюнул, и белая слюна исчезла в холодном воздухе, будто сам Урс поглотил ее.

— Нам не заплатят, пока все не закончится. Они никогда не платят заранее.

Гуазахт закричал и махнул рукой, Эрблон приподнял знамя, и мы двинулись в путь. Топот копыт звучал, как приглушенная барабанная дробь.

— Думаю, таким образом они экономят на убитых, — предположил я.

— Они платят трижды: за то, что сражался, за пролитую кровь и отдельно — при окончательном расчете.

— Или сражалась, полагаю?

Мезроп сплюнул снова.

Некоторое время мы продвигались вперед, потом остановились в ничем не примечательном месте. Когда колонна замерла, среди холмов, что раскинулись вокруг нас, я услышал гул и невнятное бормотание. Армия, рассредоточенная, несомненно, по санитарным причинам и чтобы лишить асцианских врагов четкой мишени, теперь собиралась вновь, в точности как пылинки в памятном мне каменном городе образовали тела воскресших танцоров.

Эти перемещения не остались незамеченными. Как некогда хищные птицы летели за нами, пока мы не добрались до границы того города, так и теперь какие-то пятиконечные формы, вертевшиеся словно колеса, следили за нашим продвижением из-за разбросанных по небу облаков, которые блекли и таяли в ровном красном свете восходящего солнца. Издалека они сперва казались просто серыми, но потом стали пи-

кировать на нас, и я понял, что не могу точно определить их окрас. Наверное, их можно было бы назвать бесцветными, но лишь в том смысле, какой вкладывают, называя золото желтым, а серебро белым. Воздух стонал от их непрерывного вращения.

Еще одна подобная конструкция, которую мы прежде не заметили, на скорости пересекла нам дорогу, едва не задев верхушки деревьев. Каждая спица в этом гигантском колесе была длиной с башню, испещренную окнами и бойницами. Оно лежало на боку, но будто перебирало в воздухе своими гигантскими конечностями. Казалось, поднятый им ураганный ветер легко сломает и унесет прочь деревья. Мой пегий жеребец испуганно заржал и понес, как и многие другие боевые кони, а некоторые даже рухнули на землю под этим странным вихрем.

Через мгновение все было кончено. Листья, кружившиеся вокруг нас точно крупные снежинки, опустились на землю. Гуазахт что-то крикнул, Эрблон протрубил в рог и взмахнул знаменем. Я усмирил пегого и, пустив его легким галопом, стал переезжать от одного взбунтовавшегося коня к другому, придерживая их за ноздри и помогая наездникам привести животных в чувство.

Среди прочих я выручил Дарью, которая тоже оказалась в колонне, хоть я и не знал об этом прежде. В доспехах воина, с контусом и двумя тонкими саблями, свисавшими по обе стороны седла, она смотрелась удивительно привлекательно и несколько ребячливо. При виде ее я невольно представил, как выглядели бы другие знакомые мне женщины, окажись они в подобной ситуации: Теа — сценический образ воительницы, прекрасный и драматический, но по сути своей лишь фигура на носу корабля; Текла — ныне неотъемлемая моя часть — мстительная вакханка, размахивающая отравленным оружием; Агия — верхом на тонконогом коне, облаченная в хирасу, отлитую по фигуре, а ее волосы с вплетенной в них тетивой развеваются по ветру; Иолента — цветущая королева в доспехах, усаженных острыми шипами, ее большие груди и полные бедра выглядят совершенно нелепо, стоит коню чуть прибавить ходу, а сама она мечтательно улыбается при каждой остановке и все время норовит откинуться в седле; Доркас — стремительно несущаяся наяда, ежеминутно взмывающая над водой, подобно фонтану переливаясь под лучами солнца; Валерия — возможно, Дарья в аристократическом варианте.

Когда я увидел, как разбросало наших людей, я решил, что колонну уже не собрать. Но с того момента, как над нашими головами промчался рассекающий воздух пентадактиль, прошло лишь несколько минут, и вот мы снова оказались в строю. Мы проскакали галопом одну-две лиги — думаю, главным образом для того, чтобы выпустить часть нервной энергии из наших испуганных коней, потом остановились у ручья и дали им возможность смочить горло, не более того, ибо в противном случае они сделались бы вялыми. Отогнав пегого от берега, я выехал на лужайку, откуда мог наблюдать за небом. Вскоре ко мне присоединился Гуазахт.

— Еще одного ждешь? — не без иронии спросил он. Я кивнул и признался, что прежде не видел подобных конструкций.

— И не увидел бы. Они летают близко от фронта. Они бы не вернулись, если б рискнули двинуться дальше на юг.

— Солдаты вроде наших с ними не справятся. Он неожиданно стал серьезным. Его маленькие глазки на загорелом лице превратились в щелочки.

— Нет. Зато отважные парни могут встать на пути мобильных отрядов. Пушки и воздушные

вельботы их не остановят. Мой пегий конь волновался и нетерпеливо бил копытом.

— Я из той части города, о которой ты, вероятно, никогда и не слышал, — из Цитадели. Там есть орудия длиною чуть ли не в целый квартал, но на моей памяти они стреляли лишь во время церемоний.

Не отрывая глаз от неба, я представил себе вращающихся пентадактилей над Нессусом и тысячи снарядов, посылаемых не только из Барбакана и Башни Величия, но и со всех башен города. И еще я гадал, каким видом оружия ответят пентадактили.

— Поехали, — сказал Гуазахт, — я понимаю, трудно удержаться от соблазна высматривать те штуковины, но какой в этом прок?

Я вернулся вместе с ним к ручью, где Эрблон собирал воинов в колонну.

— Они даже не стреляли в нас. Ведь у этих флайеров наверняка есть оружие.

— Мы для них слишком мелкая рыбешка. — Я понимал, что Гуазахт хочет, чтобы я тоже встал в строй, но не решается напрямую приказать мне.

Я же чувствовал, как страх, словно призрак, овладел мною, сковал мне ноги и его холодные щупальца, проникнув внутрь тела, касались

моего сердца. Я хотел промолчать, но не смог заставить себя сдержаться:

— Когда мы окажемся на поле боя… (Думаю, я представлял его себе в виде ровной площади на Кровавом Поле, где я сражался с Агилюсом.)

Гуазахт рассмеялся.

— Когда мы вступим в сражение, наши канониры будут только рады, что противник нападет открыто. — Прежде чем я понял, что именно он намеревается сделать, он ударил мечом плашмя по боку моего пегого, и тот пустился легким галопом, унося меня прочь.

Страх похож на те болезни, что обсыпают людские лица уродливыми язвами. При этом человека беспокоит скорее внешнее проявление уродства, чем его источник, и он чувствует себя не только опозоренным, но и осквернённым. Когда жеребец замедлил бег, я уперся каблуками в его бока и встал в строй в самом конце колонны.

Несколько минут назад я чуть не занял место Эрблона и вот теперь был низведен до самого низшего звания, причем не Гуазахтом, а самим собой. Но когда я помогал собрать рассеянных воинов, то, чего я страшился, уже миновало; выходит, вся драма моего возвышения разыгралась уже после своей унизительной концовки.

Как если бы на наших глазах некий заколотый кинжалом юнец праздно шатался по городскому парку. Вот он в полном неведении завязывает знакомство со сладострастной женушкой своего убийцы и наконец, казалось бы, убедившись, что ее муж находится в другом конце города, обнимает ее, но она вскрикивает от боли, ибо ее поранила рукоять кинжала, торчащая из груди незадачливого юнца.

Когда колонна двинулась вперед, Дарья выехала из строя и придержала коня, чтобы оказаться рядом со мной.

— Ты боишься, — сказала она.

Это был не вопрос, а утверждение, но не упрек, а почти пароль, вроде тех нелепых условных фраз, которые я заучил на пиру у Водалуса.

— Да. Ты, видимо, хочешь напомнить мне о том, как я хвастался перед тобой в лесу. Могу лишь сказать, что тогда я не знал, насколько пустой была моя похвальба. Один мудрый человек как-то раз пытался объяснить мне, что даже после того, как клиент выдержал одну пытку, сумел отрешиться от нее, пусть даже вопя и корчась, другая пытка, совсем иного Рода, может легко сломить его волю, как если бы он был тщедушным ребенком. Я навострился объяснять все это, когда он

задавал соответствующие вопросы, но до сих пор не прилагал эту мудрость к собственной жизни. А следовало бы. Но если я здесь в роли клиента, то кто мой палач?

— Мы все тут в большей или меньшей степени боимся, — ответила она. — Вот почему — да, я видела — Гуазахт отослал тебя. Он сделал это, чтобы самому чувствовать себя не так паршиво. Если бы ему стало хуже, он не смог бы командовать отрядом. Когда придет время, ты сделаешь то, что вынужден сделать, — ни больше ни меньше, чем каждый из них.

— Не поспешить ли нам? — спросил я. Хвост колонны удалялся, вихляя, как это обычно случается с концом длинной веревки.

— Если мы припустим теперь, многие поймут, что мы в хвосте потому, что боимся. Если же немного подождем, то те, кто видел, как ты разговаривал с Гуазахтом, решат, что он специально отослал тебя назад, чтобы подогнать отстающих, а я просто захотела побыть с тобой.

— Ладно, — согласился я.

Ее рука, влажная от пота и тонкая, как у Доркас, скользнула в мою ладонь.

До этого момента я был уверен, что Дарья и прежде участвовала в сражениях.

— Для тебя это тоже впервые? — спросил я.

— Я могу драться лучше, чем большинство из них, — заявила она. — И мне надоело, что все называют меня шлюхой. Так, бок о бок, мы и пустились вслед за колонной.

22. БИТВА

Сначала они показались мне рассеянными цветными точками в дальнем конце широкой долины — далекие фигурки застрельщиков, которые беспорядочно перемещались, точно пузырьки, танцующие на поверхности в кружке с сидром. Мы скакали рысью сквозь искореженную рощу, чьи белые, лишенные листвы деревья напоминали живые кости, торчащие при сложном переломе. Наша колонна значительно разрослась, вероятно, включив в себя все остальные нерегулярные контарии. Мы попали под огонь противника, не слишком плотный, и так продолжалось около полустражи. Несколько человек получили ранения (один, ехавший рядом со мной, — довольно тяжелое), появились первые убитые. Раненые заботились о себе сами и помогали друг другу. Если нам и полагалась медицинская обслуга, она осталась слишком далеко позади, чтобы задумываться о ней.

Время от времени мы проезжали мимо трупов, разбросанных среди деревьев; обычно мертвецы валялись группами по два-три человека, но

изредка встречались и одинокие тела. Я заметил одного солдата, который, умирая, умудрился зацепиться воротником куртки за осколок, торчащий из разбитого ствола дерева, и меня поразил весь ужас его положения — он умер, но не смог обрести покой. Потом я подумал, что такова участь многих тысяч деревьев, убитых, но не способных упасть.

Заметив противника, я практически тут же осознал и присутствие наших собственных войск, продвигавшихся с обеих сторон. Справа — кавалерия вперемежку с пехотой. Всадники были без шлемов и обнажены до пояса, лишь скатки из красно-синих одеял крест-накрест пересекали их бронзовые груди. Однако, подумал я, их верховые лошади лучше, чем у большинства из нас. На вооружении эти всадники имели копья немногим длиннее человеческого роста, и большинство держали их поперек седельных лук. У левого предплечья каждого висел маленький медный щит. Я не имел ни малейшего представления, из какой части Содружества прибыли эти воины, но почему-то — возможно, из-за длинных волос и обнаженных торсов — принял их за дикарей.

Если они и были дикарями, то пехота, которая двигалась вместе с ними, представляла собой еще

более первобытных людей — сутулых, темнокожих и косматых. Я лишь несколько раз мельком видел их сквозь искореженные деревья, но успел заметить, что иногда они опускались на четвереньки. Изредка один из них хватался за стремя соседа, как, бывало, Делал я, когда шагал рядом с мерихипом Ионы, и всякий раз всадник ударял пехотинца по руке прикладом.

Дорога уходила через низину и поворачивала налево; там, дальше, а также по обе стороны от дороги продвигалось войско, гораздо более многочисленное, чем наша колонна, дикари-всадники и их спутники вместе взятые — батальоны пелтастов со сверкающими копьями и большими прозрачными щитами; хобилеры на гарцующих лошадях, с луками и стрелами в колчанах, перекинутых за спину; легковооруженные черкаджи, чьи боевые порядки уподоблялись морю плюмажей и знамен.

Я не мог ничего знать о храбрости всех этих странных воинов, которые неожиданно стали моими товарищами по оружию, но интуитивно решил, что они не храбрее меня и едва ли представляют собой серьезную защиту против тех движущихся точек в дальнем конце долины. Огонь, направленный против нас, усилился, от-

ветный же, насколько я мог судить, отсутствовал вовсе.

Всего за несколько недель до описываемых событий (хотя мне-то казалось, что прошел по меньшей мере год) меня ужаснула бы сама мысль быть застреленным из такого рода оружия, каким пользовался Водалус в ту туманную ночь в нашем некрополе, с которой я начал свое повествование. По сравнению с молниями, ударявшими среди нас, тот простой луч казался детской игрушкой, подобной блестящим металлическим брускам, что вылетали из сдвоенного лука старейшины.

Я не знал, как было устроено приспособление, выпускавшее в нас эти молнии, не представлял даже, имеем ли мы дело с чистой энергией или с какими-то метательными снарядами; но, падая возле нас, они давали яркую вспышку, за которой следовало нечто вроде раската грома. И хотя их нельзя было видеть до падения, они свистели при полете, и по этому свисту, длившемуся лишь мгновение, я вскоре научился определять, куда они ударят и насколько мощным будет последующий взрыв. Если свист был ровным, напоминающим звучание дудки-камертона в руках у корифея, значит, ударит далеко от меня. Если же он быстро нарастал, как будто мужской голос

превращался в женский, — значит, разорвется совсем рядом. И хотя только самый громкий звук предвещал опасность для меня, каждый пронзительный свист означал смерть одного, а чаще нескольких из нас.

Казалось полнейшим безумием скакать вперед. Нам надо было бы рассредоточиться, спешиться, чтобы найти укрытие среди деревьев. Если бы один из нас так и сделал, полагаю, все остальные последовали бы его примеру. При каждом новом ударе молнии я был готов подать этот пример. Но всякий раз, как если бы мой разум был заключен в некой тесной сфере, память о страхе, который я выдал чуть раньше, удерживала меня на месте. Пусть бегут остальные, тогда и я присоединюсь к ним, но первым — никогда.

Как и следовало ожидать, одна из молний ударила параллельно нашей колонне. Шестерых воинов разнесло на куски, будто бы в каждом из них находилось по маленькой бомбе. Голова первого взорвалась алыми сгустками, то же произошло с шеей и плечами второго, грудью третьего, животами четвертого и пятого, пахом шестого (или, возможно, с седлом и спиной его лошади). Потом молния вонзилась в землю, подняв гейзер из пыли и камней. Люди и животные

рядом с теми, кто был уничтожен подобным образом, тоже упали замертво, сраженные взрывной волной, а также разлетевшимися при взрыве кусками доспехов и конечностями.

Труднее всего было сдерживать лошадь, заставлять ее идти рысью, а то и переходить на шаг. Раз уж я не мог убежать, мне хотелось ускорить ход событий, поскорее вступить в бой и умереть, если мне суждено было умереть. Это нападение дало мне возможность немного отвести душу. Я махнул рукой Дарье, чтобы она следовала за мной, проехал мимо небольшой группы уцелевших и умирающих и занял в колонне место, освобожденное погибшими воинами. Там уже находился Мезроп. Увидев меня, он усмехнулся.

— Верно мыслишь. Бьюсь об заклад, во второй раз сюда не скоро попадет.

Я не стал выводить его из заблуждения.

Однако до поры до времени его прогноз оправдывался, канониры противника перенесли огонь на дикарей справа, потрепав нас. Неуклюжие пехотинцы истошно завопили и затараторили при первых же выстрелах, а всадники, как мне показалось, обратились за спасением к магическим силам. Иногда их монотонное песнопение звучало столь явственно, что я начал разбирать

отдельные слова, хотя они произносились на незнакомом мне языке. Один из всадников в буквальном смысле встал на седло, будто трюкач во время конных состязаний. Он поднял одну руку к солнцу, другую же простер по направлению к асцианам. Похоже, у каждого всадника имелось собственное заклинание, и, наблюдая за их редеющими под бомбардировкой порядками, я наглядно убеждался, каким образом эти примитивные создания проникаются верой в свои чары. Ведь выжившие неминуемо приписывали свое спасение чудотворной силе магии, а остальные уже не могли пожаловаться, что ворожба не оправдала их надежд.

Хотя наши кони продвигались преимущественно рысью, не мы первые столкнулись с противником. В низине черкаджи уже преодолели открытое пространство и обрушились на каре пеших воинов, будто огненная волна.

Я смутно опасался, что у противника есть оружие гораздо более мощное, чем у той контарии, — возможно, пистолеты и фузеи, какие были у зверолюдей, — и сотня бойцов, вооруженная подобным образом, без труда уничтожит любое количество кавалерии. Вскоре я убедился в обратном. Несколько рядов каре подались назад,

и теперь я находился достаточно близко, чтобы слышать воинственные возгласы всадников, отдаленные, но тем не менее отчетливые, и видеть отдельных беглецов из числа вражеских пехотинцев. Некоторые на ходу отбрасывали свои огромные щиты, еще более крупные, чем зеркальные щиты пелтастов, но сверкавшие металлическим блеском. В качестве наступательного оружия они имели лишь скошенные на конце копья, не больше трех кубитов длиной, посылающие широкие ленты пламени, но пригодные только для ближнего боя.

За первым каре пехоты появилось второе, потом еще одно, и так дальше по всей долине.

Когда мы уже не сомневались, что нас отправят на помощь черкаджам, поступил приказ остановиться. Взглянув направо, я обнаружил, что дикари встали чуть позади и теперь отгоняли своих лохматых соседей на позицию в дальнем конце от нас.

— Мы в заграждении! Спокойно, ребята! — крикнул Гуазахт.

Я посмотрел на Дарью, она ответила мне таким же растерянным взглядом. Мезроп махнул рукой в направлении восточного края долины.

— Прикрываем фланг. Если никто не появится,

мы сегодня неплохо проведем время.

— Но не те, кто уже погиб, — сказал я.

Бомбардировка, которая прежде сделалась менее интенсивной, теперь, казалось, и вовсе прекратилась. Нас окутала тишина, еще более пугающая, чем визг молний.

— Похоже на то. — Мезроп пожал плечами, тем самым напомнив, что мы потеряли лишь пару дюжин человек в отряде общей численностью в несколько сотен.

Черкаджи отошли назад, укрывшись за хобилерами, которые засыпали градом стрел передний край асциан, расставленных в шахматном порядке. Большинство стрел просто скользило по поверхности щитов, но некоторые из них все же вонзились в металл, и тот вспыхнул не менее ярким пламенем, окутался клубами белого дыма.

Когда шквал стрел несколько ослабел, квадраты асцианской «шахматной доски» снова двинулись вперед резкими толчками, точно бездушные механизмы. Черкаджи продолжали отступать и теперь оказались в тылу линии пелтастов, чуть впереди нас. Я вполне отчетливо видел их темнокожие лица. Отряд состоял в основном из мужчин — все бородатые, числом около двух тысяч. Но среди них я заметил примерно дюжину молодых

женщин. Украшенные драгоценностями, они устроились в золоченых седлах под балдахином на спинах арсинойтеров, покрытых попонами.

Эти черноглазые смуглолицые женщины своими пышными фигурами и томными взглядами напомнили мне об Иоленте. Я указал на них Дарье и спросил, знает ли она об их вооружении. Сам-то я никакого оружия у них не заметил.

— Хотел бы заполучить одну из них, да? Или сразу парочку? Держу пари, они приглянулись тебе даже с такого расстояния, — засмеялась она.

Мезроп подмигнул мне и сказал:

— Я сам бы не отказался от двух красоток.

— Они будут драться, как альрауны, если кто-либо из вас рискнет подступиться к ним, — рассмеялась Дарья. — Эти Дочери Войны священны и неприкасаемы. Вы когда-нибудь видели вблизи животных, которые возят на себе этих женщин?

Я покачал головой.

— В атаке они невозмутимы, и ничто не может их остановить. Но ходят они всегда одинаково — прямиком на беспокоящий их объект, а потом еще чейна два не сворачивая. Затем останавливаются и возвращаются назад.

Тем временем я следил за происходящим. У арсинойтеров два больших рога — не столь широко

расставленных, как у буйволов, но расходящихся под углом не шире, чем получается, если растопырить указательный и средний пальцы. Вскоре я убедился, что арсинойтеры наступают в точности так, как описывала Дарья, опустив рога вровень с землей. Черкаджи вновь сплотились и пошли в атаку, держа наперевес свои тонкие пики и размахивая раздвоенными мечами. Следом, намного отстав от этой стремительной волны, неуклюже затопали арсинойтеры с опущенными вниз черно-серыми головами и задранными хвостами. Полногрудые и смуглолицые девы поднялись на ноги под балдахинами, крепко сжимая в руках позолоченные шесты. Уже по тому, как они держались, можно было заключить, что их бедра полны, точно вымя дойных коров, и округлы, будто стволы деревьев.

Арсинойтеры провезли женщин сквозь водоворот сражения и доставили далеко (но не слишком) в глубь «шахматной доски». Асцианские пехотинцы стреляли в животных со всех сторон, карабкались по их серым бокам, стремились взобраться на низко опущенные головы, но те поднимали их на рога и швыряли в воздух. На помощь девам бросились черкаджи, шахматный порядок асциан смешался и, схлынув, освободил

одну клетку.

Наблюдая за ходом боя, я понял, что мысленно сравниваю сражение с шахматной партией, и почувствовал, как кто-то еще, неведомо где, лелеет схожие мысли и бессознательно позволяет им кроить его собственный план.

— Как они хороши! — продолжала поддразнивать меня Дарья. — Их отбирают в двенадцатилетнем возрасте и откармливают медом и чистыми растительными маслами. Я слышала, их тела настолько изнежены, что они не могут спать на земле — остаются синяки. Поэтому за ними всюду возят мешки, набитые перьями. Если же перин нет, девушек укладывают спать в жидкую грязь, которая принимает форму их тел. Евнухи, ухаживающие за ними, добавляют в грязь нагретое на огне вино, чтобы Дочери Войны не замерзли.

— Надо спешиться, — сказал Мезроп. — Это сбережет силы животных.

Но я хотел наблюдать за сражением и поэтому не слез с коня, хотя вскоре из всего базеля только мы с Гуазахтом остались в седле.

Черкаджей вновь отбросили назад, и теперь они оказались под испепеляющим огнем невидимой артиллерии. Пелтасты падали на землю,

прикрываясь сверху щитами. Из леса, с северной стороны долины, появились новые каре асцианской пехоты. Казалось, им не будет конца; у меня возникло чувство, что силы нашего противника неисчерпаемы.

Это ощущение усилилось, когда черкаджи пошли в атаку в третий раз. Одна из молний поразила арсинойтера, превратив животное и его прекрасную наездницу в сплошное кровавое месиво. Теперь пехотинцы начали целиться в этих женщин. Вот съежилась еще одна, а седло и балдахин вспыхнули и исчезли в облаке дыма. Каре пехоты двигались вперед по телам в ярких одеждах и трупам боевых лошадей.

По законам войны, победитель с каждым новым шагом что-либо теряет. Вот и теперь, захватив участок долины, противник обнажил фланг своего передового каре, и, к моему удивлению, нам приказали вернуться в седла, выстроиться в линию и развернуться для атаки. Сначала мы двигались рысью, потом легким галопом и наконец под рев медных труб ринулись вперед очертя голову.

Если черкаджи были вооружены легко, то мы — еще легче. И все же в нашем броске было что-то от магии, более могущественной, чем в песнопе-

ниях дружественных нам дикарей. Под нашим бешеным огнем отдаленные ряды противника валились, будто пшеничные колосья под косой. Я хлестал поводьями пегого, чтобы оторваться от настигавшего меня топота копыт. Тщетно. Мельком я увидел промчавшуюся мимо Дарью — огненно-рыжие волосы, развевающиеся по ветру, в одной руке контус, в другой — сабля, щеки белее, чем взмыленные бока ее лошади. Теперь я понял, откуда пошел обычай черкаджей, и, хотя при этой мысли Текла расхохоталась моими губами, погнал коня еще быстрее, лишь бы не дать Дарье умереть.

Боевые кони бегут иначе, чем обычные лошади, они летят над землей, как стрелы, выпущенные из лука. Через мгновение огонь асцианской пехоты в полулиге впереди встал прямо перед нами плотной стеной. Еще миг, и мы оказались в самой гуще асциан, а наши кони по колено утопали в их крови. Каре, поначалу представлявшееся несокрушимым каменным монолитом, превратилось в обезумевшую толпу коротко стриженных воинов с большими щитами. В пылу боя эти люди убивали всех без разбору и часто своих же товарищей.

Сражение — в лучшем случае большая глу-

пость, но кое-что все же следует о нем знать. Прежде всего — численное соотношение сказывается лишь со временем. Непосредственный бой — это, как правило, схватка человека с одним или двумя противниками. В данном случае мы получили превосходство над врагом благодаря нашим боевым коням не только из-за их большого роста и веса, но и потому, что они отчаянно кусались и колотили передними ногами; и лишь вооруженный булавой Балдандерс, как ни один другой мужчина, мог бы посоперничать с мощью этих ударов.

Огонь разрезал надвое мой контус. Я выронил его, но продолжал драться мечом, рубил направо и налево и даже не заметил, что ранен выстрелом в ногу.

Думаю, я убил не меньше полудюжины асциан, прежде чем заметил, как они похожи друг на друга. Не то чтобы они все были на одно лицо (как в некоторых соединениях нашей армии, где воинов связывали узы, более тесные, чем братские), но всякое различие между ними казалось случайным и незначительным. Подобное сходство я уже отмечал в наших пленниках, когда мы отбивали стальную карету, но тогда оно не запечатлелось в моем сознании. Только теперь,

в безумстве битвы, оно производило настоящее впечатление, поскольку казалось органичной частью этого безумства. Среди беснующихся фигур я видел и мужчин, и женщин. Женщины имели маленькие, но отвислые груди, ростом они были на голову ниже мужчин. Никаких других отличий я не заметил. Все как один с большими, дико блестящими глазами, стриженные чуть ли не наголо, с исхудалыми от голода лицами, разинутыми в яростном вопле ртами, торчащими наружу зубами.

Мы сражались с тем же успехом, что и черкаджи; каре было изрядно потрепано, но не уничтожено. Стоило нам дать своим коням секундную передышку, и асциане перестроились, выставив вперед легкие полированные щиты. Вдруг один копьеносец нарушил строй и ринулся в нашу сторону, размахивая на бегу своим оружием. Сначала я подумал, что это простая бравада; затем, когда он приблизился (нормальный человек бежит гораздо медленней, чем боевой конь), я решил, что он собирается сдаться в плен. И наконец, подбежав почти вплотную к нашим рядам, он открыл огонь, но сам был подстрелен одним из всадников. В предсмертных конвульсиях асцианин метнул в воздух сверкающее копье;

я отчетливо помню, как оно мелькнуло на фоне темно-синего неба.

Ко мне подъехал Гуазахт.

— У тебя сильное кровотечение. Не свалишься с седла, когда мы снова пойдем в атаку?

Я чувствовал себя полным сил и сообщил ему об этом.

— И все-таки тебе надо перевязать рану на ноге.

Из глубокого пореза на опаленной плоти сочилась кровь. Дарья, у которой не было ни царапины, сделала мне перевязку.

Но ожидаемой атаки так и не произошло. Как снег на голову (по крайней мере, для меня) поступил приказ развернуться, и мы двинулись на северо-восток по открытой местности, поросшей жесткой шелестящей травой.

Дикари, казалось, исчезли. Вместо них на том фланге, к которому мы теперь повернулись лицом, возникли новые войска. Сперва я решил, что это всадники на кентаврах — существах, изображение которых я встречал в коричневой книге. Я видел головы и плечи всадников, возвышающиеся над человеческими головами скакунов. Причем и те и другие, похоже, были вооружены. При ближайшем рассмотрении картина оказа-

лась вовсе не столь романтичная: просто очень маленькие люди, настоящие карлики, восседали на плечах своих долговязых собратьев.

Траектории движения наших отрядов были почти параллельны и все же медленно сходились. Карлики угрюмо поглядывали в нашу сторону. Высокие же вообще не обращали на нас внимания. Наконец, когда нашу колонну отделяло от них не больше двух чейнов, мы остановились и повернулись к ним лицом. С ужасом, не изведанным мною прежде, я понял, что эти странные всадники и их причудливые скакуны — асциане. Своим маневром мы должны были воспрепятствовать им ударить пелтастам во фланг. Теперь, если б они решили атаковать, им пришлось бы сперва прорвать наши боевые порядки. Однако их было около пяти тысяч, гораздо больше, чем мы могли бы сдержать.

Атаки, впрочем, не последовало. Мы остановились и сформировали плотную линию, стремя в стремя. Несмотря на явное численное превосходство, асциане нервно перемещались взад-вперед перед нашим строем, будто обдумывали, не лучше ли обойти нас справа или же слева. Тем не менее было очевидно, что, даже отправившись в обход, им все-таки не избежать соприкосновения

с нами (хотя бы отдельным отрядом), поскольку в противном случае оголялись их тылы. Мы же, словно надеясь оттянуть сражение, не спешили открывать огонь.

Тут мы увидели повторение действий того одинокого копьеносца, который раньше оставил каре и бросился к нам. Один из долговязых ринулся в нашу сторону. В одной руке он держал тонкую палку, скорее даже прут, а в другой — меч, из тех, что зовутся шотелями, — с очень длинным обоюдоострым клинком, конец которого изогнут полумесяцем. Приблизившись, он замедлил бег, и я обратил внимание на его несфокусированный взгляд — он был слеп! Карлик, сидевший на его плечах, держал в руках короткий изогнутый лук со стрелой на тугой тетиве.

Когда эта пара оказалась в получейне от нас, Эрблон откомандировал двух человек отогнать их. Но не успели те подъехать поближе, как слепой стремглав бросился к нашему строю, не уступая в скорости боевому коню, но до жути бесшумно. Десяток солдат выстрелил, но тут я убедился, как нелегко поразить столь быстро передвигающуюся цель. Вылетела стрела, вспыхнувшая оранжевым пламенем. Один из наших попытался парировать удар слепого, нанесенный прутом,

но следом обрушился шотель, и его изогнутое лезвие раскроило бедняге череп.

Затем уже группа из трех слепцов с тремя всадниками отделилась от вражеской массы. Прежде чем они приблизились, появилось еще пять или шесть таких групп. В дальнем конце шеренги наш гиппарх поднял руку; Гуазахт дал нам знак начинать движение вперед, Эрблон протрубил к атаке, и этот ревущий сигнал эхом разнесся во все стороны, будто разом зазвонили несколько зычных колоколов.

Лишь теперь я убедился в том, что в принципе и так не требовало доказательств: столкновение отрядов, состоящих исключительно из кавалерии, быстро оборачивается банальной свалкой. Так получилось и на этот раз. Мы налетели на них и, хотя потеряли при этом двадцать или тридцать человек, сумели-таки прорваться сквозь их ряды. Потом сразу же развернулись и снова вступили в бой, чтобы помешать их фланговой атаке на пелтастов, да и самим не слишком отрываться от основных сил нашей армии. Асциане, разумеется, тоже развернулись нам навстречу, и очень скоро боевой порядок обеих сторон был нарушен, а о единой тактике ведения боя и речи не шло, поскольку каждый воин сражался по своему

усмотрению.

Лично я избегал сшибаться лоб в лоб с готовыми к выстрелу карликами и старался нападать на тех, кто поворачивался ко мне спиной или боком. Эта тактика вполне оправдывала себя там, где удавалось ее применить, но вскоре я обнаружил, что, хотя карлики казались почти беспомощными, если под ними убивали слепых, сами долговязые скакуны, лишившись всадника, приходили в неистовство, с бешеной энергией бросались на любого, кто оказывался на их пути, и, следовательно, становились еще более опасны.

Очень скоро стрелы карликов и наши конти породили в траве множество очагов огня. Удушливый дым внес свою лепту в общую неразбериху. Чуть раньше я потерял из виду не только Дарью и Гуазахта, но и вообще всех, с кем был знаком. Сквозь едкую серую пелену я разглядел лишь фигуру человека на вздыбленном коне, отбивавшегося от четырех наседавших на него асциан. Я бросился к нему на помощь, и, хоть один карлик повернул своего слепого скакуна и успел выпустить стрелу, просвистевшую у самого моего уха, я наскочил на них и услышал, как треснули кости слепца под копытами пегого. Из тлеющей травы

позади другой пары асциан поднялась волосатая фигура и срубила их наповал, как батрак рубит дерево — три-четыре удара топором в одну и ту же точку, и слепец рухнул на землю.

Всадник, к которому я поспешил на выручку, не принадлежал к нашему отряду, но был одним из тех дикарей, что занимали прежде позицию справа от нас. Он был ранен, и, увидев кровь, я вспомнил о своем ранении. Моя нога не сгибалась, силы были почти на исходе. Я бы повернул на юг и отправился в расположение наших войск, если б только знал, в какую сторону двигаться. Тогда я отпустил поводья и подстегнул пегого, поскольку слышал, что лошади имеют обыкновение сами возвращаться к тому месту, где в последний раз отдыхали и пили воду. Мой конь пустился легким галопом, постепенно прибавляя ходу. Один раз он прыгнул так резко, что я чуть не вывалился из седла. Бросив взгляд на землю, я мельком заметил труп животного, а рядом — мертвого Эрблона. На горящем дерне валялись медная труба и черно-зеленое знамя. Я бы повернул назад, чтобы подобрать их, но, когда мне удалось придержать пегого, я уже не мог найти то место. Справа сквозь дым показался развернувшийся строй всадников, их очертания были

неясны и почти бесформенны. Далеко за ними маячила огнеметная машина, напоминавшая шагающую боевую башню.

На мгновение все вдруг исчезло из поля зрения, а в следующий миг они хлынули на меня, будто стремительный поток. Не могу сказать, кто были эти всадники и на каких животных они восседали; нет, дело не в моей памяти (ведь я ничего не забываю) — просто я видел их очень смутно. О сопротивлении не могло быть и речи, лишь бы остаться в живых. Я отразил удар какого-то изогнутого оружия — не меча и не топора; мой конь встал на дыбы, и я заметил, что у него из груди, точно огненный рог, торчит вражеская стрела. Один из всадников налетел на нас, и мы провалились во тьму.

23. МОРСКОЙ СТРАННИК ЗАВИДЕЛ ЗЕМЛЮ

Когда ко мне вернулось сознание, я прежде всего ощутил острую боль в ноге. Ногу зажала упавшая туша пегого, и я начал попытки освободиться еще прежде, чем сообразил, кто я такой и как здесь оказался. Мои руки, лицо, да и сама земля подо мной — все было покрыто коркой запекшейся крови. И тишина, полнейшая тишина. Я старался расслышать глухой топот копыт, тот барабанный бой, при котором сам Урс становится гулким барабаном. Тщетно. Не было больше ни криков черкаджей, ни пронзительных безумных воплей, доносившихся из шахматных порядков асцианской пехоты. Я попробовал повернуться, чтобы вытащить ногу из-под седла, но безуспешно.

Где-то далеко, несомненно, на одном из горных кряжей, окаймлявших долину, завыл на луну бродячий волк. Этот нечеловеческий стон, который Текла слышала раз или два, когда двор отправился на охоту возле Сильвы, помог мне понять, что окружавшее меня марево объясня-

ется не дымом от занявшейся ранее травы и не дефектом зрения, вызванным ранением в голову (чего я отчасти опасался). Стояли сумерки, но была ли то предрассветная стража или солнце недавно зашло, определить я не мог.

Немного отдохнув и, возможно, подремав, я снова приподнялся, так как услышал шаги. Стало еще темнее. Кто-то неспешно приближался ко мне тяжеловесной, но плавной походкой. Нет, не кавалерия на марше и не размеренная поступь пехоты — тяжелее, чем у Балдандерса, и еще медленнее. Я открыл рот, намереваясь позвать на помощь, но тут же стиснул губы. Ведь я мог накликать на свою голову нечто еще более страшное, чем то, что я однажды разбудил в шахте обезьянолюдей.

В детстве мне часто говорили, что я лишен воображения. Если так, то в наш союз его, должно быть, привнесла Текла, ибо я без труда представил себе спускающуюся в долину стаю волков — черные молчаливые призраки, не меньше онигера каждый; я почти слышал, как они глодают ребра покойников. И тут я закричал, а потом — снова, прежде чем осознал, что делаю.

Мне почудилось, что существо, чьи тяжелые шаги я слышал, остановилось. Да, если раньше

и оставались какие-то сомнения, то теперь оно точно двигалось прямо на меня. В траве что-то зашевелилось, и откуда ни возьмись выскочил маленький, полосатый как дыня фенокод, напуганный все еще незримой для меня опасностью зверек, бросился в сторону и через мгновение исчез. Я уже упоминал, что труба Эрблона смолкла. Теперь же послышался другой трубный зов, более низкий, протяжный, исполненный неистовства. На фоне сумеречного неба возникли очертания изогнутого орфиклейда. Когда музыка смолкла, орфиклейд опустился; а еще через миг прямо над собой, в три раза выше, чем находился бы шлем всадника, я увидел голову того музыканта, затмившую полированный диск луны, — куполообразную лохматую голову.

Орфиклейд вновь издал низкий, как шум водопада, звук. На этот раз он взмыл вверх под охраной двух белых бивней, торчащих с обеих сторон, и тогда я понял, что лежу на пути самого символа доминиона, зверя по имени мамонт.

Гуазахт говорил, что я имею некую власть над животными даже без Когтя. Пытаясь воспользоваться ею, я принялся нашептывать невесть какие слова и так сконцентрировался на одной мысли, что казалось, мои виски вот-вот лопнут.

Пошарив хоботом почти в кубит диаметром, мамонт легко, точно детской ладонью, коснулся им моего лица. Меня обдало горячим, влажным дыханием со сладким привкусом сена. Труп пегого был немедленно убран прочь; я попытался встать, но почему-то упал. Мамонт подхватил меня, обвив хоботом за талию, и поднял выше собственной головы.

Первое, что я увидел, было дуло трилхоэна с темной выпуклой линзой размером с суповую тарелку. Там имелось и место для оператора, которое теперь пустовало. Стрелок спустился вниз и стоял на шее мамонта, как моряк на палубе корабля, положив одну руку на ствол орудия. На мгновение меня ослепил свет, ударивший прямо в лицо.

— Так это ты?! Чудеса, да и только! — Голос в равной степени не подходил ни мужчине, ни женщине. Скорее он мог бы принадлежать мальчику. Я лежал у ног говорившего. — Ты ранен. Можешь стоять на больной ноге?

Я был вынужден признаться в своем бессилии.

— Ты разлегся в неподходящем месте. Того и гляди упадешь. Там подальше есть гондола, но, боюсь, Мамиллиан не дотянется хоботом туда. Тебе придется усесться здесь, прислонившись

спиной к вертлюгу.

Я ощутил у себя под мышками его ладони, маленькие, мягкие и влажные. Вероятно, именно это прикосновение помогло мне узнать его. То был гермафродит, которого я встречал в заснеженном Лазурном Доме, а позднее — в искусно уменьшенной комнате, замаскированной под картину в коридоре Обители Абсолюта.**Автарх!**Благодаря воспоминаниям Теклы я увидел его облаченным в драгоценные одежды. По его словам, он узнал меня, но я был так удивлен, что не мог поверить в это, поэтому произнес условную фразу, услышанную однажды из его собственных уст: «Морской странник завидел землю».

— Завидел. Воистину завидел. Но если ты сейчас вывалишься за борт, боюсь, Мамиллиан не успеет подхватить тебя… хотя он и очень мудрый. Помоги ему, как сможешь. Я ведь не так силен, каким кажусь.

Я ухватился за выступ на установке трилхоэна и подтянулся на затхлой циновке — шкуре мамонта.

— Честно говоря, — ответил я, — ты никогда не казался мне сильным.

— Ничего удивительного — ведь у тебя глаз профессионала, но я даже слабее, чем тебе кажется.

Зато ты всегда представлялся мне конструкцией из рога и дубленой кожи. Наверное, так оно и есть, иначе тебя сейчас уже не было бы в живых. Что случилось с твоей ногой?

— Сильный ожог, полагаю. — Что-нибудь придумаем. — Он слегка возвысил голос: — **Домой**! Возвращайся домой, Мамиллиан! — Могу ли я спросить, что ты тут делаешь?

— Осматриваю поле битвы. Судя по всему, ты сам здесь сегодня дрался.

Я кивнул, хотя при этом и почувствовал, что моя голова вот-вот скатится с плеч.

— А я нет… или, вернее, сражался, но опосредованно. Послал в бой несколько легких вспомогательных соединений при поддержке легиона пелтастов. Кажется, ты был среди первых. Кто-нибудь из твоих друзей погиб?

— У меня был всего один друг. Когда я видел ее в последний раз, она была невредима.

Его зубы сверкнули при лунном свете.

— Значит, ты сохранил интерес к женщинам. Речь идет о Доркас?

— Нет… впрочем, неважно. — Я не знал, какими словами выразить то, что намеревался сказать. (Ведь в высшей степени неприлично в глаза заявлять инкогнито, что его тайна раскрыта.) На-

конец я решился: — Вижу, ты занимаешь высокое положение в нашем Содружестве. Если из-за этого вопроса меня не скинут со спины животного, не соблаговолишь ли ответить мне, что человек, управляющий легионами, делает во главе того заведения в квартале Мучительных Страстей?

Пока я говорил, ночная тьма быстро сгустилась, в небе одна за другой подмигивали звезды, точно огоньки тонких свечей в зале, когда бал окончен и ливрейный лакей проходит меж ними с щипцами для снятия нагара. Будто позолоченные митры, покачивались они на тонких как паутина нитях. Словно издалека послышался голос гермафродита:

— Ты знаешь, кто мы такие. Мы — истинный и самовластный правитель, Автарх. Мы же знаем больше. Мы знаем, кто ты такой.

Как я теперь понимаю, мастер Мальрубиус перед смертью тяжело болел. В то время я не догадывался об этом, ибо сама мысль о болезни была мне чужда. По меньшей мере половина наших учеников, а то и больше, умерли еще до возвышения в ранг подмастерьев; но мне никогда не приходило в голову, что наша башня может быть нездоровым местом низовья Гьолла, где мы часто купались, немногим чище, чем выгребная

яма. Ученики умирали постоянно, и когда мы, оставшиеся в живых, рыли для них могилы, то поднимали из земли маленькие тазовые кости и черепа; мы же, последующее поколение, раз за разом закапывали их обратно, до тех пор, пока эти известковые частицы, многократно потревоженные лопатой, не смешивались с дегтеобразной почвой. Лично у меня лишь изредка побаливало горло да насморк надоедал — то есть я знал только такие формы заболеваний, которые служат исключительно для того, чтобы здоровые люди пребывали в уверенности, что понимают, в чем состоит болезнь. А вот мастер Мальрубиус страдал от настоящей болезни, то есть видел притаившуюся в тени смерть.

Когда он стоял за своим маленьким столом, не проходило ощущение, что он чувствует, будто кто-то дышит ему в затылок. Он глядел прямо перед собой, никогда не поворачивал головы, даже плечами не шевелил, и говорил так, словно в числе его слушателей был тот невидимый гость.

— Я сделал все, что мог, чтобы донести до вас, мальчики, зачатки учености. Это семена деревьев, которые должны вырасти и расцвести в ваших умах. Северьян, взгляни-ка на свою О. Она должна быть круглой и полной, как лицо

счастливого юноши, но одна ее щека ввалилась, как твоя собственная. Вы все, мальчики, видели, что спинной мозг, достигая наивысшей точки, раскидывает свои ветви и наконец распускается мириадами тропинок мозга головного. А здесь — одна щека круглая, а другая увядшая и сморщенная.

Трясущейся рукой он потянулся к грифелю, но тот выпал из его пальцев, подкатился к краю стола и со стуком упал на пол. Мастер Мальрубиус не стал нагибаться и подбирать его, вероятно, опасаясь, что при этом может мельком увидеть незримого посетителя.

— Большую часть своей жизни, мальчики, я провел, стараясь насадить те семена среди учеников нашей гильдии. Кое в чем я преуспел, но не во многом. Был один мальчик, но он…

Мастер Мальрубиус подошел к амбразуре и сплюнул, а поскольку я сидел совсем рядом, то заметил вьющуюся струйку крови и понял, что не вижу той темной фигуры (ведь смерть чернее сажи), которая сопровождает мастера повсюду, ибо она была не рядом, но внутри его.

Недавно я обнаружил, что смерть в своем новом обличье в образе войны может напугать меня, отчаявшись это сделать в прежних личинах;

теперь я убедился, что телесный недуг способен внушить мне тот же ужас и отчаяние, которые, должно быть, испытывал мой учитель. Сознание то покидало меня, то возвращалось вновь.

Сознание то возвращалось, то покидало меня, как странствующие весенние ветры, и я, которому прежде бывало так непросто уснуть среди осаждающих теней воспоминаний, боролся теперь с забытьем, как ребенок, силящийся запустить в небо норовистого воздушного змея. Временами я не помнил ни о чем, кроме боли в собственном теле. Боль в моей ноге, едва ощутимая в момент получения раны и практически не дававшая о себе знать после того, как Дарья перевязала меня, теперь пульсировала с особой силой, став фоном всех моих мыслей, будто громыхание, несущееся из Барабанной Башни в период солнцестояния. Я ворочался с боку на бок, ибо мне постоянно казалось, что я лежу на больной ноге.

До меня доносились какие-то звуки, но я не видел их источника, иногда же — наоборот, я наблюдал за беззвучными картинками. Потом я поднял голову со свалявшейся шкуры Мамиллиана и вновь опустил ее на подушку, сотканную из мельчайших пушистых перьев колибри.

Как-то раз я увидел факелы с алыми и лу-

чисто-золотыми языками пламени, несомые величавыми обезьянами. Надо мной склонился рогатый человек с мордой Тельца — созвездие, обретшее жизнь. Я заговорил с ним и, как выяснилось, признался в своем бессилии назвать точную дату своего рождения, но сказал, что если именно его милостивый дух лугов и неподдельная мощь руководили моей жизнью, я искренне благодарен ему за это. (Потом я вспомнил, что знаю дату — вплоть до своей смерти отец дарил мне по мячу в день моего рождения под созвездием Лебедя.) Он внимательно слушал, повернув рогатую голову и глядя на меня одним коричневым глазом.

24. ФЛАЙЕР

Солнечный свет в лицо.

Я попытался сесть, даже сумел опереться на один локоть. Надо мной мерцала цветная сфера — пурпур, циан, рубины, лазурь, и всю эту удивительную палитру точно мечом пронзал луч солнца, бьющий мне в глаза. Затем он погас, и только тогда мне удалось разглядеть то, что затмевалось его великолепием: я лежал в увенчанном куполом шатре из разноцветного шелка; дверной проем оставался открытым.

Ко мне шел хозяин мамонта. Как и в прошлые наши встречи, он был облачен в шафрановые одежды, а в руках держал эбеновый жезл, слишком легкий, чтобы служить оружием.

— Ты поправился, — объявил он.

— Я бы напрягся и ответил утвердительно, но подобное усилие доконает меня.

Казалось, он улыбнулся моей горькой шутке, хотя эта улыбка была не чем иным, как нервным подергиванием рта.

— Ты должен знать лучше, чем кто-либо иной, что страдания, которые мы испытываем в этой

жизни, делают возможными все удачные-преступления и приятные мерзости в предстоящей… Ты, я смотрю, не торопишься с выводами?

Я покачал головой и снова прильнул к подушке. От нее шел слабый запах мускуса.

— Это неплохо, потому что тебе потребуется некоторое время, чтобы сосредоточиться.

— Так говорят твои врачи?

— Я сам себе врач, и это я лечил тебя. Шок — вот в чем была твоя главная проблема. Звучит, как старушечье недомогание, о чем ты наверняка сейчас и подумал. Однако очень многие раненые умирают именно от шока. Если бы все погибшие подобным образом были сейчас живы, я бы с готовностью смирился со смертью тех, кто умер от удара мечом в сердце.

— Когда ты врачевал себя и меня, ты говорил правду? Теперь его улыбка стала шире.

— Я всегда говорю правду. В моем положении мне приходится слишком много говорить, чтобы содержать в порядке большой клубок лжи; разумеется, ты должен понимать, что правда… та мелкая, обыденная правда, о которой судачат фермерши, имеет мало общего с первичной универсальной Правдой, которую ни я, ни ты не в состоянии выразить словами… эта правда более

обманчива.

— Перед тем как я потерял сознание, мне показалось, ты назвал себя Автархом.

Он плюхнулся возле меня, как ребенок, и при соприкосновении его тела с ворсистым ковром раздался отчетливый шлепок.

— Да, назвал. Так оно и есть. Ты изумлен?

— Я был бы изумлен еще больше, — ответил я, — если б не помнил тебя так живо по нашей встрече в Лазурном Доме.

(Портик, покрытый снегом, толстым слоем снега, заглушающим наши шаги, возник в шелковом шатре словно призрак. Когда взгляд голубых глаз Автарха встретился с моим взглядом, я почувствовал, что рядом со мной в снегу стоит Рощ и оба мы одеты в незнакомые, не слишком хорошо сидящие костюмы. А внутри какая-то женщина, не Текла, но преобразившаяся в Теклу, как мне потом предстояло изобразить Месхию, первого человека. Кто знает, до какой степени актер проникается духом человека, которого он изображает на сцене? Играя Помощника, я не испытывал ничего особенного, ибо практически не отличался от того, кем я был — или только полагал, что был, — в своей жизни; но в образе Месхии мне в голову лезли мысли, которые никогда бы

не возникли в другой ситуации, мысли, чуждые как Северьяну, так и Текле, мысли о начале всего сущего и об утрате мира.)– Вспомни, я никогда не говорил тебе, что я **только Автарх**. — Когда я встретил тебя в Обители Абсолюта, ты выглядел как мелкий придворный чиновник. Правда, сам ты никогда не представлялся чиновником, и, в сущности, я и тогда знал, кто ты на самом деле. Но ведь именно ты дал деньги доктору Талосу, не правда ли?

— Могу признаться в этом, не краснея. Это совершенная правда. Я действительно занимаю несколько незначительных постов при моем дворе… Почему бы и нет? В моей власти назначать таких чиновников, могу и себя назначить. Видишь ли, непосредственный приказ Автарха — это иногда слишком тяжелое орудие. Ты же никогда бы не стал пробовать отрезать нос тем большим мечом палача, который ты прежде носил с собой. Когда требуется указ Автарха, а когда и письмо от третьего казначея — всему свое время. Я же и тот и другой, и ими дело не ограничивается.

— А в том доме в квартале Мучительных Страстей…

— Ко всему прочему, я преступник… как и ты.

Нет предела человеческой глупости. Говорят, даже космос ограничен собственной курватурой, но глупость продолжается и за пределами бесконечности. Я, который всегда считал себя если не по-настоящему умным, то хотя бы предусмотрительным и быстро усваивающим простые формы, я, не сомневавшийся в своей практичности и дальновидности, когда странствовал вместе с Ионой и Доркас, никогда прежде не связывал положение Автарха на самой вершине структуры законопорядка с его несомненной осведомленностью, что я проник в Обитель Абсолюта в качестве агента Водалуса. В этот миг я бы вскочил и бежал из шатра без оглядки, если б только мог, но мои ноги — они были как ватные!

— Все мы — преступники, все, кто обязан насаждать закон. По крайней мере, так должно быть. Думаешь, твои братья по гильдии обошлись бы с тобой так же сурово — мой агент сообщает, что многие из них желали тебе смерти, — если бы они сами были виновны в чем-то аналогичном? Ты представлял для них опасность, пока не подвергся страшному наказанию, ибо в противном случае однажды они сами испытали бы искушение. Судья или тюремщик, не имеющий на совести никаких преступлений, — это монстр,

то присваивающий прощение, принадлежащее исключительно Предвечному, то напускающий на себя смертельную строгость, которая не принадлежит никому и ничему.

Поэтому я стал преступником. Преступления, связанные с насилием, оскорбляли мое человеколюбие, а для воровства мне недоставало ловкости рук и быстроты мыслей. После недолгого периода проб и ошибок — полагаю, примерно в год твоего рождения — я нашел свое истинное призвание. Эта профессия отвечает определенным эмоциональным потребностям, которые я нынче не могу удовлетворить иным образом… к тому же я действительно знаком с человеческой натурой. Я знаю, когда следует предложить взятку и сколько именно дать и, что самое важное, когда не следует этого делать. Я знаю, как следует относиться к работающим на меня девушкам, чтобы они были вполне довольны своей карьерой, но не слишком удовлетворены своей судьбой… Конечно, они хайбиты, выросшие из телесных клеток экзультанток, чтобы обмен крови продлевал молодость последним. Я знаю, как заставить моих клиентов почувствовать, что встречи, которые я организую, есть уникальное переживание, а не что-то среднее между слезливой романтикой и рукоблу-

дием. Ты же ощутил уникальность пережитого, не правда ли?

— Мы тоже называем их так, — откликнулся я. — Клиентами. — Его интонация интересовала меня не меньше, чем слова. Он был счастлив, думаю, счастлив больше, чем во время наших предыдущих встреч, и речь его удивительно напоминала пение дрозда. Похоже, он и сам об этом догадывался, ибо задирал голову и вытягивал шею, а буквы «р» в словах «организую» и «романтика» разливались трелью на солнечном свете.

— В этом есть и своя польза. Я не теряю контакта с низами населения, поэтому знаю, насколько добросовестно собирают налоги, считают ли эти обложения справедливыми, какие общественные элементы возвышаются, а какие опускаются на дно.

Я чувствовал, что он обращается ко мне, но не понимал смысла его слов.

— Те женщины при дворе, — сказал я, — почему ты не взял себе в помощь настоящих? Одна из них выдавала себя за Теклу, когда настоящая Текла томилась в темнице под нашей башней.

Он посмотрел на меня так, будто я сморозил глупость. Впрочем, так оно и было.

— Потому что я не мог доверять им. Подобные

занятия должны оставаться в тайне… Подумай, какие возможности предоставляются для убийц. Ты же не думаешь, что, если все эти расфуфыренные персоны из древних родов так низко кланяются в моем присутствии, угодливо улыбаются, шепотом отпускают осторожные шутки и делают непристойные предложения, они хранят мне хоть каплю верности? Сам убедишься в обратном. При дворе я могу доверять очень немногим, и, уж конечно, не экзультантам.

— Ты сказал, что у меня будет возможность убедиться в обратном. Означает ли это, что ты не намерен меня казнить? — Я чувствовал биение пульса у меня на шее и видел алые брызги крови.

— Поскольку теперь ты знаешь мой секрет? Нет. У нас на тебя другие планы, как я уже сказал, когда мы беседовали в комнатке за картиной.

— Потому что я присягнул Водалусу.

Тут его веселье вырвалось наружу. Он запрокинул голову и рассмеялся, точно пухлый ребенок, довольней тем, что разгадал устройство какой-то мудреной игрушки. Когда смех наконец утих, превратившись в радостный клекот, он хлопнул в ладоши. Хоть руки его казались изнеженными, звук получился на удивление громким.

Вошли два существа с женскими телами и кошачьими головами. Их глаза, крупные, будто сливы, были широко расставлены; ступали они на носках, как иногда ходят танцовщицы, но гораздо грациознее. Нечто едва уловимое в их движениях подсказало мне, что то была их естественная походка. Я назвал их тела женскими, но это не совсем верно, ибо из одевающих меня коротких мягких пальчиков торчали кончики коготков. Я в замешательстве взял одну из них за руку и слегка сжал, как прежде, бывало, пожимал лапку дружелюбной кошечке. Коготки выступили наружу. Глаза мои наполнились слезами, ибо формой коготки напоминали тот самый Коготь, что некогда был заключен внутри драгоценного камня, который я, по невежеству, называл Когтем Миротворца. При виде моих слез Автарх сказал женщинам-кошкам, что они делают мне больно и должны уложить меня. Я же чувствовал себя, как младенец, сообразивший, что его навсегда разлучили с родной матерью.

— Но мы не делаем ему больно, Легион, — возразила одна из них голосом, который мне не доводилось слышать прежде.

— Уложите его, я сказал!

— Они даже не поцарапали мне кожу, сьер, —

пробормотал я.

При помощи этих женщин-кошек я смог передвигаться. Стояло раннее утро — пора, когда все тени разбегаются, завидев лик солнца. Разбудивший меня свет возвещал начало нового дня. Его свежесть наполняла мои легкие, а грубая трава, по которой мы ступали, пятнала росой изношенные сапоги; волосы теребил слабый, как меркнущие звезды, ветерок.

Шатер Автарха стоял на вершине холма. Вокруг раскинулся главный лагерь его армии — черно-серые палатки, иные напоминали засохшую листву; виднелись прикрытые дерном лазы, ведущие в подземные убежища, откуда теперь, точно серебристые муравьи, вереницей выбирались солдаты.

— Понимаешь ли, мы должны соблюдать осторожность, — пояснил Автарх. — Хотя мы не у самой линии фронта, окажись наш лагерь чуть менее замаскированным, наверняка бы последовала атака с воздуха.

— Я всегда удивлялся, почему твоя Обитель Абсолюта располагается ниже собственных садов, сьер.

— Необходимость в этом давно отпала, но было время, когда они опустошали страну вплоть до

Нессуса.

У подножия холма и по всей округе заголосили серебряные трубы.

— Прошла только одна ночь? — спросил я. — Или я проспал больше суток?

— Нет, всего лишь ночь. Я дал тебе кое-какие лекарства, чтобы унять боль и продезинфицировать рану. Я не стал бы будить тебя нынче утром, но, когда вошел, увидел, что ты проснулся… да и времени больше нет.

Я не совсем понял смысл его слов. Не успел я переспросить его, как заметил шестерых полуголых мужчин, тянувших канат. Сначала мне показалось, что они опускают вниз какой-то огромный воздушный шар, но то был флайер, и его черный корпус немедленно напомнил мне о дворе Автарха.

— А я ожидал увидеть… как там его зовут? Вспомнил… Мамиллиана.

— Нет, сегодня — никаких любимцев. Мамиллиан — прекрасный друг, молчаливый и умный, в бою он соображает не хуже меня, а когда все кончено, я катаюсь на нем ради удовольствия. Но сегодня мы стащим тетиву с асцианского лука и используем один механизм. Ведь и они многое у нас воруют.

— Верно ли, что при приземлении расходуется энергия? Кажется, кто-то из твоих аэронавтов однажды говорил мне об этом.

— То есть когда ты был шатленой Теклой. Исключительно Теклой.

— Да, разумеется. Не будет ли бестактно с моей стороны спросить тебя, Автарх, почему ты велел меня убить? И как ты узнал меня теперь?

— Я узнал тебя потому, что вижу твое лицо в лице моего юного друга и слышу твой голос в его голосе. Твои сиделки тоже узнали тебя. Взгляни на них.

Я последовал его совету и увидел на лицах женщин-кошек гримасы страха и удивления.

— А что касается причин твоей смерти, мы поговорим об этом — с ним — на борту флайера… если будет время. Теперь возвращайся на место. Тебе нетрудно проявить себя, потому что он слаб и болен, но сейчас мне нужен он, а не ты. И если ты не уберешься, я найду на тебя управу.

— Сьер…

— Да, Северьян? Ты боишься? Тебе приходилось ступать на борт таких приспособлений?

— Нет, — ответил я, — но я не боюсь.

— Помнишь свой вопрос насчет их энергии? Это правда, в некотором смысле. Их подъем обес-

печивается антиматериальным эквивалентом железа, который удерживается в запорной трубе благодаря магнитным полям. Поскольку антижелезо имеет перевернутую магнитную структуру, его отталкивает сила промагнетизма. Конструкторы этого флайера окружили его магнитами, поэтому, дрейфуя в сторону от своего места в центре, он оказывается в более сильном поле и вытесняется назад. В мире антиматерии это железо весило бы столько же, сколько большой камень, но здесь, на Урсе, оно противодействует весу провещества, использованного в конструкции флайера. Следишь за моей мыслью?

— Кажется, да, сьер.

— Беда в том, что наша технология не позволяет герметично закрывать камеру. Часть атмосферы — несколько отдельных молекул — всегда просачивается через поры сварных швов или же проникает через изоляцию магнитных проводов. Каждая такая молекула нейтрализует свой эквивалент антижелеза, генерируя теплоту. Всякий раз, когда это происходит, флайер теряет бесконечно малую часть подъемной силы. Единственное решение проблемы, найденное на сегодняшний день, — это удерживать флайер на максимально возможной высоте, где практиче-

ски отсутствует давление воздуха.

Флайер осторожно опускался вниз. Теперь он был достаточно близко, чтобы я мог по достоинству оценить удивительную плавность его контуров. Очертаниями он в точности повторял вишневый лист.

— Я не совсем понял, — вмешался я, — но, полагаю, канаты должны быть невероятно длинными, чтобы флайер мог подняться на нужную высоту и принести хоть какую-нибудь пользу. К тому же есть опасность, что асцианские пентадактили, подобравшись ночью, перережут канаты, и тогда флайеры отнесет прочь.

Женщины-кошки оживились. Еле заметная улыбка тронула их губы.

— Канат нужен только для приземления. Без него нашему флайеру потребовалось бы немалое расстояние для разгона, чтобы благополучно спуститься. Однако, зная, что мы внизу, флайер выбрасывает трос, как утопающий протягивает руку человеку, который вытащит его из воды. Понимаешь ли, он обладает собственным разумом. Не таким, как у Мамиллиана, но созданным по нашему усмотрению, то есть вполне достаточным, чтобы избегать всяческих неприятностей и спускаться к земле, когда от нас поступает соот-

ветствующий сигнал.

Нижняя часть флайера была сделана из светонепроницаемого черного металла, а верхняя представляла собой купол, совершенно прозрачный и почти неразличимый для человеческого глаза — вероятно, из того же материала, что и крыша Ботанических Садов. На корме торчал ствол орудия, того же типа, что носил на себе мамонт, на носу — еще одна пушка, в два раза больше кормовой.

Автарх поднес руку ко рту и будто шепнул что-то в ладонь. В куполе флайера появилось отверстие (словно дырка в мыльном пузыре), и к нам спустилась серебристая лесенка, на вид такая тонкая и иллюзорная, будто паутинка.

— Как думаешь, сумеешь подняться? — спросил Автарх.

— Если только руки не откажут.

Он пошел первым, а я позорно потащился следом, волоча раненую ногу. Сиденья внутри флайера представляли собой длинные скамьи, тянувшиеся вдоль корпуса и обитые мехом; но даже этот мех показался мне холоднее, чем лед. Отверстие в куполе за моей спиной уменьшилось, потом исчезло вовсе.

— Здесь внутри сохранится такое же давление,

как на поверхности Урса, независимо от того, на какую высоту мы поднимемся. Так что не бойся, не задохнешься.

— К сожалению, я слишком невежествен, чтобы испытывать страх, сьер.

— Хочешь взглянуть на свой бывший базель? Они там, намного правее, но я постараюсь найти их для тебя.

Автарх уселся перед рычагами управления. До тех пор я встречал машины лишь у Тифона, Балдандерса да еще у мастера Гурло в Башне Сообразности. Именно машин, а не удушья, я боялся, но мне удалось подавить свой страх.

— Когда ты спас меня вчера вечером, ты дал понять, что не знал, сражаюсь ли я в твоей армии.

— Я навел справки, пока ты спал. — Это ты приказал нам наступать?

— В каком-то смысле… Я отдал приказ, что повлекло за собой ваше передвижение, но непосредственно с твоим базелем я не имел ничего общего. Ты возмущен моим приказом? Присоединяясь к нам, разве ты не знал, что рано или поздно тебе придется сражаться?

Мы поднимались ввысь или (чего я уже однажды опасался) падали прямо в небо. Но я вспомнил дым, металлический рев трубы, во-

инов, обращенных свистящими молниями в кровавое тесто, и ужас сменился гневом.

— Я ничего не знал о войне. А много ли ты знаешь о ней? Ты когда-нибудь участвовал в настоящем бою?

Он бросил на меня взгляд через плечо, и его голубые глаза вспыхнули.

— Я принимал участие в тысяче сражений. Ты — это двое в обычном исчислении. А сколькими людьми, по-твоему, исчисляюсь я?

Я ответил ему далеко не сразу.

25. МИЛОСЕРДИЕ АГИИ

Сначала я решил, что нет более страшного зрелища, чем вид нашей армии, растянувшейся на поверхности Урса. Вот она раскинулась перед нами, точно гирлянда, сверкая оружием и доспехами; крылатые анпиелы парили над ней почти на той же высоте, что и мы, кружась и взмывая в потоках утреннего ветра.

Потом перед моим взором предстала совсем уж необычная картина — армия асциан, водянисто-белая и серовато-черная масса, столь же неподвижная, сколь наша казалась текучей, но простиравшаяся до северного горизонта. Я шагнул вперед и вперил в нее изумленный взгляд.

— Могу показать их тебе поближе, — сказал Автарх. — Но ты увидишь только человеческие лица.

Я понял, что он испытывает меня, хоть и не знал — как.

— Что ж, покажи мне их.

Продвигаясь в конном строю шиавони и наблюдая за вводом в бой наших войск, я поражался, насколько беспомощными они выглядели в

общей своей массе. Кавалерия накатывала и отступала, точно морская волна, которая обрушивается с сокрушительной силой, а потом подается назад немощной водицей, такой слабой, что не в силах удержать мышиное тельце, горсть песка, зачерпнутую ребенком. Даже сомкнувшие ряды пелтасты с их кристальными щитами смотрелись немногим более грозно, чем игрушечные солдатики на столе. Теперь же я убедился, как мощно выглядят неподвижные порядки противника, прямоугольники с боевыми машинами величиной с крепость, и сотни тысяч солдат, стоящих плечом к плечу.

Но благодаря экрану в центре панели управления я заглянул под забрала их шлемов, и вся эта мощь, вся непреклонность обернулись ужасом. В рядах пехоты были старики и дети, а также люди, показавшиеся мне идиотами. Почти у всех были те изможденные, безумные лица, что я видел накануне, и я вспомнил человека, который выбежал из строя и в предсмертной агонии метнул копье в небо. Я отвернулся от экрана.

Автарх рассмеялся, но сейчас в его смехе не было радости — унылый звук хлопающего на сильном ветру флага.

— Тебе приходилось наблюдать за самоубий-

ством?

— Нет, — ответил я.

— Повезло. А я вот частенько вижу такое, когда слежу за ними. Оружие им выдают лишь прямо перед боем, и очень многие пользуются удобным случаем. Копьеносцы упирают приклады в мягкую землю, а потом стреляют себе в голову. Однажды я видел двух меченосцев — мужчину и женщину, которые заключили соглашение. Они пронзили друг другу животы и принялись считать, размахивая в такт левыми руками. Один… два… три… и упали замертво.

— Кто они такие?

Он бросил на меня странный взгляд.

— Я спросил, кто они, сьер. Знаю, что они — наши враги, живущие на севере в жарких странах и, по слухам, порабощенные Эребусом. Но все же, кто они такие?

— До этого момента я сомневался, что ты знаешь о своем неведении. Это так?

У меня почему-то пересохло в горле.

— Я никогда их раньше не видел до того, как попал в лазарет к Пелеринам. На юге война кажется такой далекой. Он кивнул.

— Мы, автархи, оттеснив их на север, освободили половину территории, которую они

захватили, некогда отогнав нас на юг. А кто они, ты узнаешь в свое время… Главное, что ты хочешь это знать. — Он помолчал. — И те и другие могут быть нашими — обе армии, не только южная… Ты бы посоветовал мне взять обе? — Говоря это, он манипулировал рычагами на панели управления; флайер устремился вперед, задрав корму к небу и опустив нос к зеленой земле, будто желая выбросить нас на спорную территорию.

— Не понимаю, о чем идет речь, — признался я.

— Половина из того, что ты говоришь, неверно. Они пришли не из жарких стран севера, а с континента на экваторе. Но ты был прав, когда назвал их рабами Эребуса. Они считают себя союзниками тех, кто ожидает в пучине. В действительности Эребус и его союзники отдали бы их мне, если бы я отдал им наш юг. Отдал и тебя, и всех остальных.

Мне пришлось схватиться за спинку сиденья, чтобы не упасть на Автарха.

— Зачем ты говоришь мне все это?

Поклевав носом, наш флайер выровнялся, как игрушечный кораблик в пруду.

— Как ты вскоре неминуемо поймешь, другие уже чувствовали то, что тебе еще только пред-

стоит.

Мне все не удавалось сформулировать вопрос, который я намеревался задать. Наконец я сказал:

— Ты обещал мне объяснить, зачем ты убил Теклу.

— Разве она не живет в Северьяне?

Стена без окон в моем сознании рухнула, обратившись в пыль. — **Я** умерл**а**! — закричал я, сам не понимая, что говорю, рока эти слова не слетели с моих губ.Автарх достал пистолет из-под приборной панели и, положив его на колени, обернулся ко мне.

— Тебе это не понадобится, сьер, — сказал я. — Я слишком слаб.

— В тебе есть поразительная способность к восстановлению… Я уже убедился в этом. Да, шатлены Теклы больше нет, если забыть, что она продолжает жить в тебе, и пусть вы неразлучны, вы все же оба одиноки. Тебя по-прежнему тянет к Доркас? Помнишь, ты рассказывал о ней, когда мы встретились во Второй Обители?

— Зачем ты убил Теклу?

— Я не убивал ее. Ошибочно думать, будто я — первопричина всех событий. Никто таковой не является… ни я, ни Эребус, ни кто-либо еще. Что же касается шатлены, ты — это она. Тебя

публично взяли под стражу?

Память так живо воспроизвела события, как я и представить себе не мог. Коридор, на стенах печальные серебряные маски, я вошла в одну из заброшенных комнат с высоким потолком, почувствовала запах плесени, исходящий от древней драпировки. Курьер, которого я должна была встретить, еще не явился. Я знала, что пыльные диваны испачкают мое платье, поэтому выбрала стул, искусное изделие из позолоченной слоновой кости. За моей спиной со стены упал гобелен; помню, я взглянула наверх и увидела, как ко мне спускается Судьба, увенчанная оковами, и Недовольство с жезлом и зеркалом — изображения, вытканные цветными нитями.

— Тебя арестовали офицеры, — говорил тем временем Автарх. — Они узнали, что ты передаешь информацию любовнику своей сводной сестры. Арестовали тайно, потому что твое семейство имеет большое влияние на севере страны, и препроводили в полузабытую тюрьму. К тому времени, когда я узнал, что произошло, ты уже была мертва. Должен ли я был наказать тех офицеров, которые действовали самостоятельно в мое отсутствие? Они патриоты, а ты была предательницей.

— Я, Северьян, — тоже предатель. — И я впервые рассказал Автарху во всех подробностях, как спас Водалуса, и о том пиршестве, в котором позднее принимал участие вместе с ним.

Когда я закончил, он кивнул своим мыслям.

— Преданность Водалусу, разумеется, исходит от шатлены. Часть ты усвоил, когда Текла была еще жива, но в основном — уже после ее смерти. Каким бы наивным ты ни был, уверен, ты не считаешь совпадением, что именно ее плоть подали тебе пожиратели трупов.

— Даже если бы он знал о моей связи с ней, — возразил я, — у него просто не хватило бы времени доставить ее тело из Нессуса.

Автарх улыбнулся.

— Разве ты забыл то, о чем сам только что поведал мне?

Когда ты спас его, он улетел на корабле, подобном нашему. Из того леса, едва ли в дюжине лиг от Городской Стены, он мог бы домчаться до центра Нессуса, откопать труп, оставшийся свежим в холодной почве ранней весны, и вернуться обратно меньше чем за стражу. В сущности, ему даже не требовалось слишком много знать и торопиться. Пока ты томился в заключении, арестованный твоими же собратьями, до него наверняка дошла

весть, что шатлена Текла, сохранившая ему верность до самой смерти, погибла. Угостив своих соратников ее плотью, он укрепил бы в них преданность его делу. Вполне достаточный повод, чтобы выкрасть ее тело; и, несомненно, он перенес ее останки куда-нибудь в подвал, схоронив в снегу, или спрятал в заброшенной шахте, каких множество в том районе. Ты появился, и, захотев привязать тебя к себе, он приказал подать ее к столу.

Что-то незримо пронеслось рядом, и вслед за этим флайер сильно тряхнуло, по экрану пробежали искры.

Не успел Автарх схватиться за рычаги управления, как нас отбросило назад. Раздался взрыв, такой мощный, что меня, казалось, парализовало. Грохочущие небеса разверзлись, выпустив желтый огненный цветок. Как-то я видел воробья, сбитого камнем, который был выпущен из рогатки Эаты. Он трепыхался в воздухе и падал, завалившись набок, — в точности как теперь падали мы.

Я осознавал лишь, что лежу в темноте среди едкого дыма на прохладной земле. На мгновение, а может, на целую стражу я забыл о своем спасении и не сомневался, что нахожусь на поле боя,

где мы с Дарьей, а также Гуазахт, Эрблон и другие сражались с асцианами.

Кто-то лежал рядом, я слышал его дыхание, поскрипывание и скрежет, выдававшие его движение, но сперва не обратил на это внимания; потом я решил, что эти звуки издают рыскающие в поисках добычи звери, и не на шутку испугался. Наконец я вспомнил последние события, понял, что рядом шевелится Автарх, который, должно быть, тоже выжил в катастрофе, и окликнул его.

— Так, значит, ты еще жив, — сказал он слабым голосом. — Я боялся, что ты умрешь… как это ни глупо с моей стороны. Я не мог привести тебя в чувство, да и пульс едва прощупывался.

— Я забыл! Помнишь, как мы летели над армиями? На время я совсем забыл об этом! Теперь я знаю, что значит забыть.

— И запомнишь это всегда. — В его голосе угадывалась скрытая насмешка.

— Надеюсь, но уже сейчас, пока мы говорим, память об этом постепенно стирается, рассеивается как туман, что, наверное, само по себе есть забвение. Каким оружием нас подбили?

— Я не знаю. Но послушай. Это самые важные слова в моей жизни, послушай. Ты служил Водалусу и его мечте о возрожденной империи. Ты

и теперь хотел бы, чтобы человечество вновь отправилось к звездам, не правда ли?

Я вспомнил, что говорил мне Водалус в том лесу, и ответил:

— Люди Урса, бороздящие межзвездные пространства, от галактики к галактике, господа дочерей солнца…

— Однажды так уже было… и они привезли с собой с Урса все древние войны, и на молодых солнцах вспыхивали новые. Даже они (я не мог видеть говорившего, но по его интонации понял, что он указывает на асциан) и то понимают, что это не должно повториться. Они хотят, чтобы человеческий род превратился в одну-единственную личность… одну и ту же, воспроизведенную бесконечное множество раз. Мы же хотим, чтобы каждый нес в себе весь человеческий род и все его чаяния. Ты обращал внимание на пузырек, который я ношу на груди?

— Да, неоднократно.

— В этом пузырьке — фармакон вроде альзабо, смешанный и поддерживаемый в виде суспензии. Я уже хладен ниже пояса. Скоро я умру. Но прежде… ты должен воспользоваться им.

— Я не вижу тебя и едва могу пошевелиться.

— Тем не менее ты найдешь способ. Ты ничего

не забываешь, поэтому должен вспомнить вечер, когда ты пришел в мой Лазурный Дом. В тот вечер кое-кто еще навестил меня. Когда-то я был слугой в Обители Абсолюта… Вот почему они ненавидят меня. Они и тебя будут ненавидеть за твое прошлое. Воспитывавший меня Пэон пятьдесят лет служил подавальщиком меда. Я знал, кто он на самом деле, ибо встречался с ним раньше. Он и поведал мне, что ты — тот самый… следующий. Не думал я, что это случится так скоро…

Голос Автарха смолк, и я пополз в его сторону, шаря рукой впотьмах. Наконец я коснулся его ладони.

— Воспользуйся ножом, — прошептал он. — Мы находимся в тылу у асциан, но я вызвал тебе на выручку Водалуса… я уже слышу стук копыт его боевых коней.

Мое ухо было всего в пяди от его губ, но я едва расслышал последнюю фразу.

— Тебе нужен покой, — сказал я. Зная, что Водалус ненавидит его и намеревается уничтожить, я решил, что Автарх бредит.

— Я — его шпион. Это тоже входит в мои обязанности. Он будто притягивает к себе предателей. Я узнаю, кто они такие, чем занимаются и что думают. Один из его людей. Теперь я сообщил

ему, что Автарх попался в ловушку собственного флайера, и дал наши координаты. А прежде он был… моим телохранителем…

Тут и я услышал звук приближающихся шагов. Я приподнялся в поисках возможности подать какой-нибудь сигнал; моя рука уперлась в меховую поверхность, и я понял, что флайер перевернулся, накрыв нас, как жаб, своим корпусом.

Раздался треск, потом заскрежетал рвущийся металл. Я разглядел Автарха, его редкие седые волосы, потемневшие от запекшейся крови.

А чуть выше я различил силуэты, зеленые тени, склонившиеся над нами. Их лиц я не видел, но твердо знал, что эти мерцающие глаза, узколобые головы принадлежат не сторонникам Водалуса. Я принялся лихорадочно искать пистолет Автарха, но меня схватили за руки и вытащили наружу. И тут я невольно вспомнил мертвую женщину, которую подняли из могилы в некрополе, ибо флайер упал на мягкую землю и наполовину зарылся в грунт. В том месте флайера, куда попала молния асциан, зияла рваная пробоина, из которой торчал клубок разодранных в клочья проводов. Металл оплавился и потерял первоначальную форму.

Но у меня не было времени рассматривать

повреждения. Мои враги ворочали меня с боку на бок, хватали за лицо, тщательно ощупывали плащ, словно никогда прежде не видели такой ткани. Эти эвзоны с огромными глазами и запавшими щеками во многом походили на пехотинцев, с которыми мы сражались. Однако, хотя среди них было несколько женщин, стариков и детей я не заметил. Вместо доспехов они носили серебристые шапки и рубахи, в руках держали джезейлы странной формы, с такими длинными стволами, что, когда приклад упирался в землю, дуло торчало над головой.

— Твое послание перехватили, сьер, — произнес я, увидев, что Автарха подняли из флайера.

— Тем не менее оно дошло до адресата. — Он был слишком слаб, чтобы указать рукой, но я проследил его взгляд и через мгновение различил на фоне луны несколько летящих объектов.

Создавалось впечатление, будто они скользят прямо по лунным лучам, так быстро и целеустремленно они двигались. Их головы напоминали женские черепа, круглые и белые, покрытые костяными митрами, а челюсти — вытянутые кривые клювы с рядами острых зубов. Эти существа имели крылья, такие большие, что туловище вовсе терялось в сравнении с ними (по

меньшей мере кубитов двадцать в размахе). Они колотили крыльями совершенно беззвучно, но далеко внизу я ощущал стремительные порывы ветра. (Однажды я вообразил, как подобные создания уничтожают леса Урса и ровняют с землей его города. Не мои ли мысли помогли появиться этим тварям?)

Похоже, прошло немало времени, прежде чем асцианские эвзоны увидели их. Наконец двое или трое пальнули разом, и одно из существ, оказавшись в точке пересечения выпущенных молний, разлетелось в клочья. Следующие выстрелы снова попали в цель. На мгновение свет померк, и что-то холодное на излете ударило мне в лицо, сбив меня с ног.

Когда ко мне снова вернулось зрение, с полдюжины ас-циан валялись бездыханными, остальные же стреляли в воздух по целям, практически не заметным для меня. Сверху падало что-то белесое. Я приготовился к взрыву и пригнул голову, но вместо этого корпус поврежденного флайера зазвенел, как цимбала. Тело, человеческое тело, разломанное, как кукольное, шмякнулось вниз, но крови я не заметил.

Один из эвзонов саданул прикладом мне в спину и подтолкнул вперед, еще двое вели под

руки Автарха точно так же, как недавно поддерживали меня женщины-кошки. Я заметил, что напрочь утратил чувство ориентации. Хотя луна еще светила, массы облаков закрыли почти все звезды. Тщетно искал я крест и три звезды, по непонятным причинам называемые «Восьмеркой», созвездие, навечно зависшее над южными льдами. Несколько эвзонов еще стреляли, когда меж нами ударила сверкающая стрела или копье, взорвавшись ослепительными белыми искрами.

— Этим дело и ограничится, — прошептал Автарх. Я еще ковылял и судорожно тер глаза, но все же нашел в себе силы спросить, что он имеет в виду.

— Разве ты не видишь? Они больше ни на что не способны. Наши друзья наверху… думаю, люди Водалуса… не знали, что те, кто взял нас в плен, так хорошо вооружены. Прицельных выстрелов больше не жди, и как только это облако закроет диск луны…

Мне стало зябко, будто теплый воздух вокруг нас был моментально унесен холодными ветрами гор. Всего несколько мгновений назад я был в отчаянии от того, что оказался среди этих изможденных солдат, но теперь хватался за малейший шанс остаться вместе с ними.

Слева от меня Автарх безвольно свисал на руках двух эвзонов, которые забросили за спины свои длинноствольные джезейлы. Голова его поникла, и я понял, что он либо без сознания, либо мертв. Женщины-кошки называли его Легионом, и для того чтобы связать этот титул с тем, что он сам сказал мне в разбитом флайере, большой проницательности не требовалось. Если во мне объединились Текла и Северьян, то в нем, несомненно, сплотилось множество личностей. С тех пор как однажды вечером я впервые увидел его, когда Рош привел меня в Лазурный Дом (чье странное название я только сейчас, похоже, начал понимать), я чувствовал многосложность его мысли, как мы чувствуем, даже при тусклом свете, многосложность мозаики, мириад бесконечно малых частиц, что в совокупности являют нам светящийся лик и широко раскрытые глаза Нового Солнца.

Он сказал, что мне предопределено стать его преемником, но долгим ли будет мое царствование? Меня снедало тщеславие, каким бы нелепым оно ни казалось для человека, захваченного в плен, тяжело раненного и ослабленного настолько, что предел его мечтаний — это одна стража отдыха на грубой траве. Он сказал, что я должен

вкусить его плоть и проглотить снадобье, пока он еще жив; и, любя его, я бы вырвал собственную плоть из рук врага, если б только имел силы, чтобы заявить свои права на роскошь, великолепие и власть. Я был и Северьяном, и Теклой, и, вероятно, оборванный ученик палачей, сам того не осознавая, тосковал по подобным вещам сильнее, чем молодая экзультантка, запертая при дворе. Потом я понял, что именно чувствовала несчастная Кириака в садах архона; и все же, если б она всецело прониклась тем чувством, что я испытывал теперь, у нее наверняка разорвалось бы сердце.

Через мгновение у меня пропали все желания. Какой-то своей частью я лелеял то прибежище, куда даже для Доркас была заказана дорога. Глубоко в извилинах моего мозга, где-то на молекулярном уровне, соединились мы с Теклой. Другим же (дюжине или, быть может, тысяче, если, впитывая личность Автарха, мне суждено впитать всех тех, кого он объединил в себе) ворваться туда, где мы возлежим, — все равно что толпе народа с базарной площади наводнить маленький будуар. Я обнял свою сердечную подругу и сам очутился в ее объятиях. Я очутилась в его объятиях и сама обняла своего сердечного друга.

Луна потускнела, как потайной фонарь, когда, повинуясь чьей-то воле, его створки медленно закрываются, оставляя лишь еле заметную световую точку, а потом и вовсе ничего. Асцианские эвзоны пальнули из своих джезейлов переплетением ветвей сирени и гелиотропа — лучами, устремившимися далеко в небо и проткнувшими облака, точно цветными булавками. Безрезультатно. Подул ветер, жаркий и стремительный, а потом тьма вспыхнула — иначе не скажешь. Автарх исчез, и что-то огромное устремилось в мою сторону. Я пал ниц.

Наверное, я ударился о землю — не помню. На краткий миг мне показалось, что я несусь по воздуху, вращаюсь, взмываю ввысь и мир подо мной — сплошная черная ночь. Чья-то костлявая рука, твердая, как камень, и в три раза больше человеческой, схватила меня поперек туловища.

Мы ныряли, крутились, кренились набок, скользили по наклонной плоскости, затем, поймав воздушный поток, стали подниматься все выше и выше, пока моя кожа не онемела от холода. Вывернув шею, чтобы взглянуть наверх, я увидел белые нечеловеческие челюсти существа, чьей ношей я оказался. То был ночной кошмар, посетивший меня несколько месяцев назад, ко-

гда я спал в одной постели с Балдандерсом, хотя во сне я мчался верхом на этом звере. Кто знает, отчего возникла эта разница между сном и явью? Я закричал невесть что, и крылатая тварь разинула свой кривой клюв, издав свистящее шипение.

И тут сверху до меня донесся женский голос:

— Теперь мы квиты — ведь ты все еще жив.

26. НАД ДЖУНГЛЯМИ

Мы приземлились при свете звезд — словно наступило пробуждение. Казалось, будто позади осталось не небо, а страна ночных кошмаров. Подобно опадающему листу, огромное существо опускалось, описывая в воздухе круги, через постепенно теплеющие слои атмосферы, пока я не ощутил терпкий аромат Сада Джунглей — запах зелени и гниющей древесины, к которому примешивалось благоухание крупных безымянных цветов.

Темная верхушка зиккурата не только возвышалась над деревьями, но и несла на себе груз, ибо они облепили крошащиеся стены башни, как грибы облепляют засохший ствол. Мы невесомо опустились на зиккурат, и тут же послышались взволнованные голоса, замелькали огни факелов. У меня все еще кружилась голова от разреженного ледяного воздуха, который я вдыхал несколько мгновений назад.

Когтистая лапа, так долго державшая меня, сменилась человеческими руками. Мы сошли вниз по уступам и винтовым лестницам из разбитых

камней, и вот наконец я очутился перед костром, а напротив увидел красивое неулыбчивое лицо Водалуса и личико в форме сердечка, принадлежащее его супруге Теа, нашей сводной сестре.

— Кто это? — спросил Водалус.

Я попытался поднять руки, но меня крепко держали.

— Сьер, — сказал я, — ты должен меня знать.

За моей спиной раздался голос, который я слышал во время полета:

— Этот человек — ценная добыча, убийца моего брата. Ради него я и мой слуга Гефор оказывали тебе услуги.

— Зачем же ты привела его ко мне? — спросил Водалус. — Он твой. Неужели ты думала, что если я встречался с ним прежде, то пожалею о нашем соглашении?

Может, я был сильнее, чем мне самому казалось. А может, я просто воспользовался тем, что охранник, стоявший справа от меня, потерял равновесие; как бы то ни было, мне удалось вывернуться и толкнуть его в костер, где взметнулись красные угли.

За мной стояла обнаженная до пояса Агия, рядом с ней — Гефор, который положил руки ей на груди и оскалил все свои гнилые зубы, но она

ударила меня ладонью по щеке. Меня пронзила острая боль, потом хлынула теплая кровь.

Вот я и познакомился с так называемым луцивеем. Агия воспользовалась именно им, потому что Водалус запретил всем, кроме собственных телохранителей, носить в его присутствии какое-нибудь оружие. Луцивей — это просто небольшой брусок с кольцами для большого пальца и мизинца плюс четыре-пять изогнутых лезвий, которые нетрудно спрятать в ладони; но немногие выживают после удара луцивеем.

Я оказался одним из тех немногих, поднявшись через два дня на ноги и обнаружив себя запертым в пустой комнатенке. Возможно, в жизни каждого человека должна быть комната, которую он знает лучше всякой другой; для заключенных — это тюремная камера. Теперь и я, долго служивший с внешней стороны, подавая подносы с едой обезображенным и спятившим от пыток узникам, вновь познал собственную камеру. Чем прежде был зиккурат — я так и не выяснил. Возможно, и впрямь тюрьмой или же мастерской какого-то забытого ремесла. Моя камера была раза в два больше той, в которой я был заточен под башней палачей, шагов десять в длину и шесть — в ширину. Древняя дверь из мерцающего сплава стояла

прислоненной к стене, поскольку тюремщики Водалуса нашли ее бесполезной, не сумев справиться с замком. Новая, грубо сколоченная из внешне напоминающих железо бревен, добытых в джунглях, закрывала дверной проем. Думаю, окон здесь никогда не предполагалось, но таковым служила круглая дыра в стене диаметром не больше моей руки. Сквозь это отверстие в грязной стене на большой высоте и проникал в камеру скудный свет.

Прошло еще три дня, прежде чем я окреп настолько, чтобы подпрыгнуть и, подтянувшись на одной руке, выглянуть из окна наружу. Когда же этот день настал, перед моим взором предстал холмистый зеленый ландшафт, усеянный порхающими бабочками, — словом, картина настолько неожиданная, что я усомнился в своем рассудке и от удивления свалился на пол камеры. Лишь со временем я понял, что видел верхушки деревьев, то есть доступную главным образом птицам область, где на высоте десяти чейнов могучие стволы раскидывают целые лиственные поля.

Какой-то старик с неглупым, но злым лицом перевязал мне щеку и сменил бинты на ноге. Позднее он привел мальчика лет тринадцати, чьей кровью накачивал меня до тех пор, пока его

губы не приобрели свинцовый оттенок. Я спросил старого лекаря, откуда он родом, и старик, очевидно, решив, что я уроженец здешних мест, ответил следующим образом:

— Из большого города на юге, в долине реки, что собирает воды в холодных землях. Эта река зовется Гьолл, она длиннее всех ваших, хотя течение ее не столь стремительное.

— Ты очень искусен, — сказал я. — Мне не доводилось слышать о таких умелых врачевателях. Я уже чувствую себя хорошо и хотел бы, чтобы ты остановился, пока этот мальчик не умер.

Старик ущипнул его за щеку.

— Он быстро восстановит силы, как раз вовремя, чтобы согреть мне на ночь постель. В его годы это нетрудно. Нет, не то, что ты думаешь. Я только сплю рядом с ним, потому что ночное дыхание юноши благотворно влияет на людей моего возраста. Видишь ли, юность — это тоже болезнь, и есть шанс подхватить ее в легкой форме. Как твоя рана?

Ничто — даже признание, которое, вероятно, коренилось бы в упрямом желании поддержать хотя бы видимость прежней силы, — не могло явить мне более веских доказательств, чем его отрицание. Я сказал ему правду — что правая щека

онемела, если не принимать в расчет слабого, но назойливого, как зуд, жжения, — тем временем гадая, какая из обязанностей причиняет несчастному пареньку больше беспокойства. Старик размотал мои бинты и наложил повязку, пропитанную вонючей коричневой мазью, которую он уже использовал прежде.

— Я вернусь завтра, — сказал он, — хотя не думаю, что тебе снова понадобится помощь Мамаса. Ты быстро поправляешься. Ее Экзультантство (кивком головы он дал понять, что его ироническое замечание относится к Агии) будет вне себя от радости.

Стараясь говорить небрежным тоном, я высказал предположение, что все его пациенты чувствуют себя хорошо.

— Ты говоришь о том доносчике, которого привели сюда вместе с тобой? Ему настолько хорошо, насколько можно было ожидать. — Он отвернулся, стараясь скрыть испуганное выражение на своем лице.

В надежде подчинить его своей воле и таким образом помочь Автарху я вознес неумеренную хвалу его способностям, под конец выразив недоумение, отчего столь одаренный целитель вынужден прозябать на службе у таких недостой-

ных людей.

Он пристально взглянул на меня, и его лицо стало серьезным.

— Ради знаний. Только здесь человек моей профессии может узнать столько, сколько узнал я.

— Ты имеешь в виду поедание трупов? Я тоже приобщился к этому, хотя, возможно, тебе и не сказали.

— Нет-нет. Ученые мужи — особенно моей профессии — практикуют это повсюду и обычно с большей отдачей, поскольку мы разборчивей в объектах изучения и ограничиваемся самыми качественными тканями. Знания, которые я стремлюсь таким путем приобрести, ибо никто из недавно умерших не обладал ими, если вообще кому-то посчастливилось…

Он прислонился к стене и, казалось, помимо меня, разговаривал с каким-то невидимым собеседником.

— Стерильная наука прошлого привела лишь к истощению планеты и уничтожению рас. Она была основана на примитивном желании эксплуатировать простую энергию и материальные субстанции вселенной, не заботясь об их симпатиях, антипатиях и конечном предназначении. Посмотри! — Он подставил руку под солнечный

луч, проникший сквозь круглое отверстие наверху. — Вот свет. Ты скажешь, это не живая сущность, но ведь дело в том, что свет — нечто большее, а не меньшее. Не занимая пространства, свет заполняет вселенную. Он питает собою все, хотя сам питается за счет разрушения. Мы кичимся своей властью над ним, но не верно ли предположение, что он сам культивирует нас как источник пропитания? Разве не может быть, что все деревья растут только для того, чтобы их потом поглотил огонь? Не рождаются ли люди исключительно для того, чтобы разводить костры? А вдруг наши притязания на управление светом столь же абсурдны, как если бы пшеница заявила, что управляет нами, поскольку мы возделываем для нее землю и готовим ее сношение с Урсом?

— Складно говоришь, — вставил я, — но не по делу. Почему ты служишь Водалусу?

— Эти знания даются только экспериментальным путем. — Он улыбнулся и положил руку на плечо мальчика. Я представил себе детей, объятых пламенем. Надеюсь, я ошибался.

Изложенный разговор состоялся за два дня до того, как я нашел в себе силы подтянуться и заглянуть в окно. Старый лекарь больше не навещал меня: то ли он попал в немилость, то

ли его отослали в другое место, а может быть, он просто решил, что в дальнейшем уходе за мной нет необходимости — не знаю.

Однажды заглянула Агия и, стоя между двумя вооруженными стражницами Водалуса, плюнула мне в лицо, описав те пытки, что она и Гефор уготовили мне к тому времени, когда я достаточно окрепну, чтобы выдержать их. Когда она закончила, я вполне откровенно сказал ей, что большую часть своей жизни ассистировал при операциях гораздо более страшных, и посоветовал заручиться поддержкой опытных специалистов. На этом она и удалилась.

С тех пор я несколько дней провел наедине с самим собой. Каждый раз при пробуждении я ощущал себя почти другим человеком, ибо в одиночестве обособленности моих мыслей в темные интервалы сна практически хватало, чтобы лишить меня чувства индивидуальности. Однако все эти Северьяны и Теклы одинаково стремились к свободе.

Уход в воспоминания давался без труда. Мы часто проделывали, воскрешая те идиллические дни, когда Доркас и я направлялись в Тракс, игры в лабиринте со стенами из кустарника, который был устроен позади виллы моего отца, или за-

бавы на Старом Подворье, долгий путь вниз по Адамнианской Лестнице вместе с Агией, еще до того как я распознал в ней своего врага.

Но часто я отбрасывал воспоминания и принуждал себя собраться с мыслями, иногда, прихрамывая, вышагивал взад-вперед, иногда просто ждал, когда в оконце залетит какое-нибудь насекомое и тогда, потехи ради, ловил его в кулак. Я планировал побег, но при сложившихся обстоятельствах считал его практически невозможным. Перебирая в уме отрывки из коричневой книги, я пытался приложить их к собственному жизненному опыту, дабы (насколько это возможно) вывести некую общую теорию человеческого поведения, которая пошла бы мне на пользу, окажись я на воле.

Ведь если мой лекарь, пожилой человек, мог по-прежнему гнаться за знанием, невзирая на уверенность в близкой смерти, не мог ли и я, чья смерть казалась еще более близкой, черпать утешение в уверенности, что она все же не так уж несомненна?

Итак, я анализировал поведение человека, с которым я заговорил у хижины больной девушки, и поступки других известных мне мужчин и женщин, стараясь подобрать ключ к их сердцам.

Но я так и не нашел ничего, что помогло бы мне сформулировать краткую формулу: «Мужчины и женщины поступают следующим образом потому-то и потому-то...» Не подходил ни один кусочек зазубренного металла — ни жажда власти, ни любовное вожделение, ни потребность самоутвердиться, ни стремление придать жизни пикантный привкус романтики. И все же я вывел один принцип, который в итоге назвал Первобытностью. Именно этот принцип, с моей точки зрения, применялся достаточно широко и если не лежал в основе поступка, то, по крайней мере, серьезно влиял на то, какую форму принимал конкретный поступок. Я бы сформулировал его так: «Поскольку доисторические культуры просуществовали в течение стольких хилиардов лет, они сформировали наше наследие таким образом, чтобы заставить нас поступать так, как если бы их условия наличествовали и сегодня».

Например, технологии, которые некогда позволили Балдандерсу следить за всеми поступками старейшины из приозерной деревни, обратились в прах уже многие тысячи лет назад; однако в течение эонов собственного существования они наложили на него своего рода чары, благодаря которым, не дожив до наших дней, все же сохра-

нили определенную эффективность.

Так и все мы храним в себе призраки давно исчезнувших вещей, разрушенных городов и чудесных машин. Это ясно показывала история, которую я как-то раз прочитал Ионе, когда мы были в заключении (куда менее обременительном и в более многочисленной компании); и вот теперь, в зиккурате, я заново перечитал ее. Автору истории потребовался образ некоего морского чудовища, вроде Эребуса или Абайи, но в легендарном обрамлении. Поэтому он снабдил это чудовище головой в виде корабля — единственной видимой частью тела, ибо остальное скрывала вода. Таким образом существо перемещалось из протоплазменной реальности и становилось машиной, чего и требовал ритм мышления автора.

Развлекаясь подобными теориями, я постепенно понимал, что Водалус занял это древнее сооружение лишь на время. Как уже говорилось, лекаря я больше не видел, да и Агия с тех пор не навещала меня, но я часто слышал звуки торопливых шагов по коридору за дверью моей квартиры, а иногда до меня долетали и обрывки фраз, брошенных на бегу.

Всякий раз, когда раздавались эти голоса, я

прикладывал незабинтованное ухо к обшивным доскам; в сущности, я часто предвкушал их, подолгу просиживая у стены в надежде подслушать часть разговора, который помог бы мне выяснить намерения Водалуса. Так как мои старания были тщетны, я не мог не думать о сотнях узников в нашей подземной темнице, которые наверняка прислушивались к моим шагам, когда я передавал их еду Дротту, и, должно быть, напрягали слух, силясь уловить фрагменты разговора, проникавшие из камеры Теклы в коридор и дальше — в их камеры, когда я навещал свою собеседницу.

А что же мертвые? По временам я думал о себе почти как о мертвеце. Разве там, глубоко под землей, не томятся они, миллионы и миллионы, в своих камерах, гораздо теснее, чем моя? Не существует области человеческой деятельности, где бы мертвые не превосходили численностью живых во много раз. Большинство прекрасных детей мертвы. Большинство солдат и трусов. Самые красивые женщины и самые ученые мужи — все они мертвы. Их тела покоятся в гробах и саркофагах, под сводами из грубого камня, повсюду, по всей земле. Их дух наводняет наш разум, уши изнутри прижимаются к нашим лбам. Кто

скажет, как внимательно они прислушиваются к нашим разговорам и какого слова ждут?

27. ПЕРЕД ВОДАЛУСОМ

Наутро шестого дня моего заключения за мной пришли две женщины. Накануне я очень плохо спал. Одна из летучих мышей-кровососов, распространенных в этих северных джунглях, проникла через окно в мою камеру, и хотя мне удалось выгнать эту тварь и остановить кровотечение, она снова и снова возвращалась — думаю, влекомая запахом от моих ран. Даже теперь в зеленоватой полутьме с рассеянным светом мне всякий раз видится летучая мышь, подбирающаяся, как большой паук, а затем броском взлетающая в воздух.

Солнце только что встало, и, увидев меня бодрствующим, женщины удивились не меньше, чем я при их появлении. Они заставили меня встать, одна связала мне руки, другая приставила к горлу кинжал. Последняя тем не менее спросила, как заживает моя щека, добавив, что еще в день моего прибытия ей сообщили, будто я — симпатичный парень.

— Тогда я был почти так же близок к смерти, как теперь, — сказал я ей. Правда же заключа-

лась в том, что, хотя контузия, полученная мною при крушении флайера, больше не давала о себе знать, лицо и нога все еще побаливали.

Женщины привели меня к Водалусу, но не куда-нибудь в зиккурат, где, как я смутно себе представлял, он бы торжественно восседал бок о бок с Теа, а на лужайку, с трех сторон окруженную мутно-зеленым водным потоком. Ожидая, пока Водалус покончит с другими делами, я отнюдь не сразу сообразил, что эта река течет на северо-восток, с чем я прежде никогда не сталкивался; судя по моим прошлым наблюдениям, все реки текли на юг или юго-запад, неизменно впадая в Гьолл, чей поток также стремился в юго-западном направлении.

Наконец Водалус кивнул в мою сторону, и меня подтолкнули вперед. Заметив, что я едва держусь на ногах, он приказал моим стражницам усадить меня у его ног, потом велел им отойти на такое расстояние, чтобы они не могли слышать наш разговор.

— Твое нынешнее появление не столь впечатляюще, как в тот раз, в лесу близ Нессуса, — произнес он. Я не мог не согласиться.

— Но, сьер, я и теперь явился как твой слуга. В точности, как при первой нашей встрече, когда я

спас твою шею от топора. Если я предстал перед тобой в окровавленном тряпье и со связанными руками, то исключительно потому, что так ты обращаешься со своими слугами.

— Согласен, что стягивать тебе запястья — это легкий перебор, учитывая твое состояние. — Он едва заметно улыбнулся. — Тебе больно?

— Нет. Боль уже ушла.

— Тем не менее веревки больше не потребуются.

Водалус встал, вынул тонкое лезвие и, наклонившись ко мне, перерезал путы.

Я расправил плечи, и тут же будто тысячи иголок пронзили мне руки.

Усевшись на место, Водалус спросил меня, намерен ли я отблагодарить его.

— Ты никогда не благодарил меня, сьер. Вместо благодарности ты всучил мне монету. Кажется, у меня где-то завалялась одна. — Я стал шарить у себя в ташке в поисках денег, которыми расплатился со мной Гуазахт.

— Оставь ее при себе. Я собираюсь потребовать от тебя гораздо больше. Ты готов сказать мне, кто ты такой?

— Всегда готов, сьер. Я — Северьян, бывший подмастерье гильдии палачей.

— Всего лишь подмастерье этой гильдии и никто больше?

— Так точно.

Водалус вздохнул и улыбнулся, потом откинулся в кресле и снова вздохнул.

— Мой слуга Хильдегрин постоянно твердил, что ты — важная персона. Когда я спрашивал — почему, он путался в собственных предположениях, ни одно из которых не казалось мне убедительным. Я считал, что он пытается вытянуть из меня побольше серебра за необременительный шпионаж. И тем не менее он был прав.

— Я лишь однажды сыграл для тебя важную роль, сьер.

— Всякий раз при встрече ты напоминаешь мне, что когда-то спас мне жизнь. А знаешь ли ты, что Хильдегрин спас жизнь тебе? Именно он крикнул «Беги!» твоему противнику во время поединка в городе. Ведь ты упал, и тот парень мог заколоть тебя.

— Агия здесь? — спросил я. — Она бы постаралась убить тебя, если бы слышала это.

— Теперь нас никто не слышит. Можешь рассказать ей после, если хочешь. Она никогда не поверит тебе.

— На твоем месте я бы не был так уверен в этом.

Он широко улыбнулся.

— Прекрасно, я передам тебя ей в руки. Тогда-то мы и увидим, кто из нас прав.

— Как тебе будет угодно.

Он отмахнулся от моего проявления покорности изящным движением руки.

— Думаешь, ты можешь загнать меня в тупик своей готовностью умереть? На самом деле ты предлагаешь мне простой выход из затруднительного положения. Твоя Агия явилась ко мне в сопровождении очень полезного чудотворца и попросила за его и свои услуги только одно — тебя, Северьяна из Ордена Взыскующих Истины и Покаяния. А теперь ты заявляешь, что ты — тот самый Северьян Палач и никто иной, и мне очень трудно отказать ей в ее требованиях.

— А кем я, по-твоему, должен быть?

— У меня есть или, точнее сказать, был самый лучший слуга в Обители Абсолюта. Ты наверняка его знаешь, ведь именно ему ты передал мое послание. — Водалус помолчал и улыбнулся. — Неделю или около того назад мы получили от него весть. Разумеется, сообщение не было открыто адресовано мне, но не так давно я позаботился, чтобы он знал о нашем местонахождении, да и мы обретались неподалеку. И знаешь, о чем он

доложил? Я покачал головой.

— Странно, ведь ты был рядом в это время. Он сказал, что находится в разбитом флайере… вместе с Автархом. Он был бы полным идиотом, если б послал такое сообщение в ординарной ситуации, ведь он выдал свои координаты, хотя не мог не знать, что оказался в нашем тылу.

— Значит, ты состоишь в асцианской армии?

— Да, мы проворачиваем для них некоторые разведывательные операции. Вижу, тебя смущает то, что Агия и ее чудотворец убили нескольких асцианских солдат, когда явились за тобой. Не стоит беспокоиться об этом. Хозяева тех солдат ценят их еще меньше, чем я, а времени на переговоры не оставалось.

— Однако Автарха они не захватили. — Я не особо искусный лжец, но, думаю, я был слишком изнурен, чтобы Водалус смог что-либо прочитать на моем лице.

Он подался вперед, на миг его глаза засверкали так, будто в глубине зрачков зажглись свечи.

— Он был там! Замечательно. И ты его видел. Ты летел вместе с ним в королевском флайере. Я снова кивнул.

— Видишь ли, как ни смешно это звучит, но я опасался, что он — это ты. Никогда нельзя заранее

знать. Один Автарх умирает, и его место занимает другой; этот новый может править полстолетия, а может — всего пару недель. Итак, на флайере вас было трое? Не больше?

— Нет, не больше.

— Что собой представляет Автарх? Расскажи как можно подробнее.

Я подчинился, описав внешность доктора Талоса, когда он появлялся в этой роли.

— Значит, ему удалось вырваться как от созданий чудотворца, так и от асциан? Или последние все же схватили его? А может, эта женщина и ее любовник приберегли его для себя?

— Я же сказал, что асциане не добрались до него. Водалус снова улыбнулся, но сверкающие глаза и искривленный рот выдали его горечь.

— Видишь ли, — повторил он, — я уже было решил, что это ты. У нас есть слуга, но он страдает от раны в голове и пребывает в сознании лишь эпизодически. Боюсь, очень скоро его не станет. Но он всегда говорит мне правду, и Агия утверждает, что с ним был только ты.

— Значит, ты думаешь, что я — Автарх? Нет, это не так.

— Но за последнее время ты сильно изменился.

— Ведь ты сам дал мне альзабо и жизнь шатлены Теклы. Я любил ее. Неужели ты думал, что, вкусив ее сущность, я останусь прежним? Она постоянно со мной, и поэтому я — это двое в одном теле. Но я — не Автарх, в чьем теле целая тысяча.

Водалус ничего не ответил, но прикрыл глаза, будто боялся, что я увижу их пламя. Тишина нарушалась лишь плеском речной воды и приглушенными голосами вооруженных мужчин и женщин, сгрудившихся в сотне шагов от нас и время от времени поглядывавших в нашу сторону. Перелетавший с дерева на дерево попугай неожиданно издал пронзительный крик.

— Я по-прежнему готов служить тебе, — сказал я Водалусу, — если ты позволишь. — Я не был уверен в фальшивости этих слов, пока они не сорвались с моих губ, и потому растерялся, силясь понять, как то, что прежде казалось правдой для Теклы и Северьяна, теперь обернулось для меня ложью.

— «Автарх, в чьем теле целая тысяча», — слово в слово повторил Водалус за мной. — Верно, но сколь немногие из нас знают об этом.

28. НА МАРШЕ

Сегодня, в последний раз перед грядущим отъездом из Обители Абсолюта, я принимал участие в торжественной религиозной церемонии. Подобные ритуалы распределяют по семи ступеням в зависимости от их значения, или, как выражаются гептархии, «трансцендентности» — о чем я и не подозревал в те времена, о которых только что вел речь. К нижнему уровню — то есть уровню Аспирации — относятся обычные проявления благочестия, включая молитвы, читаемые в уединении, манипуляции с каменной пирамидкой и так далее. Общие собрания и публичные молебны, которые в детстве ассоциировались у меня со всей организованной религией, на самом деле составляют второй уровень, называемый уровнем Интеграции. Сегодняшняя служба принадлежала к седьмому и наивысшему — уровню Ассимиляции.

В соответствии с принципом цикличности большая часть приобретений, собранных в процессе продвижения через первые шесть уровней, теперь потеряла свою актуальность. Никакой

музыки не было, и богатые ризы уровня Убежденности уступили место накрахмаленным рясам, чьи скульптурные складки придавали нам вид оживших статуй. Мы больше не можем проводить церемонию, как прежде, окутанные сияющим поясом галактики; но для достижения максимально близкого эффекта поле тяготения Урса было удалено из базилики. Я испытывал совершенно новое ощущение и, хоть страха не было и в помине, снова вспомнил ту ночь, проведенную в горах, когда мне казалось, что я вот-вот выпаду из нашего мира; завтра мне предстоит пережить это наяву. По временам потолок оборачивался полом или же (что гораздо больше смущало меня) стена превращалась в потолок, и, глядя вверх через открытые окна, можно было видеть травянистый горный склон, отвесно вздымавшийся к небу и в бесконечность. При всей своей необычности это зрелище было не менее подлинным, чем привычный для человеческого глаза пейзаж.

Каждый из нас стал солнцем, круглые черепа цвета слоновой кости превратились в наши планеты. Я сказал, что мы обходились без музыки, но это не совсем верно. Вращаясь вокруг нас, черепа издавали еле слышный мелодичный свист и гул,

вызванный потоками воздуха, струившимися сквозь глазницы и челюсти. Те, чьи орбиты представляли собой округлость, пели практически на одной ноте, с незначительным отклонением при вращении вокруг собственной оси; голоса других на эллиптических орбитах то прибывали, то понижались — поднимались по мере приближения ко мне и переходили в низкий стон при удалении.

Не глупо ли усматривать лишь смерть в этих пустых глазницах и белых, как мрамор, сферах? Как много среди них наших друзей? Коричневая книга, с которой я зашел так далеко, единственный предмет среди взятых мною из Башни Сообразности, что остался со мной по сей день, была переплетена, напечатана и задумана мужчинами и женщинами с такими вот костлявыми лицами. И мы в водовороте их голосов, от имени тех, кто есть прошлое, предлагали себя и настоящее сверкающему свету Нового Солнца.

И все же в тот момент, окруженный самыми многозначительными и величественными символами, я не мог не задуматься над тем, насколько иной была действительность, когда на следующий день после моей беседы с Водалусом мы покинули зиккурат и неделю, а то и больше

двигались походным порядком (я — под охраной шести женщин, которым периодически приходилось меня нести) через зловонные джунгли. Я не знал — да и теперь не ведаю, — скрывались ли мы от армии Содружества или от асциан, бывших союзников Водалуса. Возможно, мы просто стремились соединиться с основными силами повстанцев. Мои стражницы жаловались на влагу, капавшую с деревьев и словно кислота разъедавшую их оружие и доспехи, а также на удушливую жару; но я ничего подобного не ощущал. Помню, я опустил взгляд вниз и с удивлением заметил, что часть плоти на моем бедре отпала, обнажив выступающие, как тугие веревки, мускулы. Я мог наблюдать за работой собственного коленного сустава, будто за мельничными валами и колесами.

Вместе с нами шагал старый лекарь, который теперь осматривал меня два-три раза в день. Сначала он пытался сохранить мою повязку на лице в сухом состоянии, но, убедившись в тщетности своих усилий, вовсе снял бинты, довольствуясь тем, что обмазал раны целебным снадобьем. После этого некоторые из охранниц перестали даже глядеть в мою сторону и, если не могли избежать разговора со мной, объяснялись, потупив глаза.

Другие же, наоборот, гордились возможностью проявить выдержку при виде моего разодранного лица. Они вставали передо мной, широко расставив ноги — поза, которую они, похоже, считали воинственной, — и с нарочитой небрежностью клали левую ладонь на рукоять меча.

Я старался заговаривать с ними как можно чаще. Нет, не потому, что хотел этих женщин — хворь, явившаяся вместе с ранами, лишила меня всякого любовного желания. Просто в центре растянувшейся колонны меня угнетало особое одиночество, какого я никогда прежде не испытывал — ни в скитаниях по раздираемому войной северу, ни запертый в камере древнего зиккурата; а еще в каком-то нелепом уголке своего сознания я все еще надеялся на побег. Я задавал своим стражницам вопросы на любую тему, где они могли проявить какую-либо осведомленность, и был несказанно удивлен тем, как редко совпадали наши мнения. Ни одна из шести не присоединилась к Водалусу потому, что понимала разницу между восстановлением прогресса, который он стремился олицетворять, и застоем Содружества. Три из них просто-напросто увязались за мужчиной, две — потому что надеялись отомстить за какую-то личную обиду,

а одна бежала от ненавистного отчима. Все, кроме одной, последней, теперь сожалели о своем опрометчивом поступке. Ни одна из охранниц не имела четкого представления как о прежнем месте стоянки, так и о цели нашего нынешнего путешествия.

Проводниками нашей колонне служили три дикаря: двое юношей — скорее всего братья или даже близнецы, и один мужчина гораздо старше, чье лицо, по-видимому, искаженное не только старостью, но и физическим уродством, неизменно скрывалось под гротескной маской. Несмотря на разницу в возрасте, вся троица напомнила мне голого человека, которого я однажды видел в Саду Джунглей, — они были такими же нагими, с такой же смуглой кожей с металлическим отливом и столь же прямыми волосами. Молодые дикари имели церботаны длиннее вытянутой руки, а также мешки с дротиками, вручную сплетенные из дикорастущего хлопка и окрашенные жженой умброй — несомненно, при помощи рока какого-то растения. Старик опирался на посох, кривой, как его собственная фигура, и увенчанный высушенной головой обезьяны.

В закрытом паланкине, значительно дальше по ходу колонны, несли Автарха, который, как

дал мне понять старый лекарь, был еще жив. Однажды ночью, когда мои стражницы увлеклись оживленной болтовней, а я сидел скорчившись у тлеющего костра, я заметил, как пожилой проводник (его согбенная фигура и голова, непомерно большая из-за маски, не позволяли спутать старика ни с кем другим) приблизился к паланкину и проскользнул внутрь. Некоторое время спустя он поспешно выбрался наружу. Говорили, что этот человек — утурунку, то есть шаман, способный превращаться в тигра.

Через несколько дней после ухода из зиккурата, миновав участок джунглей, где не было и намека на дорогу, мы наконец наткнулись на тропу, усеянную трупами. То были асциане, раздетые и без всякого снаряжения, будто их истощенные тела свалились сюда прямо с неба. Я бы предположил, что они погибли около недели назад, но, несомненно, жара и влажность ускорили разложение, и смерть наступила значительно позже. Причина их гибели в большинстве случаев оставалась неясной.

До сих пор мы редко встречали живность крупнее, чем гротескного вида жуки, жужжавшие над нашими кострами по ночам. Птицы, щебетавшие на верхушках деревьев, как правило, избегали

попадаться нам на глаза, а летучие мыши-кровососы если и навещали нас, то их черные крылья терялись на фоне густой тьмы. Теперь же мы, казалось, продвигались сквозь целые полчища разных тварей, которые собирались у тропы, точно мухи, слетевшиеся на тушу сдохшего вьючного животного. Не проходило и стражи, чтобы мы не услышали хруста костей, разгрызаемых мощными челюстями. А ночью в темноте, окружавшей наши небольшие костры, мерцало множество пар зеленых и алых глаз, по временам отстающих друг от друга на добрые две пяди. И хотя было бы нелепо предполагать, что эти объевшиеся падалью хищники станут досаждать нам, мои охранницы выставили двойной караул; те же, кто улегся спать, предпочли остаться в латах и не выпускали из рук свои куртелаксы.

С каждым днем трупы становились все более свежими, пока среди них не стали попадаться живые люди. Какая-то обезумевшая женщина с коротким ежиком волос и блестящими глазами, спотыкаясь, приблизилась к колонне как раз перед нашим отрядом и, выкрикнув несколько непонятных слов, скрылась среди деревьев. Мы слышали мольбы о помощи, визг и чей-то бессвязный бред, но Водалус строго-настрого запретил

нам сходить с тропы. Наконец после полудня мы очутились в гуще асцианского воинства, как прежде находились в самой гуще северных джунглей.

Наша колонна состояла из женщин, провианта, самого Водалуса с прислугой, а также нескольких его помощников с собственным эскортом. Всего — не больше пятой части его армии. Но даже если бы здесь оказались все мятежники, которых он мог собрать под свои знамена, и если бы каждый воин обернулся сотней — все равно наши силы уподобились бы чаше воды, выплеснутой в могучий поток Гьолла.

Сперва мы нагнали пехотинцев. Помню, Автарх говорил мне, что асциане выдают оружие лишь непосредственно перед началом сражения. Если так, очевидно, их офицеры решили, что такой момент близок. Я увидел тысячи воинов с рансьерами и почти уверился, что вся асцианская пехота экипирована подобным образом; но к наступлению ночи мы поравнялись с другим, столь же многочисленным соединением, имевшим на вооружении люнеты.

Поскольку мы шагали довольно быстро, то оставили позади не одну тысячу асциан. Однако мы раньше, чем они, разбили лагерь (если они

вообще отдыхали), и всю ночь, пока меня не сморил сон, я слышал их хриплые крики и шарканье множества ног. Утром мы снова очутились среди умирающих и только через стражу с лишним завидели нестройные ряды пехотинцев.

В асцианских солдатах чувствовалась непреклонность и слепая приверженность порядку — уникальная в своем роде и, по-видимому, коренившаяся вовсе не в твердости духа или в дисциплине (в том смысле, в каком я воспринимал эти понятия). Казалось, они выполняли команды лишь потому, что не представляли себе иной линии поведения. Наши воины почти всегда имеют при себе оружие нескольких видов, как минимум энергетическое, и длинный нож в придачу (среди шиавони я был единственным, кто не носил такого ножа в дополнение к мечу). Но я ни разу не встречал асцианина, который таскал бы с собой больше одного вида оружия, а их офицеры вообще, как правило, передвигались налегке, будто относились к войне с нескрываемым презрением.

29. АВТАРХ СОДРУЖЕСТВА

К середине дня мы снова обогнали тех, кого повстречали накануне, и вышли к вещевому обозу. Думаю, всех нас поразило открытие, что огромная боевая мощь, которую мы наблюдали раньше, оказалась лишь арьергардом, прикрывающим тыл армии несравненно большей.

В качестве тягловой силы асциане использовали уйнтатеров и платибелодонов. Вперемежку с этими животными шагали шестиногие машины, явно приспособленные для перевозки различных тяжестей. Насколько я мог судить, погонщики не делали никаких различий между механизмами и живыми тварями. Если животные валились на спину и не желали подниматься или падала одна из машин, груз просто перекладывали на тех, кто оказывался поблизости, а обессиленного тяжеловоза бросали на обочине. Похоже, асциане не тратили усилий на то, чтобы добить павшее животное, прихватив с собой съедобные части туши, попробовать отремонтировать разлаженный механизм или разобрать его на запасные детали.

В тот же день, ближе к вечеру, люди в нашей

колонне заметно оживились, хотя ни я, ни мои охранницы не поняли, чем вызвана такая перемена. Сам Водалус спешно прошел мимо нас в сопровождении нескольких лейтенантов, потом между головой и хвостом колонны засновали вестовые. С наступлением темноты мы не устроили привал, но продолжали тащиться сквозь ночь бок о бок с асцианами. Нам передали огонь, и поскольку я не был обременен оружием и порядком окреп, то взял по факелу в обе руки и ощутил себя чуть ли не предводителем окружавшей меня шестерки стражниц.

Остановились мы только около полуночи. Мои спутницы собрали хворост и при помощи факела разожгли костер. Не успели мы улечься спать, как появившийся посыльный заставил подняться на ноги носильщиков паланкина, расположившихся неподалеку, и те, спотыкаясь, устремились в темноту, взвалив на плечи свою ношу. Стоило им скрыться из виду, как посыльный подбежал к нам и, понизив голос до шепота, перебросился несколькими словами со старшей из стражниц. Мне мигом связали руки (впервые после того, как Водалус лично освободил меня от пут), и мы поспешили за паланкином. Миновав голову колонны, где стоял небольшой шатер шатлены Теа,

наш отряд вскоре затерялся среди несметного числа солдат основных сил асциан.

Асцианский штаб имел вид металлического купола. Полагаю, он, как всякая палатка, мог складываться тем или иным способом, но теперь казался не менее прочным и устойчивым, чем обыкновенное здание. Наружная поверхность купола сливалась с ночным небом, но когда перед нами распахнулась дверь, я увидел, что внутри на стенах играет бледный свет, источник которого так и остался для меня загадкой. Кроме того, я заметил Водалуса, державшегося с подчеркнутой почтительностью, а рядом — паланкин, шторки которого были раздвинуты, выставляя на обозрение неподвижное тело Автарха. В центре помещения вокруг низкого столика сидели три женщины. За исключением одного-двух случайно брошенных взглядов, никто из них не глядел ни на Водалуса, ни на Автарха, ни на меня. Такое равнодушие они продемонстрировали не только в момент моего появления, но и потом, когда меня вывели вперед. Перед женщинами лежали стопки бумаг, но смотрели они не на бумаги, а только друг на друга. Они мало чем отличались от асциан, которых я видел прежде, разве что у них были не столь истощенные фигуры и чуть

менее безумный взгляд.

— А вот и он, — произнес Водалус. — Теперь оба перед вами.

Одна из асцианок обратилась к двум другим на своем языке. Те кивнули в ответ, а первая сказала:

— Только тому, кто действует против масс, требуется прятать свое лицо.

Повисла долгая пауза, потом Водалус зашипел на меня:

— Отвечай же ей!

— Что отвечать? Разве она задала вопрос?

— Кто есть друг народным массам? — вновь вступила асцианка. — Тот, кто помогает массам. А кто есть враг? Тут быстро заговорил Водалус:

— Отвечай, является ли кто-либо из вас (ты ли сам или человек, лежащий здесь без сознания) лидером народов южной половины этого полушария?

— Нет, — сказал я. Мне легко далась эта ложь, поскольку, судя по моим наблюдениям, Автарх был лидером очень немногих в Содружестве. Для Водалуса я добавил вполголоса: — Что за глупость здесь творится? Неужели они думают, что, будь я Автархом, я бы признался в этом?

— Все, что мы говорим, передается на север.

Теперь заговорила та из асцианских женщин, что прежде не сказала ни единого слова. Один раз во время своего монолога она указала рукой в нашу сторону. Когда она закончила, вся троица осталась сидеть в мертвой тишине. У меня создалось впечатление, будто они слышат чей-то голос, не слышимый мне, и, внимая говорящему, они не осмеливаются шелохнуться; впрочем, то могла быть лишь игра моего воображения. Водалус заерзал, я тоже сменил позу, чтобы перенести вес с больной ноги. Узкая грудь Автарха неритмично вздымалась и опускалась при дыхании, и лишь эта троица сидела неподвижно, как застывшие фигуры на живописном полотне. Наконец та, что говорила первой, прервала молчание:

— Все люди принадлежат к массам. — При этих словах остальные словно испытали облегчение.

— Этот человек болен, — сказал Водалус, бросив взгляд на Автарха. — Он был мне полезным слугой, хотя, полагаю, теперь от него пользы не дождешься. Другого я обещал одной из моих соратниц.

— Величие жертвы нисходит на того, кто, не заботясь о собственной выгоде, предлагает то, что имеет, на службу массам. — Тон, каким асцианская женщина произнесла эту фразу, ясно

показывал невозможность дальнейших пререканий.

Водалус взглянул на меня и пожал плечами, потом повернулся на каблуках и вышел из-под купола. И тотчас в комнате появились два асцианских офицера с плетками.

Нас поместили в асцианскую палатку, раза в два больше той камеры, что мне досталась в зиккурате. В помещении имелся огонь, но не было постелей, поэтому офицеры, которые принесли Автарха, просто бросили его на пол рядом с очагом. С трудом освободившись от пут, я попытался поудобнее устроить Автарха — перевернул на спину и распрямил ему руки и ноги.

Вокруг нас спокойно раскинулась асцианская армия — по крайней мере, настолько спокойно, насколько можно было ожидать от асциан. Время от времени кто-то вскрикивал в отдалении — очевидно, во сне, — но в остальном тишина нарушалась лишь шагами часовых за окнами палатки. Не могу выразить тот ужас, который вызывала во мне мысль об отправке на север, в Асцию. Видеть только дикие, изнуренные лица асциан, до конца дней своих испытывать на собственной шкуре все то, что свело их с ума, — такая участь казалась мне гораздо страшнее,

чем самые жуткие испытания, выпадавшие на долю клиентов Башни Сообразности. Я попытался приподнять полог палатки, решив, что в худшем случае меня ожидает лишь смерть от руки стражника; но края были приварены к земле непонятным мне образом. Все четыре стенки палатки были сделаны из плотного, гладкого материала, который я не смог разорвать голыми руками, а бритву Милеса отобрали мои охранницы. Я уже приготовился выскочить через дверь, когда услышал хорошо знакомый голос Автарха.

— Подожди, — прошептал он.

Я опустился на колени перед ним, внезапно испугавшись, что нас подслушают.

— Я думал, ты… спишь.

— Полагаю, большую часть времени я был в коме. Когда же приходил в себя, то симулировал кому, чтобы Водалус не лез ко мне с расспросами. Ты намереваешься сбежать?

— Теперь — только вместе с тобой, сьер. Я уж было решил, что ты умер.

— И был недалек от истины… не дальше одного дня. Да, думаю, для тебя самое лучшее — бежать. Отец Инир с повстанцами. Он должен был доставить все необходимое, а потом помочь совершить побег. Но мы разминулись… не так ли? Возможно,

он не сумеет помочь тебе. Распахни мою мантию. Первым делом пошарь за поясом.

Я сделал так, как он велел; кожа, которой касались мои пальцы, была холодной, как у трупа. У его левого бедра я увидел рукоять из серебристого металла не толще женского пальца. Я вытащил нож; в длину клинок был не больше полпяди, но толстый и прочный, а такого острого лезвия я не встречал с тех пор, как «Терминус Эст» разбился о жезл Балдандерса.

— Еще рано уходить, — прошептал Автарх.

— Я не уйду, пока ты жив, — ответил я. — Ты сомневаешься во мне?

— Мы оба будем жить и оба уйдем. Тебе знакомо отвращение… — Он сжал мою руку. — Поедание мертвых, поглощение их угасших жизней. Но есть иной способ, которого ты не знаешь, иной наркотик. Ты должен принять его и проглотить живые клетки лобной доли моего мозга.

Кажется, я отпрянул в страхе, и, чтобы удержать меня, он крепче стиснул мою руку.

— Когда ты ложишься с женщиной, ты вонзаешь свою жизнь в ее жизнь так, что может возникнуть новая. Если ты сделаешь так, как я велел, моя жизнь и жизнь тех, кто обитает внутри меня, продолжится в тебе. Эти клетки войдут в

твою нервную систему и там размножатся. Наркотик — в пузырьке, что я ношу у себя на груди, а этот нож разрежет мою черепную коробку, как сосновую шишку. У меня была возможность испробовать его на деле, так что можешь не сомневаться. Помнишь, как ты поклялся служить мне, когда я захлопнул ту книгу? Так воспользуйся же этим ножом и уходи как можно скорее.

Я кивнул и пообещал следовать его инструкциям.

— Наркотик этот посильнее, чем знакомые тебе средства, и хотя все, кроме меня, будут слишком слабы, тебе придется иметь дело с сотнями других личностей… Мы — это множество жизней.

— Понимаю.

— Асциане выступают на рассвете. Неужели до конца ночи осталась всего одна стража?

— Надеюсь, ты переживешь эту ночь, сьер, и еще много ночей. Ты поправишься.

— Ты должен убить меня немедленно, пока Урс не повернулся лицом к солнцу. Тогда я буду жить в тебе… и никогда не умру. Сейчас я держусь только благодаря силе воли. С каждым произнесенным словом я становлюсь все слабее.

К вящему изумлению, я почувствовал, что слезы хлынули у меня из глаз.

— Я с детства ненавидел тебя, сьер. Я не сделал тебе ничего плохого, но только потому, что не имел такой возможности. Но сейчас мне горько.

Его голос становился все тише, пока не превратился в еле слышный шепот, не громче стрекотания сверчка.

— Ты правильно делал, что ненавидел меня, Северьян. Я стоял… да и ты будешь стоять… за неправое дело.

— Но почему? — спросил я. — Почему? — И вновь опустился перед ним на колени.

— Потому, что все остальное еще хуже. Пока не явится Новое Солнце, нам так и придется выбирать наименьшее из зол. Чего мы только не перепробовали — и во всем потерпели неудачу. Коллективная собственность, народовластие… абсолютно все. Ты стремишься к прогрессу? Прогресс у асциан. Они оглушены прогрессом, настолько сведены с ума гибелью Природы, что готовы принять в качестве богов Эребуса и остальных. Мы же сохраняем человечество неизменным… в его варварском состоянии. Автарх защищает простых людей от экзультантов, а экзультанты… что ж, экзультанты оберегают их от Автарха. У священников народ находит утешение. Мы закрыли дороги, чтобы парализовать

социальный порядок…

Он закрыл глаза. Я положил ему руку на грудь и ощутил слабое трепыхание его сердца.

— Пока не явится Новое Солнце…

Вот от чего я бежал — не от Агии, не от Водалуса и не от асциан. Стараясь действовать как можно осторожней, я снял цепочку с его шеи, откупорил пузырек и проглотил наркотик. Потом взял в руки короткий острый клинок и сделал то, что должен был сделать.

Когда все было кончено, я накрыл безжизненное тело Автарха его же шафрановой мантией от головы до кончиков пальцев ног, потом повесил пустой пузырек себе на шею. Действие наркотика было удивительно сильным, как и предупреждал Автарх. Ты, читающий эти строки, вероятно, никогда не обладал больше чем одним сознанием, и откуда тебе знать, что значит иметь два или три, а тем более — сотни. Все они жили во мне, и каждый по-своему радовался обретению новой жизни. Мертвый Автарх, лицо которого всего несколько мгновений назад я видел в кровавых руинах, теперь снова ожил. Мои глаза, мои руки стали его глазами и руками; я узнал о работе пчелиных ульев Обители Абсолюта, проникся священным духом тех, кто держит курс по солнцу

и добывает злато в плодородных недрах Урса. Я узнал его путь к Трону Феникса, а также к звездам и обратно. Его разум стал моим и пополнился учениями, о существовании которых я даже не подозревал, вобрал в себя знания, почерпнутые у других, благодаря его посредничеству. Этот феноменальный мир казался неясным и тусклым, словно картина, начертанная на песке, над которым мечется и стонет ветер. Я не мог бы сосредоточиться на этой картине, если б захотел, да и не испытывал такого желания.

Черная ткань нашей тюремной палатки поблекла, став серовато-сизой, а верхние углы закружились, как призмы в калейдоскопе. Я сам не заметил, как упал, и лежал теперь рядом с телом своего предшественника, и все мои попытки подняться сводились лишь к конвульсивным ударам ладонями по полу.

Не знаю, долго ли я провалялся подобным образом. Я протер тот самый нож (теперь — это **мой нож)** и спрятал его за пояс, следуя примеру его бывшего хозяина. Я живо представлял себя в виде многих десятков наложенных друг на друга образов, разрезающих стену палатки и выскальзывающих в ночную тьму. Северьян, Текла и мириады других личностей — все бежали прочь.

Мысленно я прокручивал эту сцену в таких подробностях, что уже и сам верил в реальность своего побега. Но каждый раз, когда мне следовало бы мчаться меж деревьев, сторонясь спящих тревожным сном солдат асцианской армии, я оказывался на полу знакомой палатки, рядом с телом, завернутым в мантию.Кто-то схватил меня за руки. Решив, что-это вернулись офицеры с плетками, я попытался осмотреться и встать, чтобы избежать удара. Но тут, словно картины, которые второпях демонстрирует нам хозяин захудалой галереи, в мое сознание вторглись сотни разрозненных воспоминаний: состязание в беге, высокие трубы органа, диаграмма с пометками в уголках, женщина в повозке.

— Ты в порядке? — спросил чей-то голос. — Что с тобой случилось? — Я почувствовал, как с моих губ капнула слюна, но слова застряли в горле.

30. КОРИДОРЫ ВРЕМЕНИ

Я получил звонкую пощечину.

— Что происходит? Он мертв. Ты под действием наркотика? — **Да**, наркотик**а**. — Говорил кто-то еще, и через мгновение я понял, кто это. Северьян, молодой палач. А кто же я? — Вставай, нам нужно выбираться.

– **Часовой.**

— Часовые, — поправил нас тот же голос. — Их было трое. Мы убили их.

Я спускался по лестнице, белой как соль, вниз, к ненюфарам и стоячей воде. Рядом шла загорелая девушка с продолговатыми, чуть раскосыми глазами. Из-за ее плеча выглядывало лицо статуи одного из эпонимов. Мастер выточил его из нефрита; в результате лицо получилось зеленым как трава.

— Он умирает?

— Теперь он нас видит. Взгляни ему в глаза. Я понял, где нахожусь. Скоро зазывала просунет голову в дверь палатки и велит мне уходить.

— На земле, — сказал я. — Ты сказал, что я встречу ее на земле. Но это просто. Она здесь.

— Нам пора. — Зеленый человек взял меня за левую руку, Агия — за правую, и они вывели меня наружу.

Тот путь, что я мысленно проделал бегом, мы прошли не спеша, временами перешагивая через спящих асциан.

— Они расставляют мало караульных, — шепотом сказала Агия. — Водалус говорил мне, что их командиры так привыкли повиноваться, что едва ли задумываются о возможности внезапного нападения. На войне наши солдаты часто застают их врасплох.

Я не понял и, как ребенок, повторил за ней:

— Наши солдаты…

— Мы с Гефором больше не станем сражаться на их стороне. Разве можно после того, как мы увидели их? Теперь я с тобой заодно.

Я начал приходить в себя, все новые компоненты моего разума заняли свое место. Когда-то мне сказали, что слово «автарх» означает «самодержец», и теперь у меня промелькнула догадка о причине возникновения этого титула.

— Ты же хотела моей смерти. А сейчас освобождаешь. Ты давно могла бы заколоть меня. — Я заметил кривой траксийский кинжал, что однажды дрожал в ставне Касдо.

— Я могла бы убить тебя гораздо проще. Благодаря зеркалам Гефора я получила червя не больше твоей ладони, он светится белым огнем. Стоит мне только метнуть его, он убьет и приползет обратно. Так я убила всех часовых — одного за другим. Но этот зеленый человек не позволил бы мне, да я и не торопилась. Водалус обещал, что твоя агония будет длиться не одну неделю, и на меньшее я не согласна.

— Ты снова ведешь меня к нему?

Она покачала головой, и в бледно-серых лучах рассвета, пробивавшихся сквозь листву, я увидел, что ее каштановые локоны рассыпались по плечам, как в тот раз, когда она поднимала жалюзи на окнах лавки тряпичника.

— Водалус мертв. Неужели ты думаешь, что, владея таким червем, я позволила бы ему обмануть меня и остаться при этом в живых? Они бы забрали тебя. А теперь я отпущу тебя на свободу, потому что подозреваю, куда ты направишься. Но в конце концов ты опять попадешь ко мне в руки, как уже было, когда наши птериопы вырвали тебя у эвзонов.

— Значит, ты спасаешь меня исключительно из ненависти ко мне? — сказал я, и Агия кивнула. Думаю, точно так же Водалус ненавидел ту часть

меня, что некогда была Автархом.

Или скорее он ненавидел свое представление об Автархе, ибо в меру собственных способностей хранил верность настоящему Автарху, которого считал своим слугой. Когда я еще мальчишкой служил на кухнях Обители Абсолюта, то знавал одного повара. Он настолько презирал армигеров и экзультантов, для которых готовил еду, что, дабы не терпеть унижения от их оскорбительных упреков, выполнял свои обязанности с лихорадочным усердием. В конечном счете его произвели в шеф-повары того крыла. Я вспомнил о нем и пока размышлял на эту тему, Агия, едва касавшаяся меня до сих пор, и вовсе отпустила мою руку. Я поднял глаза и обнаружил, что Агия исчезла, а я остался наедине с зеленым человеком.

— Как ты оказался здесь? — спросил я его. — Ведь ты чуть не погиб в эту эпоху, и я знаю, что тебе приходится несладко под нашим солнцем.

Он улыбнулся. Хотя губы его были зелеными, зубы оставались белыми и мерцали при слабом свете.

— Мы — твои дети и не уступаем тебе в порядочности, хотя и не убиваем ради пропитания. Ты дал мне половину своего камня, того, что разгры-

зает железо, и подарил мне свободу. По-твоему, что я стал бы делать, когда освободился от оков?

— Я думал, ты вернешься в свое время, — ответил я. К тому времени я уже настолько оправился от наркотического дурмана, что стал опасаться, как бы наш разговор не разбудил асцианских солдат. Но пока я ничего не видел — только темные, взметнувшиеся ввысь стволы деревьев.

— Мы не останемся в долгу у наших благодетелей. Я носился взад-вперед по коридорам Времени в поисках момента, когда ты тоже окажешься в заключении, чтобы затем освободить тебя.

Мне не сразу пришло в голову, что ответить на это. Наконец я произнес:

— Не можешь себе представить, как странно я себя чувствую, узнав, что кто-то рыскал в моем будущем в поисках возможности сделать для меня добро. Но теперь, когда мы квиты, ты, конечно, понимаешь, что я помогал тебе вовсе не в расчете на твою помощь.

— И все-таки ты хотел, чтобы я помог тебе найти эту женщину, только что оставившую нас, женщину, которую ты находил с тех пор несколько раз. Однако тебе следует знать, что я был не один: там есть и другие искатели. Я пришлю тебе парочку. К тому же мы с тобой еще не квиты, ведь

хотя я и нашел тебя здесь в заключении, эта женщина тоже не теряла времени и освободила бы тебя без моей помощи. Итак, мы еще встретимся.

С этими словами он отпустил мою руку и шагнул в том направлении, которое я никогда не замечал до тех пор, пока там не растворился корабль, стартовавший с верхушки замка Балдандерса. Наверное, я видел его лишь в тот миг, когда оно совпадало с выбранным кем-то курсом. Зеленый человек тотчас же повернулся и бросился бежать, и, несмотря на тусклый свет раннего утра, я еще долго наблюдал за его бегущей фигурой, озаряемой прерывистыми, но довольно регулярными вспышками. Наконец он окончательно превратился в темную точку; но затем, когда я решил, что эта точка вдруг начала расти, у меня создалось впечатление чего-то огромного, мчащегося мне навстречу по удивительно угловатому тоннелю.

Этот корабль был гораздо меньше, чем виденный мною прежде. И все же — достаточно велик, чтобы, ворвавшись в поле нашего сознания, разом задеть планширами несколько стволов гигантских деревьев. В корпусе появилось отверстие, и трап, намного короче, чем лестница, спускавшаяся из флайера Автарха, скользнул

вниз, коснувшись твердой земли.

По трапу сошел мастер Мальрубиус, а вслед за ним — мой пес Трискель.

И в тот же миг я вновь обрел контроль над своей личностью, которой, в сущности, не управлял с тех пор, как выпил альзабо в компании с Водалусом и вкусил плоть Теклы. Дело не в том, что меня покинула Текла (в действительности я и не мог желать ее ухода, хотя понимал, что во многих отношениях она была жестокой и глупой женщиной) или исчез мой предшественник, чей разум состоял из сотни разумных компонентов. Нет, той прежней, простой структуры моей одинокой личности больше не существовало; однако новая, сложная структура уже не ослепляла меня и не приводила в смущение. Пусть возник лабиринт, но я был хозяином и даже строителем этого лабиринта, приложившим руку к каждому из его переходов. Мальрубиус прикоснулся ко мне, потом взял мою ладонь и поднес к своей холодной щеке.

— Так, значит, ты реален, — сказал я.

— Нет. Мы почти то, что ты думаешь, — силы, наблюдающие за сценой сверху. Но не вполне божественной природы. Ты же, полагаю, — актер.

Я покачал головой.

— Разве ты не узнаешь меня, мастер? Ведь ты учил меня, когда я был ребенком, а потом я стал подмастерьем гильдии.

— И все же ты, ко всему прочему, актер. Да, ты вправе считать себя актером не меньше, чем кем-либо другим. Ты только что сошел с подмостков, когда мы беседовали с тобой на поляне неподалеку от Стены; а в следующий раз мы видели тебя в Обители Абсолюта, и ты снова играл на сцене. То была хорошая пьеса; мне хотелось бы досмотреть ее до конца.

— Ты был среди зрителей?

Мастер Мальрубиус кивнул.

— Как актер, Северьян, ты наверняка понял мой недавний намек. Я имел в виду некую сверхъестественную силу, которая персонифицируется и привносится на сцену в последнем акте, дабы пьеса могла окончиться хорошо. Говорят, к этому приему прибегают лишь плохие драматурги, но те, кто так считает, упускают одну деталь: лучше уж иметь ту, притянутую сверху за веревку, и получить пьесу с хорошим концом, чем не иметь ровным счетом ничего, да вдобавок еще и пьесу с плохим концом. Вот тебе наша веревочка, Северьян, много веревок, а также прочный корабль. Взойдешь на борт?

— Так вот зачем это обличье? Чтобы я доверился тебе?

— Да, если угодно. — Мастер Мальрубиус кивнул, а Трискель, который сидел у моих ног и глядел мне в лицо, вскочил и пробежал, подпрыгивая на трех ногах, ровно до середины трапа, потом остановился, обернулся и завилял обрубком хвоста, вперив в меня такой умоляющий взгляд, какой встречается лишь у собак.

— Я знаю, ты не можешь быть тем, чем кажешься. Возможно — Трискель, но только не ты. Я видел, как тебя хоронили, мастер. Твое лицо — не маска, но где-то маска все же есть, и под этой маской ты — тот, кого простые люди называют какогенами, хотя доктор Талос объяснил мне однажды, что вы предпочитаете зваться иеродулами.

Мальрубиус снова положил свою руку на мою.

— Мы не стали бы обманывать тебя, если бы могли. Но я надеюсь, ты сам готов обмануться, на благо себе и всему Урсу. Сейчас какой-то наркотик притупляет твой разум (гораздо сильнее, чем тебе кажется), как некогда ты был во власти сна, когда мы беседовали с тобой на лугу возле Стены. Если бы не действие наркотика, у тебя, возможно, не хватило бы смелости пойти с нами,

даже если бы ты видел нас, даже если бы здравый смысл подсказывал, что тебе следует поступить именно так.

— Пока здравый смысл не торопит меня с решением. Куда ты хочешь отвезти меня и чем вызвано такое рвение? Кто ты — мастер Мальрубиус или иеродул? — В ходе разговора я все чаще обращал внимание на деревья, которые стояли вокруг, точно солдаты, застывшие в ожидании, пока штабные офицеры обсуждают стратегию предстоящего боя. Ночь по-прежнему не спешила отступать, но даже здесь, в лесу, тьма начинала постепенно рассеиваться.

— Ты знаешь значение слова «иеродул»? Я — Мальрубиус, а не иеродул. Скорее у меня с ними общие хозяева. «Иеродул» означает «священный раб». По-твоему, бывают рабы без хозяев?

— И ты отвезешь меня?..

— К Океану, чтобы сохранить тебе жизнь. — Он будто прочитал мои мысли, ибо тут же продолжил: — Нет, мы не везем тебя к любовницам Абайи, которые берегли и лелеяли тебя потому, что ты был палачом, а станешь Автархом. В любом случае над тобой нависла угроза пострашнее. Скоро рабы Эребуса, державшие тебя здесь в заключении, увидят, что клетка опустела; и тогда

Эребус бросит и эту армию, и многие другие в самую бездну, лишь бы только достать тебя. Ну же, пошли. — И он втащил меня на трап.

31. ПЕСЧАНЫЙ САД

Этот корабль приводился в движение невидимыми руками. Я полагал, что мы плавно поднимемся ввысь словно флайер или растаем, как зеленый человек в коридоре, протянувшемся во Времени. Но мы взмыли так стремительно, что меня чуть не стошнило; у борта я слышал треск ломающихся могучих ветвей.

— Теперь ты Автарх, — сказал мне Мальрубиус. — Ты хоть знаешь об этом? — Казалось, его голос смешался со свистом ветра в снастях.

— Да. Мой предшественник, чей разум теперь принадлежит к числу моих, когда-то точно так же занял сей высокий пост. Я знаю секретные пароли, слова, облеченные властью, но еще не имел времени, чтобы поразмыслить над ними. Ты возвращаешь меня в Обитель Абсолюта?

— Нет, ты не готов. — Он покачал головой. — Думаешь, теперь тебе доступны знания старого Автарха? Ты прав, но их еще требуется усвоить, ведь когда начнутся настоящие испытания, ты не раз столкнешься с теми, кто, не колеблясь, убьет тебя, стоит лишь тебе запнуться. Ты вос-

питывался в Цитадели Нессуса — какой пароль для местного кастеляна? Как управлять обезьянолюдьми из шахты с сокровищами? Какие слова открывают подвалы Второй Обители? Можешь не говорить мне, поскольку все это — великие тайны твоего государства, к тому же я и без тебя их знаю. Но можешь ли ты сам пользоваться этими тайнами без долгих раздумий?

Все нужные слова уже вертелись в моем сознании, но мне никак не удавалось произнести их вслух. Фразы, как мелкая рыбешка, ускользали от меня в разные стороны, и в итоге, промучившись некоторое время, я лишь недоуменно пожал плечами.

— Тебе еще кое-что предстоит сделать. Это связано с одним приключением возле воды.

— Что именно?

— Если я скажу тебе, то какое же это будет приключение? Но не волнуйся. Это не отнимет у тебя много сил и закончится-не успеешь глазом моргнуть. Однако я должен многое объяснить тебе, а времени у меня в обрез. Веришь ли ты в приход Нового Солнца?

Как прежде я пытался нащупать в собственном сознании ключевые слова власти, так и теперь копался в себе в поисках веры; но и на этот раз

результат был не более утешителен.

— Всю жизнь меня учили верить. Но мои учителя — одним из них был настоящий Мальрубиус, — кажется, сами не верили в это. Вот почему я не могу ответить, верю я или нет.

Кто это — Новое Солнце? Человек? Если человек, то почему при его приходе вся зелень вновь нальется жизнью, а амбары заполнятся зерном?

Теперь, когда я только стал осознавать, что наследовал Содружество, было довольно неприятно возвращаться к вопросам, которым я рассеянно внимал еще в детстве.

— Он будет вернувшимся Миротворцем, его воплощением, несущим с собой справедливость и мир. На картинах его изображают с лицом, сияющим, как солнце. Я был учеником палачей, а не прислужником в храме, и это все, что я могу сказать тебе, — признался я и поплотнее закутался в плащ от холодного ветра. Трискель свернулся у моих ног.

— А в чем человечество нуждается больше? В справедливости и мире? Или же в Новом Солнце?

Тут я попытался улыбнуться.

— Сдается мне, что хоть ты и не можешь быть моим старым учителем, но вобрал в себя его лич-

ность, как я впитал личность шатлены Теклы. Если дело обстоит именно так, то ты уже знаешь мой ответ на свой вопрос. Клиент, доведенный до крайности, желает лишь тепла, пищи и избавления от боли. Мир и справедливость приходят позже. Дождь символизирует сострадание, а солнечный свет — милосердие, но дождь и солнечный свет — это лучше, чем милосердие и сострадание. В противном случае они бы принизили значение того, что символизируют.

— Ты во многом прав. Известный тебе мастер Мальрубиус действительно живет во мне, а твой старый пес Трискель — в этом Трискеле. Но сейчас это неважно. Если хватит времени, ты сам поймешь, прежде чем мы уйдем. — Мальрубиус закрыл глаза и почесал седые волосы на груди, именно так, как он делал в ту пору, когда я принадлежал к числу самых младших учеников. — Ты боялся ступить на борт этого маленького корабля, хоть я и обещал, что он не увезет тебя ни с Урса, ни даже за пределы твоего континента. Допустим, я сказал бы (заметь, я ничего подобного не говорю, но предположим такую возможность), что на самом деле мы улетим с Урса, минуем орбиту Фалега, которого вы зовете Вертанди, оставим позади Бефора и Аратронь

и выйдем наконец во внешнюю тьму, а через нее — в иные места. Испугает ли тебя подобная перспектива после того, раз уж ты уже летишь с нами?

— Никому не по душе признаваться в том, что он боится. И все же меня это пугает.

— Со страхом или нет, но полетел бы ты, если б это могло приблизить приход Нового Солнца?

Мне тут же показалось, что ледяной призрак из бездны уже обвил своими щупальцами мое сердце. Нет, меня не водили за нос, да он и не собирался обманывать меня. Ответить утвердительно — значит, предпринять это путешествие. Я молчал в нерешительности, прислушиваясь к собственному сердцебиению.

— Если не готов — не отвечай. Мы спросим тебя еще раз. Но я ничего больше не могу рассказать, пока ты не ответил.

Я долго стоял на той странной палубе, иногда прохаживался взад-вперед, дуя на замерзшие пальцы, а вокруг толпились все мои мысли. Звезды наблюдали за нами, и глаза мастера Мальрубиуса казались мне лишней парой звезд на небе. Наконец я подошел к нему и произнес:

— Я давно хотел… если бы это ускорило приход Нового Солнца, я бы полетел.

— Не могу дать тебе никаких гарантий. Если бы это только могло приблизить приход Нового Солнца, отправился бы ты тогда? Справедливость и мир — да, но Новое Солнце — такой всплеск тепла и энергии на Урсе, какой он испытал на себе еще до рождения первого человека.

И тут я подхожу к самому удивительному моменту в своем и так уже затянувшемся повествовании. Но тот миг не был отмечен ни особым звуком, ни странным видением, ни появлением говорящего зверя или гигантской женщины. Просто при последних словах я ощутил давление на грудную клетку, как некогда в Траксе, когда я понял, что должен отправиться с Когтем на север. И я вспомнил девушку в убогой хижине.

— Да, — сказал я. — Если бы это могло приблизить приход Нового Солнца, я бы полетел.

— А что, если бы тебе там пришлось подвергнуться испытанию? Ты ведь знал того, кто был Автархом до тебя, и под конец даже любил его. Он живет в тебе. Был он мужчиной?

— Он был человеком — в отличие от тебя, мастер.

— Ты и сам прекрасно понимаешь, что мой вопрос состоял не в этом. Был ли он мужчиной, как ты — половинкой диады мужчины и женщины?

Я покачал головой.

— Ты тоже станешь таким, если не выдержишь испытания. А теперь ты бы полетел?

Трискель положил свою покрытую шрамами голову мне на колени — посланник всех увечных тварей; посланник Автарха, который носил поднос в Обители Абсолюта и лежал парализованным в паланкине, желая передать мне то многоголосие, что гудело в его черепной коробке; посланник Теклы, корчившейся на «революционизаторе», и той женщины (которую даже я, всегда хваставшийся своей безотказной памятью, почти забыл), что когда-то истекала кровью и умерла под нашей башней. Возможно, именно встреча с Трискелем, которая, по моим же словам, ничего не меняла, в конечном счете изменила все. На этот раз мне не потребовалось отвечать; мастер Мальрубиус прочел ответ на моем лице.

— Ты знаешь о провалах в космическом пространстве, которые иногда называют Черными Дырами и откуда никогда не возвращаются ни частицы материи, ни отблески света? Но до сих пор ты не знал, что эти провалы дублируются Белыми Фонтанами, откуда материя и энергия, отторгнутая высшей вселенной, проливается бесконечным водопадом в нашу вселенную. Если ты

удачно пройдешь испытание, то есть если нашу расу сочтут готовой вновь бороздить обширные моря пространства, тогда такой Белый Фонтан будет создан в самом сердце нашего солнца.

— А если я потерплю неудачу?

— В таком случае тебя лишат мужества, чтобы ты не мог передать Трон Феникса своим потомкам. Твой предшественник тоже принял этот вызов.

— И не выдержал испытания. Это ясно из твоих слов.

— Да. Но тем не менее он был отважней многих, кого зовут героями. Он первым из длинной череды правителей предпринял это путешествие. Последним перед ним был Имар, о котором ты, наверное, слышал.

— Но Имара, должно быть, тоже сочли непригодным. Мы уже летим? Я вижу только звезды за парапетом. Мастер Мальрубиус покачал головой.

— Ты переоцениваешь свою внимательность. Мы уже почти у цели.

Пошатываясь, я подошел к ограждению. Думаю, моя нетвердая походка объяснялась не только движением корабля, но и остаточным действием наркотика.

Ночь по-прежнему окутывала Урс, ибо мы

быстро неслись на запад, и туманный рассвет, который застал нас в джунглях, в расположении асцианской армии, сюда еще не добрался. Через мгновение я увидел, что звезды за бортом будто с неохотой волнообразными движениями перемещаются в небесах. И словно что-то струилось среди звезд, как ветер гуляет по пшеничному полю. Затем я подумал: «Вот оно — то самое море…», и тут же мастер Мальрубиус произнес:

— Это великое море зовется Океаном.

— Я давно мечтал побывать там.

— Очень скоро ты будешь стоять на его берегу. Ты спрашивал, когда ты покинешь эту планету. Не раньше, чем утвердится здесь твоя власть. Когда город и Обитель Абсолюта подчинятся тебе, а твои армии отразят вторжение рабов Эребуса. Возможно — через пару лет. Но, быть может, и нескольких десятилетий окажется недостаточно. Мы оба явимся за тобой.

— Ты нынче не первый, кто говорит мне о грядущей встрече, — признался я.

Произнося эти слова, я почувствовал легкий толчок, как бывает, когда ведомая умелым рулевым лодка причаливает к пирсу. Спустившись по трапу, я ступил на песок, мастер Мальрубиус и Трискель последовали за мной. Я спросил, оста-

нутся ли они со мной, чтобы помочь советом.

— Совсем ненадолго. Если у тебя есть еще вопросы — спрашивай сейчас.

Серебристый язык трапа уже медленно втягивался в корпус корабля. Казалось, он еще не был полностью поднят, когда корабль взмыл вверх и унесся через ту же скважину в реальности, которой прежде воспользовался зеленый человек.

— Ты говорил о справедливости и мире, которые принесет Новое Солнце. Справедливо ли с его стороны вызывать меня в такую даль? И какое испытание я должен выдержать?

— К тебе взывает не он, а те, кто надеется призвать сюда Новое Солнце, — ответил мастер Мальрубиус, но я не понял его. Потом он вкратце изложил мне тайную историю Времени, то есть величайший из всех секретов, который я раскрою здесь в надлежащем месте. Когда он закончил, мой разум пришел в смятение, и я боялся забыть его слова, ибо услышанное казалось слишком колоссальным для простого смертного, поскольку я наконец понял, что туман, сомкнувшийся вокруг других, застилает глаза и мне.

— Ты обязательно это запомнишь. На пиру у Водалуса ты сказал, что наверняка забудешь тот глупый пароль, которому тебя научили в подра-

жание ключевым словам власти. Но ведь ты не забыл. Ты будешь помнить все. Не забудь также отринуть страх. Быть может, эпическая епитимья рода человеческого подходит к концу. Старый Автарх сказал тебе правду: мы не полетим вновь к звездам, пока не станем небесным созданием, но, возможно, это время уже близится. Не исключено, что в твоем лице достигнут синтез всех дивергентных тенденций нашей расы.

Трискель, по своему обыкновению, поднялся на задние лапы, потом развернулся и побежал по залитому звездным светом берегу, взметая тремя конечностями маленькие фонтанчики брызг. Отбежав на сотню шагов, он оглянулся и посмотрел на меня так, будто звал меня за собой.

Я сделал несколько шагов следом, но мастер Мальрубиус произнес:

— Ты не можешь пойти туда, куда направляется он, Северьян. Знаю, ты считаешь нас своего рода какогенами, и одно время мне казалось неразумным переубеждать тебя, но теперь я обязан это сделать. Мы — аквасторы, существа, созданные и поддерживаемые силой воображения и концентрации мысли.

— Мне доводилось слышать о подобных вещах, — сказал я ему. — Но ведь я прикасался к

тебе.

— Это ничего не доказывает. Мы столь же осязаемы, как большинство истинно фальшивых предметов — всего лишь танцующие в пространстве частицы. Тебе бы следовало знать, что подлинно только то, к чему невозможно прикоснуться. Однажды ты встретил женщину по имени Кириака, которая рассказала тебе историю о больших думающих машинах прошлого. На нашем корабле находится такая машина. Она способна заглянуть в твое сознание.

— Значит, ты и есть эта машина? — спросил я. Во мне росли чувство одиночества и смутный страх.

— Я — мастер Мальрубиус, а Трискель — это Трискель. А машина просто порылась в твоей памяти и обнаружила нас. Наши жизни в твоем сознании не такие полные, как жизнь Теклы или старого Автарха, и все же мы здесь — живем, пока жив ты. Но в этом материальном мире нас поддерживает энергия машины, а время ее действия — всего лишь несколько тысяч лет.

Мальрубиус еще не закончил говорить, а его плоть уже начала превращаться в светлую пыль. Одно мгновение она сверкала в холодном свете звезд, потом пропала. Трискель оставался со

мной на несколько ударов сердца дольше, а когда его желтый мех стал серебристым и развеялся на легком ветерке, я отчетливо расслышал лай своего пса.

Очутившись наедине с самим собой, я стоял на берегу моря, о котором так часто мечтал. В одиночестве я черпал удовольствие и, вдыхая местный неповторимый воздух, с улыбкой слушал тихую песнь миниатюрных волн. На востоке лежала суша — Нессус, Обитель Абсолюта и все остальное, на западе раскинулось море. Я же двинулся на север, ибо не желал так скоро покидать сей край и еще потому, что в том направлении, по самой кромке моря убежал мой Трискель. Там мог обитать великий Абайя со своими женщинами, но море было гораздо умнее и старше его. Мы, люди, как все живое на суше, вышли из моря; и поскольку мы не смогли покорить его, оно навсегда осталось нашим. Справа поднялось старое красное солнце и коснулось волн своей увядающей красотой. Я услышал призывные крики птиц, бесчисленных морских птиц.

К тому времени, когда тени стали заметно короче, я почувствовал усталость. Раны на лице и ноге причиняли мне боль. Я ничего не ел со вчерашнего дня и практически не спал, если не

считать состояние транса, в котором я пребывал в асцианской палатке. Подвернись удобное место, я бы непременно прилег отдохнуть, но солнце припекало, а прибрежные скалы вовсе не отбрасывали теней. Наконец я направился по следам двухколесной тележки и вышел к нескольким кустам шиповника, выросшим на песчаной дюне. Там я остановился, уселся в их тени, чтобы снять сапоги и высыпать песок, который забился сквозь расползшиеся швы.

Один из шипов, зацепившись за мое предплечье, отломился от ветки и впился в кожу, окрасив свой кончик алой капелькой крови величиной с просяное зернышко. Я вытащил занозу и… упал на колени.

То был Коготь.

Идеальный коготь, черный и блестящий, именно такой, каким я оставил его под алтарным камнем Пелерин. Все ветви на этом и других кустах были усеяны белыми цветами и такими же безупречными Когтями. Тот, что лежал на ладони, вспыхнул ярким светом, когда я взглянул на него.

В прошлом я расстался с Когтем, но сохранил маленький кожаный мешочек, который сшила Доркас. Теперь я достал его из ташки и, как

прежде, повесил себе на шею, вновь сохранив в нем Коготь. И тут только, убрав его с глаз долой, я вспомнил, что видел именно такой куст в Ботанических Садах, в самом начале своего путешествия.

Никому не дано объяснить подобные явления. С тех пор как я обосновался в Обители Абсолюта, я беседовал с гептархом и с различными акариями; но они могли лишь предложить, что Предвечный почему-то решил явиться мне в облике этих растений.

Тогда, преисполненный удивления, я и не задумывался об этом — но, быть может, нас специально направили в незавершенный Песчаный Сад? Я уже нес с собой Коготь, хотя и сам не знал об этом; Агия незаметно для меня засунула его под клапан ташки. А что, если мы пришли в недостроенный Песчаный Сад для того, чтобы Коготь, пролетев по ветру Времени, мог с кем-то попрощаться? Да, эта идея абсурдна. Но в таком случае абсурдны и все другие идеи.

Однако настоящее потрясение — потрясение в прямом смысле, ибо я даже пошатнулся, как при ударе, — я испытал при мысли, что если Вечный Принцип заключался в том изогнутом шипе, который я нес на груди многие лиги, а теперь

заключается в новом шипе (возможно, в том же самом), тогда он может содержаться в чем угодно, да, вероятно, и содержится — в каждом шипе на кустах, в каждой капле морской воды. Этот шип был Когтем потому, что все шипы являлись священными Когтями; песок в моих сапогах был священным, поскольку попал туда с морского берега, усыпанного священным песком. Кенобиты хранили мощи саньясинов потому, что те приблизились к Панкреатору. Но абсолютно все было приближено к Панкреатору и даже соприкасалось с ним, ибо все пролилось из его ладони. Все без исключения было священной реликвией. Я стянул сапоги, в которых зашел так далеко, и швырнул их в морские волны, чтобы не ступать в обуви по священной земле.

32. «САМРУ»

Я шагал вперед, словно могущественная армия, ибо ощущал себя в обществе всех тех, кто шествовал внутри меня. Меня окружала многочисленная охрана, да и сам я был личным охранником монарха. В моем войске встречались женщины, веселые и мрачные, а также дети, которые смеялись на бегу и, поддразнивая Эребуса и Абайю, бросали ракушки в морскую пучину.

Через полдня я добрался до устья Гьолла, такого широкого, что противоположный берег терялся в отдалении. Из воды торчали треугольники островов, а меж ними, словно облака меж горных вершин, держали свой путь корабли с волнующимися парусами. Я окликнул людей на судне, проплывавшем мимо, и попросил довезти меня до Нессуса. Со стороны я, должно быть, представлял довольно дикое зрелище: лицо в шрамах, разодранный плащ, выступающие ребра.

Тем не менее капитан (да воздается ему за его доброту) выслал к берегу шлюпку. Я заметил страх и благоговение в глазах гребцов. Возможно, на них произвел впечатление вид моих полузатя-

нувшихся ран; но эти люди повидали много ран на своем веку, и я вспомнил, что испытал нечто подобное, когда впервые увидел лицо Автарха в Лазурном Доме, хоть он и не был высоким мужчиной, да, по правде говоря, и мужчиной-то не был.

Двадцать дней и ночей «Самру» плыл вверх по Гьоллу. Мы шли под парусом, когда представлялась возможность, а в остальное время гребли веслами — по дюжине длинных на каждом борту. То было тяжкое плавание для моряков, ибо, хотя течение медлительно, почти незаметно, поток стремится День и ночь, а широкое русло так извилисто, что к вечеру гребцы нередко видят то место, откуда принялись за дело, когда барабанный бой возвестил начало вахты.

Для меня же это плавание обернулось увеселительной прогулкой. Я предлагал свою помощь и в работе с парусами, и на веслах, но моряки неизменно отказывали мне. Тогда я обратился к капитану, человеку с хитроватой физиономией, чья внешность, казалось, говорила, что он живет не только мореходством, но и торговлей, и обещал хорошо заплатить ему по прибытии в Нессус. Однако он и слушать об этом не хотел, заявив (подергивая себя за ус, как обычно, когда желал продемонстрировать свою искренность),

что мое общество — это уже достаточная награда для него и всей команды. Вряд ли они догадывались, что я — их Автарх. Из опасения встретиться с такими людьми, как Водалус, я не позволял себе ни малейшего намека на этот счет. Но, глядя мне в глаза и подмечая некоторые странности в поведении, они, похоже, посчитали меня адептом.

Эпизод с мечом капитана, вероятно, лишь подбросил пищу для их пересудов. Это был кракемарт, самый тяжелый из мечей на вооружении у моряков — клинком шириной в мою ладонь, круто изогнутый, с выгравированными на нем звездами, солнцами и другими символами, значение которых оставалось загадкой для хозяина. Капитан носил его в тех случаях, когда корабль приближался к береговым деревням или при встрече с другими судами, когда требовалось поддержать собственное достоинство. Но в остальное время меч лежал на шканцах. Там я и набрел на него, и, поскольку маялся от безделья, наблюдая, как на поверхности зеленой воды качаются щепки и кожура от фруктов, я достал половинку точильного камня и стал править лезвие. Скоро капитан, заметив, что я проверяю большим пальцем качество проделанной работы, принялся расхваливать свои способности фехтовальщика.

Так как кракемарт был почти вдвое легче, чем «Терминус Эст», и имел короткую рукоять, меня немало позабавило это бахвальство; я с удовольствием слушал примерно полстражи. Случилось так, что возле меня лежала бухта пенькового каната, толщиной с мое запястье, и когда капитану наскучили собственные россказни, я попросил его и еще одного матроса растянуть кусок каната длиной кубита в три. Кракемарт разрезал его, как волосок, и не успели моряки перевести дух, как я подбросил меч в воздух к солнцу и поймал его на излете за рукоять.

Боюсь, этот случай ясно показывает, что силы начали возвращаться ко мне. Безделье, простая пища и свежий воздух — едва ли увлекательная тема для читателя, но вкупе они оказывают чудодейственное влияние на израненного и истощенного человека.

Капитан с готовностью предоставил бы мне свою каюту, если бы я согласился на это, но я предпочел спать на палубе, завернувшись в плащ, а в одну дождливую ночь нашел убежище под шлюпкой, лежавшей в центре корабля килем вверх. Как выяснилось во время плавания, ветры стихают, когда Урс поворачивается спиной к солнцу; поэтому я чаще всего укладывался спать

под песнь гребцов, а просыпался от звона якорной цепи.

Иногда я пробуждался еще до наступления утра, когда корабль проходил вблизи от берега и на палубе маячил лишь сонный вахтенный. А бывало, меня будил свет звезд, и я наблюдал, как наше судно медленно скользит вперед под зарифленными парусами с помощником капитана у штурвала и матросами, прикорнувшими у фалов. В одну такую ночь, вскоре после того, как мы миновали Стену, я вышел на корму и увидел фосфоресцирующий шлейф в кильватере, точно холодные отблески огня на темной воде; и мне представилось на миг, что это обезьянолюди выбираются из шахты в надежде излечиться при помощи Когтя или же отомстить за старую обиду. В этом, разумеется, не было ничего удивительного — просто глупая ошибка сознания, одурманенного сном. То, что произошло на следующее утро, тоже, в сущности, не было чем-то особенно странным, но произвело на меня глубокое впечатление.

Гребцы равномерно работали веслами, выводя корабль через излучину длиною в несколько лиг к тому месту, где мы могли бы поймать попутный ветер. Думаю, барабанный бой и плеск

воды, стекающей с лопастей весел, действуют гипнотически, поскольку поразительно похожи на биение человеческого сердца во сне и тот шум, что производит кровь, когда стремится мимо внутреннего уха к мозгу.

Я стоял у поручней и глядел на берег, все еще болотистый на тех участках, где поля древности некогда затоплялись илистым Гьоллом; и мне почудилось, что я уловил в расположении бугров и пригорков какой-то заданный порядок, точно вся эта обширная дикая местность имела некую геометрическую душу (как у некоторых картин), которая ускользала от прямого взгляда, но появлялась вновь, стоило мне отвернуться. Подошел капитан, и я сказал ему, что слышал, будто руины города растянулись вдоль реки на много лиг, и спросил, когда мы их увидим. Он засмеялся и объяснил, что мы уже два дня подряд плывем мимо них. Затем он передал мне свою подзорную трубу, и я лично убедился в том, что принятый мною за пень объект — это на самом деле разбитая и опрокинутая колонна, заросшая мхом.

И тогда все — стены, улицы, памятники — будто разом выпрыгнули из укрытия, как каменный город, восстановившийся на наших глазах, когда мы с двумя ведьмами наблюдали за чудом с

крыши гробницы. Никаких изменений вне моего сознания не произошло, но сам я был перенесен, гораздо быстрее, чем на корабле мастера Мальрубиуса, из глухой сельской местности в самый центр огромного древнего города, лежащего в руинах.

Даже теперь я не могу не удивляться тому, сколь многое мы по невнимательности упускаем из виду. В течение многих недель мой друг Иона казался мне всего лишь мужчиной с искусственной рукой, а путешествуя с Балдандерсом и доктором Талосом, я проглядел добрую сотню ключевых моментов, которые подсказали бы мне, что хозяином был именно Балдандерс. Как удивился я, выйдя за городские ворота и обнаружив, что Балдандерс не сбежал от доктора, когда ему представился случай!

По мере того как день клонился к вечеру, очертания руин прорисовывались все отчетливей. При каждом новом повороте реки зеленые стены поднимались выше, а почва у их основания становилась тверже. Проснувшись на следующее утро, я заметил среди развалин отдельные здания, настолько прочные, что сохранились их верхние этажи. Вскоре после этого я увидел маленькую лодку, совсем новую, привязанную к

древнему пирсу. Я указал на нее капитану, который улыбнулся моей наивности и объяснил:

— Целые семейства из поколения в поколение живут тем, что прочесывают эти развалины.

— Мне говорили об этом, но эта лодка не может принадлежать подобным людям. Она слишком мала, чтобы в ней уместилась богатая добыча.

— Драгоценности или монеты, — продолжал настаивать он. — Кроме мародеров, тут никто больше не высаживается. Закон здесь бессилен; мародеры убивают друг друга, а также всякого, кто сунется сюда.

— Я должен там побывать. Ты подождешь?

Он уставился на меня как на помешанного.

— Сколько придется ждать?

— До полудня. Не дольше.

— Гляди, — сказал он и указал куда-то рукой. — Там впереди последняя излучина. Высаживайся здесь и встречай нас там, за поворотом. Мы доберемся туда не раньше полудня.

Я согласился, и он спустил для меня шлюпку и приказал четырем гребцам доставить меня на берег. Прежде чем шлюпка отвалила от борта, капитан снял с пояса свой кракемарт и вручил его мне, торжественно промолвив:

— Этот меч послужил мне верой и правдой

во многих отчаянных схватках. Обрушь его на их головы, но постарайся не зазубрить лезвие о пряжку на ремне.

Я с благодарностью принял меч из его рук, но признался, что всегда предпочитал шеи.

— Это годится, но только если рядом нет товарищей, которых ты можешь задеть, орудуя мечом плашмя, — сказал он и дернул себя за ус.

Сидя на корме шлюпки, я имел возможность разглядеть лица гребцов, и мне стало ясно, что они боятся берега почти так же, как и меня. Они причалили борт о борт с маленькой лодкой, а потом чуть не перевернули собственную шлюпку — так спешили убраться восвояси. Убедившись, что зрение не обмануло меня и с борта корабля я видел именно увядший алый мак, брошенный на единственном сиденье в лодке, я проводил взглядом удалявшуюся шлюпку. Несмотря на покинутый ветер, моряки на «Самру» спустили весла и принялись грести с удвоенной энергией. Капитан, вероятно, рассчитывал миновать излучину как можно быстрее, и если бы меня не оказалось в условленном месте, он продолжил бы путь без меня, а потом говорил бы себе (а быть может, всем, кто станет интересоваться), что это я, а не он нарушил договоренность. Расставшись

с кракемартом, он еще больше успокоил свою совесть.

От пирса вели каменные ступени, очень похожие на те, с которых я сигал в воду в детстве. Верхняя площадка была пуста и, как лужайка, заросла сочной травой, пустившей корни меж камнями. Передо мной лежал разрушенный город, мой собственный город Нессус, но то был Нессус давно ушедших времен. В небе кружились две-три птицы, но они оставались столь же немы, как потускневшие при солнце звезды. Гьолл, что-то шептавший в середине потока, казалось, уже отрешился и от меня, и от пустых остовов зданий, среди которых я пробирался. Как только его течение скрылось из виду, он стих, как смолкает робкий посетитель, стоит нам на мгновение покинуть комнату.

Это место не слишком походило на квартал, где (по заверению Доркас) можно было разжиться мебелью и всякой посудой. Сначала я часто заглядывал в окна и двери, но не нашел ничего, кроме мусора да нескольких желтых листьев, которые сорвались с молодых деревьев, пробившихся между вывороченными камнями мостовой. Не заметил я и следов грабителей — лишь помет животных, перья и разбросанные кости.

Не знаю, далеко ли я ушел от берега. Казалось — на целую лигу, но, может быть, гораздо ближе. Тот факт, что, оставив «Самру», я лишился транспортного средства, не особенно беспокоил меня. Ведь большую часть пути из Нессуса до охваченных войной гор я проделал пешком, и хоть ступал я еще нетвердо, мои босые ноги уже успели загрубеть на палубе корабля. Поскольку я так и не привык носить меч на поясе, то вытащил кракемарт из ножен и положил его на плечо, как часто носил «Терминус Эст». Летнее солнце давало то особое изумительное ощущение тепла, которое возникает лишь в тот момент, когда в утренний воздух прокрадывается чуть заметный холодок. Я наслаждался этим ощущением и вкупе с тишиной и одиночеством получил бы еще большее удовольствие, если бы не мысли о том, что я скажу Доркас при встрече и что она ответит мне.

Знай я, как все обернется, заранее — уберег бы себя от лишних забот. Я набрел на нее гораздо раньше, чем мог рассчитывать, и мне не пришлось ничего говорить. Она тоже не произнесла ни слова и, судя по всему, даже не видела меня.

Большие и прочные здания, стоявшие у самого берега, давно уступили место своим меньшим собратьям — обрушившимся конструкциям, ко-

торые некогда были жилыми домами и лавками. Я и сам не знаю, что привело меня к ее дому. Я не слышал рыданий, хотя не исключено, что подсознательно отметил какой-то едва уловимый звук — скрип дверной петли или шарканье башмака. А может, то был лишь цветочный аромат, ибо сначала я увидел аронник в ее волосах, белый в крапинку и свежий, как сама Доркас. Несомненно, она принесла его сюда специально, предварительно вынув из волос увядший мак, который бросила, когда привязывала лодку к причалу. (Но я забежал вперед в своем повествовании.)

Я попробовал войти через парадный вход, но гниющий пол проседал до фундамента, так как перекрытия рухнули. Казалось, кладовая в тыльной части здания еще менее доступна, тихая тенистая аллея, заросшая папоротником, некогда таила в себе серьезную угрозу, и лавочники либо проделывали в задней стене маленькие отверстия, либо вовсе обходились там без окон. Однако я обнаружил узкую дверцу, скрытую под зарослями плюща. Железные запоры были съедены дождем точно сахар, а дубовые доски превратились в труху. Довольно крепкая лестница вела на верхний этаж.

Доркас стояла на коленях, спиной ко мне. Она всегда была стройной; теперь же ее плечи напоминали мне спинку деревянного кресла, на которое набросили женский жакет. Волосы цвета тусклого золота остались теми же, что и прежде, — ничуть не изменились с тех пор, как я впервые увидел ее в Саду Непробудного Сна. Перед ней на носилках лежало тело старика, владельца памятного мне ялика. И спина его была так пряма, а мертвое лицо так молодо, что я едва узнал беднягу. На полу возле нее стояла корзина, не большая, но и не очень маленькая, а также закупоренный кувшин для воды.

Я молча наблюдал за ней некоторое время, а потом ушел прочь. Если бы она пробыла там достаточно долго, я бы окликнул ее и обнял. Но явилась она совсем недавно, и я понял, что мне не следует этого делать. Пока я странствовал от Тракса до озера Диутурн, а оттуда до полей сражения, пока я был узником Водалуса и плыл вверх по Гьоллу, она возвращалась домой, туда, где жила лет сорок назад или больше, хоть ныне это место и пришло в упадок.

Да и я сам, ископаемое, облепленное древними реликвиями, точно смердящий труп — мухами, давно пришел в упадок. Не то чтобы я одряхлел

под гнетом сознания Теклы, прежнего Автарха или живущей в нем сотни. Нет, не их память, но мои собственные воспоминания состарили меня, когда я думал о нас с Доркас, дрожавших на примятой осоке плавучей тропинки, продрогших и промокших до нитки, по очереди прикладывавшихся к горлышку фляжки Хильдегрина, как двое детей, которыми мы, в сущности, и были.

Я не отдавал себе отчета в том, куда направился после. Двинулся прямиком по длинной улице, наполненной тишиной, а когда та наконец закончилась, свернул наугад в сторону. Вскоре я вышел к Гьоллу и, бросив взгляд вниз по течению, увидел «Самру», который стоял на якоре в условленном месте. Заплывший сюда из открытого моря базилозавр не удивил бы меня сильнее.

Через несколько мгновений вокруг меня столпились ухмыляющиеся моряки. Капитан крепко пожал мне руку.

— Я боялся, что мы подоспеем слишком поздно, — признался он. — Я живо представлял, как ты борешься за свою жизнь на берегу, а между нами еще добрых пол-лиги.

Помощник, чья беспросветная глупость заставляла его верить в лидерство капитана, хлопнул меня по плечу и крикнул:

— Уж он бы задал им жару!

33. ЦИТАДЕЛЬ АВТАРХА

Хотя каждая лига, отделявшая меня от Доркас, разрывала мне сердце, я испытывал несказанное облегчение, снова оказавшись на борту «Самру» и оставив позади все, что увидел на пустынном и мертвенно-тихом юге.

Палубы, внешне не блиставшие чистотой, были сколочены из белого, свежесрубленного леса и ежедневно драились большой циновкой, так называемым «медведем», сплетенным из старых снастей. Перед завтраком на «медведя» усаживались два наших кока, и команде приходилось таскать их взад-вперед по обшивке, тщательно отскабливая каждую пядь ее поверхности. Щели между досками заливали варом, поэтому палуба казалась улицей, вымощенной в соответствии со смелым фантастическим проектом.

Нос поднимался высоко вверх и загибался над палубой. Глаза — каждый зрачок величиной с тарелку и с небесно-голубой радужной оболочкой, намалеванной самой яркой из имевшихся в распоряжении красок, — глядели в зеленоватую воду реки, выбирая надежный фарватер. Левый

глаз плакал якорной цепью.

Раскрашенная резная фигура на носу, поддерживаемая (треугольным деревянным брасом, сверкала позолотой, изображая птицу вечности. Голова ее была женской, лицо длинное, аристократическое, глаза — крошечные черные точки. Ее полная отрешенность являла собой величественный комментарий на тему мрачного спокойствия тех, кто никогда не познает смерть. Расписные деревянные перья, ниспадая на плечи, закрывали и полушария грудей. Вместо рук были крылья, поднятые вверх и откинутые назад так, что их кончики торчали над форштевнем, а главные маховые перья частично заслоняли треугольник браса. Я бы посчитал эту женщину-птицу абсолютно неправдоподобным созданием (как, несомненно, полагали моряки), если бы мне не довелось собственными глазами видеть анпиел Автарха.

Длинный бушприт переходил в форштевень как раз между крыльями «Самру». Над баком поднималась фок-мачта, лишь немногим длиннее бушприта. Чтобы освободить пространство для фока, она чуть наклонялась вперед, будто ее подтянули к себе носовые снасти и кливер. Грот-мачта, напротив, стояла прямо, как некогда сосна

в строевом лесу, зато бизань-мачта отклонялась назад, так что верхушки всех трех мачт отстояли друг от друга значительно дальше, чем основания. Каждая из названных мачт имела косой рей из двух связанных друг с другой и сужающихся по концам перекладин, которые некогда представляли собой цельные стволы молодых деревьев; на каждом рее крепился один треугольный парус цвета ржавчины.

За исключением уже упомянутых глаз и носовой фигуры, а также леера на юте, где алый цвет символизировал высокое положение капитана и его изобилующее кровавыми схватками прошлое, корпус корабля был белым ниже ватерлинии и черным — над водой. Ют тянулся лишь на одну шестую длины «Самру», но именно там находились штурвал и нактоуз, и именно оттуда за отсутствием переплетения снастей открывался самый лучший вид. Единственным внушительным оружием на корабле была поворотная пушка, ненамного крупнее, чем на спине у Мамиллиана, готовая дать отпор и пиратам, и всякого рода мятежникам. Сразу за кормовым леером, на двух железных столбах, изогнутых, как усики сверчка, висели многогранные фонари, один бледно-красный, другой зеленоватый, как

лунный свет.

На следующий вечер я стоял у этих фонарей и слушал глухой барабанный бой, тихий плеск воды под веслами и монотонное пение гребцов, когда заметил на берегу реки первые огни. То были умирающие окраины города, жилища беднейших представителей бедноты; но жизнь теплилась на этих окраинах, а значит, здесь заканчивались владения смерти. Люди готовились ко сну, возможно, еще делили скромную трапезу, знаменующую собой завершение трудного дня. Я видел тысячи добрых дел в этих огнях, слышал тысячи историй, рассказанных у очага. В каком-то смысле я снова оказался дома; и та же самая песня, что гнала меня в путь весной, теперь перенесла меня назад:

Вдарь, братцы, вдарь!
Теченье против нас,
Вдарь, братцы, вдарь,
Однако ж бог за нас!
Вдарь, братцы, вдарь!
И ветер против нас,
Вдарь, братцы, вдарь,
Однако ж бог за нас!

И я невольно задумался, кто отправляется в дорогу тем вечером.

Всякая длинная история, если изложение отличается точностью, обязательно включает в себя все элементы человеческой драмы, разыгравшейся с тех пор, как первый примитивный корабль достиг берега Луны, — не только благородные деяния и нежные чувства, но и гротеск, комизм и тому подобное. Я стремился изложить здесь неприукрашенную правду, нисколько не заботясь о том, не посчитаешь ли ты, мой читатель, какую-нибудь из сцен маловероятной или непозволительно пресной; и если батальная сцена в горах изобиловала подвигами (к которым я по большей части не имел отношения), мое заточение у Водалуса и асциан было проникнуто трагизмом, а плавание на «Самру» представляло собой мирную интермедию, то теперь мы перейдем к комедийному эпизоду.

Днем при попутном ветре мы достигли той части города, где стоит Цитадель, то есть значительно продвинулись на юг. Я внимательно смотрел на восточный берег, позолоченный солнечным светом, и наконец попросил капитана высадить меня на скользкие ступени, там, где я когда-то купался и участвовал в потасовках. Я рассчитывал пройти через ворота некрополя и таким образом пробраться в Цитадель через

пролом в стене у Башни Сообразности; но ворота были заперты, и поблизости не оказалось отряда доверчивых добровольцев, чтобы впустить меня внутрь. Поэтому мне пришлось прошагать много чейнов по периметру некрополя, а потом еще порядочное расстояние вдоль куртины до барбакана.

Там я наткнулся на многочисленную стражу, препроводившую меня к их офицеру. Когда я сказал ему, что являюсь палачом, он принял меня за одного из тех бедолаг, которые часто с наступлением зимы стремятся попасть в нашу гильдию. В итоге он решил (и вполне обоснованно, окажись его предположение верным), что меня следует наказать плетьми. Чтобы избежать порки, я был вынужден сломать большие пальцы двум стражникам, а затем, применив к офицеру захват под названием «котенок и мячик», потребовал отвести меня к его начальнику, кастеляну.

Признаюсь, я испытывал легкий трепет при мысли о кастеляне, которого я ни разу толком не видел за все годы ученичества в крепости под его началом. Он оказался старым воякой с посеребренными сединой волосами и таким же хромым, как и я. Стоявший рядом со мной офицер, запинаясь, бормотал обвинения в мой адрес: дескать,

я напал и нанес оскорбление (ложь!) его персоне, покалечил двоих из его людей и тому подобное. Когда он закончил, кастелян перевел взгляд с меня на офицера и обратно, а затем, отпустив подчиненного, предложил мне сесть.

— Ты безоружен, — проговорил он. У него был хриплый, тихий голос, будто он сорвал его, выкрикивая команды. Я подтвердил, что он не ошибся.

— Но ты знаешь о войне не понаслышке и побывал в джунглях к северу от гор, где боев не было с тех пор, как они обошли наш фланг, миновав Уроборос.

— Верно, — ответил я. — Но откуда это тебе известно?

— Рана у тебя на бедре нанесена их копьем. Я достаточно повидал таких ран, чтобы научиться их распознавать. Луч пронзил мускулы, отразившись от кости. Ты мог сидеть на дереве, а хастарус сбил тебя на землю. Но скорее всего ты в конном строю атаковал пехоту. Нет, не катафракт, иначе им бы не справиться с тобой так легко. Может быть, ты из уланов?

— Я всего лишь из легких нерегулярных.

— Позднее тебе придется рассказать об этом подробней, ведь, судя по акценту, ты горожанин, а они по большей части эклектики и прочий сброд.

Я вижу у тебя на ноге двойной шрам, белый и чистый, с отметинами в полупяди одна от другой. Это укус летучей мыши-кровопийцы, а такие крупные экземпляры водятся только в дебрях джунглей на поясе мира. Как ты там оказался?

— Наш флайер потерпел крушение. Меня взяли в плен.

— И тебе удалось бежать?

Еще через мгновение меня бы вынудили рассказать об Агии, о зеленом человеке и моем путешествии из джунглей к устью Гьолла, а это были слишком серьезные темы, чтобы обращаться к ним мимоходом. Поэтому вместо ответа я произнес ключевые слова власти, предназначенные для Цитадели и ее кастеляна.

Будь моя воля, я, памятуя о хромоте кастеляна, удержал бы его на месте; однако он вскочил на ноги и отдал мне честь, потом, упав на колени, поцеловал мне руку. Итак, он, сам не ведая того, оказался первым, кто засвидетельствовал мне должное почтение, получив таким образом право на ежегодную частную аудиенцию — привилегия, которой он до сих пор не воспользовался и, вероятно, не воспользуется никогда.

Я не мог продолжать путь в прежней одежде. Если б я попробовал настоять на своем, старый

кастелян, наверное, умер бы от удара; к тому же он так беспокоился о моей безопасности, что, пожелай я остаться инкогнито, за мной по пятам все равно послали бы взвод алебардщиков. Вскоре на меня напялили лазуритовый язерант, котурны и стефан, вручили эбеновый жезл и набросили широкую шелковую накидку, расшитую тусклым жемчугом. Все эти неописуемо древние вещи были извлечены из запасов, хранившихся еще с тех времен, когда Цитадель служила резиденцией автархов.

Вопреки своему желанию вернуться в нашу башню в том самом плаще, в котором я покинул ее, я предстал там в совершенно неузнаваемом обличье — в причудливом парадном одеянии, худой как скелет, хромой и покрытый отвратительными шрамами. Именно в таком виде я вошел в кабинет мастера Палаэмона и, должно быть, напугал его до полусмерти, ведь всего за минуту-другую до моего появления ему сообщили, что явившийся в Цитадель Автарх желает побеседовать с ним.

Мне показалось, он сильно постарел за время моего отсутствия. Возможно, такое впечатление возникло у меня лишь потому, что я помнил его таким, каким видел его в детстве, в нашей

маленькой классной комнате, а не прямо перед моим изгнанием. И все же мне хотелось бы думать, что он тревожился за меня, и, наверное, я был не так уж далек от истины. Ведь я всегда был его лучшим и любимым учеником; именно он спас мне жизнь, заступившись за меня перед мастером Гурло; наконец, именно он отдал мне свой меч.

Как бы то ни было, его лицо избороздили новые, более глубокие морщины, а редкие волосы, лишь тронутые сединой, теперь приобрели тот желтоватый оттенок, что встречается у старой слоновой кости. Встав на колени, он поцеловал мне пальцы и весьма удивился, когда я помог ему подняться на ноги и предложил вновь сесть за стол.

— Вы слишком добры ко мне, Автарх, — проговорил он. Потом произнес старинную формулу: — Ваша милость простирается от солнца к Солнцу.

— Ты не помнишь нас?

— Разве вы были заключены здесь? — Он всмотрелся в мое лицо сквозь странную конструкцию из увеличительных стекол, которые только и позволяли ему хоть что-либо видеть, и я подумал, что его зрение, задолго до моего рождения

испорченное из-за бледных чернил гильдийских отчетов, должно быть, ухудшилось еще больше. — Похоже, вы пережили пытки. Но надеюсь, столь грубая работа — это не наших рук дело.

— Нет, вы не имеете к этому отношения, — заверил я, прикасаясь пальцами к рубцам на щеке. — Тем не менее мы некоторое время провели в подземелье под этой башней.

Он вздохнул (неглубокий старческий вздох) и опустил взгляд на разбросанные перед ним бумаги. Когда он заговорил, я едва расслышал его и попросил повторить.

— Вот оно и случилось, — сказал он. — Я знал, что так будет, но надеялся к тому времени умереть и стереться из людской памяти. Вы распустите нас, Автарх? Или поставите перед нами иную задачу?

— Мы еще не решили, что делать с вами и самой гильдией, которой ты служишь.

— Это не поможет. Если мои слова оскорбляют ваш слух, Автарх, я прошу сделать скидку на мой преклонный возраст… и все же это не поможет. В конечном счете обнаружится, что вам нужны люди, чтобы выполнять наши обязанности. Назовем это целительством, если угодно. Мы часто занимались врачеванием. Или ритуалом

— этого тоже было в избытке. Но вы поймете — чем обманчивее внешность, тем страшнее суть. Вы посадите в тюрьму тех, кто не заслуживает смерти? Тогда они составят могущественную армию, закованную в кандалы. Вы убедитесь, что содержите узников, чей побег обернулся бы катастрофой, и что вам нужны слуги, способные вершить правосудие над теми, кто с лихвой заслужил мучительную смерть. А кто, кроме нас, сделает это?

— Никто не сможет вершить правосудие так, как вы. Ты говоришь, наша милость простирается от солнца к Солнцу, и мы надеемся, что так оно и есть. Но нашей милостью мы подарим быструю смерть даже самым недостойным. Не из жалости, но поскольку невыносимо, что хорошие люди вынуждены всю свою жизнь причинять боль.

Голова его поднялась, линзы сверкнули. И тут впервые за все годы нашего знакомства я смог разглядеть юношу, которым он когда-то был.

— Это должны делать хорошие люди. Вам дали плохой совет, Автарх. Невыносимо как раз то, если эту работу станут выполнять дурные люди.

Я улыбнулся. Проглянувший в нем юноша напомнил мне то, что я вытеснил из собственного сознания несколько месяцев назад. Гильдия была

моей семьей, моим единственным домом, в прошлом и будущем. Если бы я не смог найти здесь друзей, то не нашел бы их и во всем мире.

— Между нами говоря, мастер, — сказал я, — мы решили вообще отказаться от этого.

Он не ответил и, судя по выражению его лица, даже не слышал моих слов. Он прислушивался лишь к моему голосу. Сомнение и радость сменяли друг друга на его старческом изнуренном лице, словно тени и огненные блики.

— Да, — подтвердил я. — Это — Северьян. — И пока он с трудом овладевал собой, я подошел к двери и взял ташку, которую по моему приказу принес один из офицеров охраны. Ранее я завернул ее в останки моего гильдийского плаща, некогда — цвета сажи, но теперь выгоревшего до обыкновенного рыжевато-черного оттенка. Расстелив плащ на столе мастера Палаэмона, я открыл ташку и высыпал ее содержимое.

— Вот и все, что мы принесли обратно, — объявил я. Он улыбнулся, как бывало в классной комнате, когда он ловил меня на какой-нибудь мелкой шалости.

— Только это и трон? Может быть, расскажете Подробнее?

И я рассказал. На это ушло немало времени,

и не один раз мои телохранители стучались в дверь, чтобы удостовериться, что я жив и здоров. Наконец я распорядился принести нам обед. Но когда от фазана остались одни косточки, от пирожных — крошки, а бокалы опустели, наша беседа все еще продолжалась. Именно тогда у меня зародилась идея, впоследствии воплощенная в виде предложенного на ваш суд повествования о моей жизни. Сперва я намеревался начать его с того дня, когда я покинул нашу башню, и завершить своим возвращением. Однако вскоре выяснилось, что, хотя подобная конструкция создает идеальную симметрию, столь Ценимую в среде художников, никто не сможет понять моих приключений, не узнав кое-что о моей юности. Точно так же отдельные элементы повествования остались бы незавершенными, если бы я не продлил его еще на несколько дней после моего возвращения (что я теперь и собираюсь сделать). Возможно, я выдумал для кого-то «Золотую Книгу». В самом деле, не исключено, что все мои скитания являлись не более чем уловкой библиотекарей, стремившихся пополнить свои ряды. Впрочем, даже это может оказаться слишком самонадеянным предположением.

34. КЛЮЧ К ВСЕЛЕННОЙ

Выслушав меня до конца, мастер Палаэмон подошел к жалкой горстке моих личных вещей и взял рукоять, навершие и серебряную гарду — все, что осталось от «Терминус Эст».

— Добрый был меч, — проговорил он. — Я чуть не подарил тебе твою собственную смерть, но это не умаляет его достоинств.

— Мы всегда с гордостью носили его, и он ни разу не дал повода для недовольства, — согласился я.

Мастер Палаэмон вздохнул, и этот вздох, казалось, застрял в его горле.

— Что ж, его больше нет. Меч — это сам клинок, а не фурнитура. Гильдия где-нибудь сохранит эти останки вместе с плащом и ташкой, ибо они принадлежали вам. Через много веков после нашей с вами смерти старики вроде меня станут показывать их своим ученикам. Жаль, что утрачен клинок. Я пользовался им за много лет до вашего появления в гильдии и никогда не думал, что он будет уничтожен в бою с каким-то дьявольским оружием. — Он положил опаловое навершие и

нахмурился. — Что вас тревожит? Видал я людей, которым вырывали глаза, но не все они морщились так, как вы теперь.

— Существует множество видов дьявольского, по твоему определению, оружия, которому не может противостоять сталь. Нам доводилось видеть такое в Орифии. Десятки тысяч наших солдат сдерживают его простыми копьями, дротиками и мечами, менее закаленными, чем «Терминус Эст». И пока им это удается потому, что у асциан не хватает энергетического оружия, так как недостает источников энергии, нужной для его производства. Что же произойдет, если Урсу подарят Новое Солнце? А вдруг асциане сумеют лучше, чем мы, распорядиться его энергией?

— Это вполне возможно, — подтвердил мастер Палаэмон.

— Мы мысленно совещались с автархами, которые отправились в путь до нас, — так сказать, с нашими братьями по гильдии, новой гильдии. Мастер Мальрубиус говорил, что в новую эпоху лишь наш предшественник осмелился подвергнуться испытанию. Когда мы касались сознания других, часто выяснялось, что они отказались, поскольку, по их мнению, наши враги, так много почерпнувшие из древних наук, и тут окажутся

в более благоприятном положении. А вдруг они были правы?

Мастер Палаэмон долго обдумывал ответ.

— Трудно сказать, — наконец произнес он. — Вы считаете меня мудрым потому, что я некогда учил вас, но, в отличие от вас, я не бывал на севере. Это вы видели армии асциан, а не я. Вы мне льстите, интересуясь моим мнением. И все же, удя по вашим словам, это твердолобые, закоснелые в своих оглядах люди. Я бы предположил, что мало кто из них вообще склонен размышлять. Я пожал плечами.

— Это справедливо для любой совокупности, мастер. Однако, по-видимому, это особенно верно применительно к ним. То, что ты называешь твердолобостью, внушает страх — невероятное равнодушие. По отдельности они вроде бы мужчины и женщины, но все вместе представляют собой механизм из древесины и камня.

Мастер Палаэмон поднялся, подошел к амбразуре и взглянул на частокол из башен.

— Мы здесь тоже отличаемся твердолобостью. Слишком закоснели и в нашей гильдии, и в Цитадели. То, что вы, воспитанные здесь, увидели их в подобном свете, говорит мне о многом. Должно быть, они и вправду настолько затвердели. По-

моему, несмотря на их науку, народ Содружества имеет больше шансов извлечь пользу из новых обстоятельств.

— Мы не отличаемся ни особой гибкостью, ни умопомрачительной твердостью, — сказал я. — За исключением необычайно хорошей памяти, мы — всего лишь заурядный человек.

— Нет, нет! — Мастер Палаэмон ударил кулаком по столу, снова сверкнули его линзы. — Вы — необычный человек, живущий в заурядную эпоху. Когда вы были малолетним учеником, я колотил вас раз-другой — знаю, вы этого не забыли; но даже тогда я понимал, что вы станете выдающейся личностью, величайшим мастером нашей гильдии. И вы обязательно будете мастером. Даже если вы уничтожите нашу гильдию, мы выберем именно вас!

— Мы же сказали, что намерены реформировать гильдию, а не уничтожить ее. Мы даже не уверены, что вправе это делать. Ты почитаешь нас постольку, поскольку мы заняли высочайший пост в иерархии. Но достался он нам по воле случая, и мы знаем это. То же можно сказать о нашем предшественнике, и перешедшие от него мысли, которых мы и теперь едва касаемся, за редким исключением, не принадлежат к разря-

ду гениальных. Большинство их хозяев — это простые мужчины и женщины, моряки и ремесленники, фермерские жены и распутные девицы. Остальные — эксцентричные посредственные ученые, из тех, над которыми любила потешаться Текла.

— Вы не просто заняли высочайший пост, — возразил мастер Палаэмон, — но воплотили его. Вы и есть государство.

— Нет, это не так. Государством являются все остальные — ты, кастелян, те офицеры за дверью. Мы же — народ. Содружество. — Я и сам не понимал этого, пока не высказал вслух.

Я взял коричневую книгу.

— Мы оставим ее у себя. Она пригодилась мне не меньше, чем твой меч. Сочинителям книг следует вновь оказать всяческую поддержку. В этом наряде нет карманов, но будет только полезно, если во время отъезда нас увидят с книгой в руках.

— Но куда вы ее повезете? — Мастер Палаэмон встрепенулся, наклонив голову, как старый ворон.

— В Обитель Абсолюта. Мы, или Автарх, если угодно, оказались вне досягаемости больше чем на месяц. Нужно выяснить, что происходит на фронте, и, возможно, отправить подкрепление. —

Я подумал о Ломере, Никарет и других узниках вестибюля. — У нас найдутся и другие неотложные дела.

Мастер Палаэмон поскреб подбородок.

— Прежде чем вы уедете, Северьян… Автарх, не пожелаете ли осмотреть тюремные камеры — в память о старых временах? Вряд ли те парни снаружи знают о двери, ведущей на западную лестницу.

Этой, по-видимому, самой древней лестницей в башне пользовались реже остальных. В отличие от других, она и сохранилась практически в первоначальном виде. Узкие и крутые ступени вились вокруг центральной колонны, почерневшей от коррозии. Дверь в комнату, где я, будучи Теклой, подвергся пытке на «революционизаторе», оказалась приоткрытой, и, даже не входя внутрь, я разглядел старинные механизмы — устрашающие, но привычные для меня устройства, в отличие от тех мерцающих древних машин, что стояли в замке у Балдандерса.

Спускаясь в подземелье, я возвращался к тому, с чем, казалось бы, распрощался навсегда с тех пор, как отправился в Тракс. Однако металлические коридоры с длинными рядами дверей ничуть не изменились, а заглядывая в крошечные оконца,

проделанные в тех дверях, я видел знакомые лица — лица мужчин и женщин, которых я кормил и караулил в бытность мою подмастерьем.

— Вы бледны, Автарх, — сказал мастер Палаэмон. — Чувствую, как дрожит ваша рука. (Я слегка поддерживал его под локоть.)

— Ты же знаешь, что наши воспоминания никогда не увядают, — откликнулся я. — Для нас шатлена Текла по-прежнему сидит в одной из этих камер, а в другой помещен подмастерье Северьян.

— Совсем забыл. Да, это, должно быть, ужасно. А я-то собирался проводить вас к старой камере шатлены, но, похоже, вам лучше не видеть ее.

Я все же настоял, но когда мы пришли на место, там сидел новый клиент, и дверь была заперта. По моей просьбе мастер Палаэмон вызвал дежурного брата, чтобы тот впустил нас внутрь. Некоторое время я стоял и глядел на узкую кровать и маленький столик, потом обратил внимание на клиента, сидевшего на единственном в камере стуле. Его лицо с широко открытыми глазами выражало смесь надежды и удивления. Я спросил, знает ли он меня.

— Нет, экзультант.

— Мы — не экзультант, мы — твои Автарх. За

что ты здесь? Он встал, потом упал на колени.

— Я не виновен! Поверьте мне!

— Ладно, — ответил я. — Мы верим тебе. Но ты должен рассказать, в чем тебя обвинили и как ты был осужден.

Визгливым голоском он начал излагать одну из самых сложных и запутанных историй, что мне приходилось слышать. Якобы его свояченица сговорилась против него со своей мамашей. По их словам, он бил свою жену, пренебрегал больной супругой и выкрал у нее некую сумму денег, переданную ей отцом с определенными целями, относительно которых они разошлись во мнениях. Объясняя все это (и многое другое), он попутно хвастался своей смекалкой и клеймил мошеннические выходки, уловки и ложь всех остальных, засадивших его в эту подземную темницу. Он твердил, что золота, о котором шла речь, никогда не существовало, а его теща использовала часть этого золота на подкуп судьи. Он также утверждал, будто не знал о болезни жены, но он пригласил для нее лучших врачей из тех, что мог себе позволить.

Оставив его, я направился в соседнюю камеру, где выслушал очередную историю, а потом — еще и еще, пока не навестил в общей сложности

четырнадцать клиентов. Одиннадцать из них с большей или даже меньшей убедительностью, чем в первом случае, доказывали свою невиновность; но я не встретил ни одного, чьи доводы показались бы мне достаточно вескими. Трое признали свою вину (однако один клялся — и думаю, искренне, — что хотя и совершил большинство преступлений, в которых его обвиняли, ему также инкриминировали и несколько таких, которых он не совершал). Двое с горячностью обещали никогда больше не преступать закон и не возвращаться в тюрьму, только бы я освободил их, что я немедленно и сделал. Третьей была женщина, которая похищала детей и заставляла их служить предметами обстановки в комнате, специально предназначенной ею для этих целей. Как-то раз она пригвоздила руки маленькой девочки к крышке письменного столика, приспособив ребенка в качестве подставки для ног. Эта клиентка столь же откровенно сообщила мне, что непременно вернется к своему занятию (или, по ее собственным словам, «развлечению»), поскольку лишь оно пробуждало в ней настоящий интерес. Она не просила об освобождении — только о смягчении условий содержания под стражей. Я был совершенно убежден в ее безу-

мии; однако ни то, как она говорила, ни ее ясные голубые глаза — ничто не выдавало в ней сумасшедшую. К тому же она сказала, что перед судом ее обследовали и признали нормальной. Я прикоснулся к ее челу Новым Когтем, но он остался безучастным, как некогда случилось со старым, когда я пытался направить его силу на помощь Иоленте и Балдандерсу.

Меня не покидает мысль, что сила, проявлявшаяся в обоих Когтях, исходит именно от меня, и потому их теплое, по словам очевидцев, сияние всегда казалось мне холодным. С точки зрения психологии, эта навязчивая идея равнозначна той притягательной пропасти в небе, в которую я боялся упасть во время ночевки в горах. Я отвергаю и боюсь ее, поскольку страстно желаю, чтобы она оказалась правдой; и я чувствую, если бы здесь присутствовал хотя бы отголосок правды, я бы обязательно обнаружил его внутри себя. Но ничего подобного не происходит.

Более того, помимо отсутствия некоего внутреннего резонанса, имеются другие серьезные возражения, и самое важное, убедительное и, очевидно, неизбежное — то, что Коготь, несомненно, вернул Доркас к жизни через несколько десятилетий после ее кончины, но сделал это еще

до того, как я знал о его существовании.

Этот аргумент кажется решающим, что, впрочем, не может развеять мои сомнения. А вдруг я все-таки знал? Что вообще означает «знать»? Я предполагал, что находился без сознания, когда Агия подсунула Коготь в мою ташку; но ведь я мог быть просто оглушен. Во всяком случае, многие давно уже считают, что человек и в бессознательном состоянии осознает окружающий мир, внутренне реагируя на речь и музыку. Как иначе объяснить сновидения, возникающие под влиянием внешних шумов? В конце концов, какая доля мозга находится без сознания? Разумеется, не весь мозг, иначе сердце перестало бы биться, а легкие — наполняться воздухом. Память, как правило, имеет химическое происхождение. Все, что я получил от Теклы и от бывшего Автарха, — в сущности, химия; наркотики лишь позволяют сложным соединениям мыслей войти в мой мозг в виде информации. Разве не может быть так, что определенная информация, извлеченная из внешней среды, благодаря некой химической реакции, отпечатывается в нашем мозгу даже тогда, когда электрическая активность, от которой зависит наше сознательное мышление, временно приостанавливается?

К тому же, чтобы управлять упомянутой энергией, мне в равной степени не обязательно осознавать присутствие Когтя — как в случае, если я сам являюсь источником этой энергии, так и при условии, что она берет свое начало непосредственно в Когте. Столь же эффективным могло оказаться сильное внушение иного рода; разумеется, наше вторжение в священные пределы Пелерин и то, как мы с Агией остались целы и невредимы после несчастного случая, погубившего скаковых животных, — все это подготовило почву для подобного внушения. Из собора мы отправились в Ботанические Сады, и, прежде чем вошли в Сад Непробудного Сна, я увидел куст, покрытый Когтями. В то время я считал, что Коготь — это драгоценный камень, но не было ли это лишь внушением? Сознание нередко водит нас за нос. Та троица в желтом доме посчитала наше присутствие сверхъестественным.

Если эта сверхъестественная сила — моя (и в то же время явно не моя), то как вышло, что я обладаю ею? Я придумал два объяснения, и оба — не слишком правдоподобные. Мы с Доркас как-то раз беседовали о символическом значении вещей из реального мира, которые, в соответствии с учением философов, символизируют предметы

высшего порядка, а их собственные символы расположены уровнем ниже. Возьмем до смешного простой пример: допустим, что некий художник, сидя у себя в мансарде, рисует персик. Поместив этого бедного художника на место Предвечного, мы вправе сказать, что его картина символизирует персик и, таким образом, плоды земли, а яркая округлость самого персика символизирует слепую красоту зрелой женщины. Окажись такая женщина в мансарде нашего художника (приходится принять столь невероятное допущение исключительно ради наглядности), она, несомненно, осталась бы в неведении относительно того, что полнота ее бедер и жесткость сердца нашли свой отголосок в корзине на столе у окна; хотя, вероятно, наш художник только об этом и думал.

Но если Предвечный в действительности уподобляется тому художнику, разве исключено, что подобные взаимосвязи, о многих из которых люди даже не догадываются, могут оказывать решающее влияние на структуру мира, в точности как навязчивые идеи способны расцвечивать его картину? Если именно мне суждено возвратить юность солнцу при помощи упомянутого Белого Фонтана, разве не может быть так, что я

почти бессознательно (если здесь применимо это выражение) получил атрибуты жизни и света, которые будут принадлежать Новому Солнцу?

Другое объяснение — не более чем теория. Пусть, как говорил мне мастер Мальрубиус, те, кто будет судить меня среди звезд, в случае отрицательного исхода дела заберут мою мужественность. Но если я как представитель Человечества буду соответствовать их требованиям, не вручат ли они мне дар, равноценный возможной потере? Думается, этого требует справедливость. Если я рассуждаю верно, не может ли их дар переноситься во времени, как это делают они сами? Иеродулы, которых я встретил в замке Балдандерса, объясняли свою заинтересованность во мне тем, что я получу трон. Но сохранилась бы их заинтересованность, окажись я в будущем рядовым князьком в какой-то части континента, одним из многих заурядных правителей в долгой истории Урса?

В целом первое из приведенных объяснений выглядит более правдоподобно; но не следует пренебрегать и вторым. Оба вроде подразумевают, что стоящая передо мной задача будет выполнена. Я отправляюсь в путь с легким сердцем.

Однако существовало и третье объяснение.

Ни одно человеческое существо или близкое ему творение не в силах проникнуть в замыслы Абайи, Эребуса и остальных. Их могущество непостижимо, и теперь я знаю, что они могли бы уничтожить нас за один день, если бы считали победой именно истребление, а не обращение в рабство. Их порождение, гигантская ундина, которую я повстречал, была не столько рабыней, сколько игрушкой. Возможно, энергия Когтя — Когтя, который был сорван с ветви растения на самом берегу их моря, — в конечном счете идет именно от них. Они знали о моем предназначении не хуже, чем Оссипаго, Барбатус и Фамулимус, и спасли меня в детстве, для того чтобы я смог исполнить его. После моего ухода из Цитадели они снова нашли меня, и с тех пор Коготь вносил изменения в мой маршрут. Быть может, они надеялись восторжествовать, возвысив палача до уровня Автарха или даже выше…

Думаю, теперь пора письменно изложить то, что поведал мне мастер Мальрубиус. Не могу поручиться за достоверность его слов, но полагаю, он сказал правду. Здесь я записал все, что знаю сам.

Как цветок распускается, разбрасывает семена и увядает, чтобы вновь подняться из собствен-

ного семени и расцвести заново, так и знакомая нам вселенная полностью рассеивается в бесконечном пространстве, затем собирает отдельные фрагменты (которые из-за курватуры пространства в конце концов встречаются именно там, где брали свое начало) и из этого семени распускается опять. Каждый такой цикл расцвета и упадка отмечает божественный год.

Как новоявленный цветок подобен тому, из которого появился, так и каждая новая вселенная повторяет ту, на чьих руинах родилась; и это одинаково верно применительно к большим и малым ее элементам. Возникающие миры не отличаются от миров погибших и заселены похожими расами, однако как цветок эволюционирует от лета к лету, так и все сущее продвигается вперед на едва заметный шаг.

В один божественный год (поистине непостижимое для нас время, хотя этот цикл вселенных был только звеном в бесконечной цепи) зародилась раса, столь похожая на нашу, что мастер Мальрубиус не постеснялся назвать ее человеческой. Она распространилась по галактикам своей вселенной в точности так же, как мы в отдаленном прошлом, когда Урс на время стал центром или, по крайней мере, родным домом и

символом империи.

Эти люди встречали в других мирах многих существ, которые либо обладали неким интеллектом, либо имели к тому определенную склонность; и они создавали из тех существ себе подобных, ибо стремились обрести друзей в межгалактическом одиночестве и союзников среди своих кишащих миров.

На это ушло много времени и сил. Бесчисленные миллиарды страдали и гибли под их руководящей дланью, оставляя после себя неискоренимые воспоминания о боли и крови. Когда их вселенная состарилась, галактики разметало так, что о ближайшей не напоминали даже слабо мерцающие звезды, а приходившие оттуда корабли управлялись лишь по древним записям; наконец они завершили свой труд. Результат превзошел все ожидания тех, кто начинал работу. Возникала не новая копия Человечества, но такая раса, какой стремилось стать само Человечество, — сплоченная, сострадательная, справедливая.

Мне не рассказали, что стало с Человечеством в том цикле. Возможно, оно просуществовало вплоть до взрыва вселенной и погибло вместе с ней. А может быть, эволюционировало до полной

неузнаваемости. Но те существа, преображенные людьми в недосягаемый для мужчин и женщин идеал, открыли выход в Йесод — вселенную гораздо лучше, чем наша, и там они создали миры под стать себе новым.

С этой выгодной позиции они огляделись вокруг и обнаружили нас. Возможно, мы просто похожи на ту расу, что создала их. Но не исключено, что именно мы являемся их создателями — то ли наши сыновья, то ли отцы. Мальрубиус сказал, что и сам не знает этого, и я верю в его искренность. Так или иначе, теперь мы — материал в их руках, каким некогда были они; выходит, они разом мстят нам и воздают добром за добро.

Они нашли также иеродулов и создали их несколько быстрее, чтобы те служили им в этой вселенной. Под их руководством иеродулы сконструировали корабли, как тот, который перенес меня из джунглей к морю. Таким образом, аквасторы, вроде Мальрубиуса и Трискеля, тоже могут служить им. Все они — клещи, при помощи которых нас удерживают в кузнечном горне.

Молотом же является их способность перемещать своих слуг назад по коридорам Времени и мигом запускать их вперед, в будущее. (В сущности, здесь коренится и их возможность

благополучно избегать гибели вселенной, ведь вступить в коридоры Времени — значит, покинуть эту вселенную.) По крайней мере, на Урсе их наковальня жизненно необходима: в эту эпоху нам требуется сразиться с куда более враждебным миром, используя ресурсы истощенных континентов. Поскольку это не менее жестоко, чем средства, при помощи которых создавали их, соблюдая справедливость. Однако появление Нового Солнца ознаменует собой окончание предварительной стадии нашего формирования.

35. ПИСЬМО ОТЦА ИНИРА

Отведенные мне апартаменты находились в самой древней части Цитадели. Комнаты так долго пустовали, что старый кастелян и эконом, в чьи обязанности входило поддерживать помещение в должном порядке, смирились с мыслью о потере ключа. Они рассыпались в извинениях, изобилующих недомолвками, предложив в конце концов сломать запоры. Я не доставил себе удовольствия взглянуть на их лица, но услышал, как они оба ахнули, когда я произнес простые слова, отпирающие любые двери.

В тот вечер я был зачарован разительным отличием между стилем меблировки открывшихся передо мною комнат и предпочтениями нашей эпохи. В прошлом обходились без привычных нам стульев, но сидели на сложных сооружениях из подушек. В столах не было выдвижных ящиков, да и вообще отсутствовала естественная в нашем понимании симметрия. С точки зрения принятых у нас стандартов, обстановка была перегружена обивочными тканями, а вот дерева, кожи, камня и кости явно не хватало. В итоге

у меня одновременно создалось впечатление изнеженности и отсутствия комфорта.

Однако я не мог занять иное помещение, кроме этого, издревле закрепленного за автархами; не мог я и заново обставить комнаты, не намекнув тем самым на критическое отношение к своим предшественникам. И пусть мебель больше радовала разум, чем тело, какой же восторг я испытал при виде сокровищ, оставленных мне в наследство прежними автархами! Я обнаружил документы, относящиеся к давно забытым и ныне едва ли понятным делам; механические приспособления, остроумные и загадочные; оживший от тепла моих рук микрокосм, чьи мельчайшие обитатели, стоило мне присмотреться, начали увеличиваться в размерах и приобретать человеческий облик; лабораторию с легендарной «изумрудной скамьей» и множество других диковинок, самой интересной из которых оказалась заспиртованная мандрагора.

Реторта, в которой она плавала, представляла собой сосуд высотой около семи пядей и шириной в два раза меньше; сам гомункул был ростом в две пяди. Когда я слегка постучал по стеклу, он повернул ко мне глаза, похожие на матовые бусинки, глаза, на вид еще более незрячие, чем у мастера

Палаэмона. Его губы зашевелились, и хоть я не услышал ни звука, но сразу понял, что именно он говорит; и еще каким-то необъяснимым образом я почувствовал, что бледная жидкость, в которую он был погружен, превратилась в мою собственную мочу с примесью крови. — **Зачем** ты оторвал меня от размышлений о твоем мире, Автар**х**? — Он действительно мой? — переспросил я. — Теперь я знаю о существовании семи континентов, и лишь часть из них покорна священным фразам.

– **Ты** — наследни**к**, — произнесла сморщенная тварь и повернулась ко мне спиной — не знаю, случайно или намеренно. Я снова постучал по реторте.

— А кто ты? — **Безродное** существо, чья жизнь протекает в кровавой сред**е**. — Так ведь и я был таким! Мы должны подружиться, ты и я, как сходятся два человека с одинаковым прошлым.

– **Ты** шутиш**ь**.

— Вовсе нет. Я испытываю к тебе настоящую симпатию и думаю, мы похожи друг на друга больше, чем тебе кажется.

Маленькая фигурка снова повернулась лицом и заглянула мне в глаза. — **Хотелось** бы доверять тебе, Автар**х**. — Я говорю совершенно серьезно.

Никто не уличал меня излишней честности, и я довольно много лгал, когда считал, что это обернется мне на пользу, но сейчас я вполне откровенен с тобой. Скажи, могу ли я что-нибудь сделать для тебя?

– **Разбей** стекл**о**.

Я колебался.

— Разве ты не умрешь при этом? — **Я** никогда не жил. Я перестану думать. Разбей стекл**о**. — Нет, ты все-таки жив.

– **Я** не расту, не двигаюсь, не откликаюсь ни на какие возбудители, кроме мыслей, что никак не назовешь ответной реакцией. Я не способен размножаться и размножать других. Разбей стекл**о**.

— Если ты и вправду не живешь, я мог бы найти какой-нибудь способ вдохнуть в тебя жизнь. — **Довольно** доброхотства! Когда ты была здесь в заключении, Текла, а тот юноша принес тебе нож, почему ты не хваталась за свою жизн**ь**?Кровь бросилась мне в лицо, я замахнулся эбеновым жезлом, но не ударил.

— Жив ты или мертв, но у тебя проницательный ум. Текла — это та моя часть, которая наиболее подвержена приступам гнева. — **Если** бы вместе с памятью ты унаследовал ее железы, я бы добился своег**о**. — И ты знаешь это. Как ты, незрячее

создание, можешь так много знать?

– **При** элементарном умственном усилии возникает ничтожно малая вибрация, которая волнует жидкость в этом сосуде. Я слышу твои мысл**и**.

— А я заметил, что слышу твои. Почему же я могу слышать только твои мысли, а мысли других мне недоступны?

Теперь, глядя прямо в маленькое сморщенное личико, освещенное последним солнечным лучом, который проник через запыленную амбразуру, я уже не был уверен, что губы его вообще шевелятся. — **Ты**, как всегда, слышишь самого себя. Ты не можешь слышать других потому, что твой разум постоянно кричит, точно младенец в корзине. О, кажется, ты припоминаеш**ь**! — Помню, давным-давно я мерз и голодал. Лежал на спине, а со всех четырех сторон меня окружали коричневые стены, и я слышал свой собственный вопль. Да, наверное, я был тогда младенцем. Думаю, даже ползать не умел. Ты очень умен. А о чем я думаю сейчас?

– **О** том, что я — всего лишь бессознательное проявление твоей силы, вроде Когтя. Разумеется, ты прав. Я был изуродован и умер еще до своего рождения, и с тех пор меня хранят здесь в белом

бренди. Разбей стекл**о**.

— Я бы сначала расспросил тебя. — **Брат** мой, там, у дверей, один старик ожидает тебя с письм**о**м.Я прислушался. До этого я внимал лишь его словам в моем уме и потому испытал довольно странное ощущение, вновь услышав реальные звуки — крики сонных дроздов среди башен и осторожный стук в дверь.

Посланцем оказался старый Рудезинд, который когда-то привел меня к комнате-картине в Обители Абсолюта. Я жестом пригласил его войти (к немалому удивлению караульных), ибо хотел с ним поговорить и знал, что при нем мне не нужно заботиться о поддержании собственного достоинства.

— Ни разу в жизни здесь не бывал, — признался он. — Чем я могу быть полезен вам, Автарх?

— Одно твое присутствие уже полезно нам. Ты знаешь, кто мы такие, не правда ли? Во время прошлой нашей встречи ты нас узнал.

— Если б мне не было знакомо ваше лицо, Автарх, я бы знал о вас раз в двадцать больше. Мне часто о вас рассказывали. Похоже, здесь ни о чем не говорят. Как вас тут взрастили и где потом видели. Как вы выглядели и что именно сказали. Не найдется ни одного повара, который не угощал

бы вас пирожными. Все солдаты развлекали вас историями. Давненько я не встречал женщины, которая не целовала бы вас и не штопала бы дыры на ваших штанах. У вас была собака…

— Вот это верно, — вмешался я. — У нас действительно был пес.

— Да, а еще — кошка, птичка и некая тварь, которая воровала яблоки. Вы излазали здесь все стены и сигали с них вниз или раскачивались на длинной веревке. А бывало, делали вид, что прыгаете, а на самом деле прятались где-нибудь в укромном месте. Вы — это каждый мальчик, когда-либо живший здесь, и я слышал про вас истории, которые на самом деле произошли с людьми, состарившимися, когда я был еще юношей. Мне рассказывали о моих собственных поступках семидесятилетней давности.

— Мы уже поняли, что лицо Автарха постоянно скрыто маской, которую лепят ему другие люди. Вне всяких сомнений, это только на пользу: не слишком возгордишься, если тебе известно, насколько ты в действительности отличаешься от предмета общего поклонения. Но мы хотели бы услышать о тебе. По словам старого Автарха, ты был его стражником в Обители Абсолюта, а теперь выясняется, что ты служишь Отцу Иниру.

— Да, это так, — ответил старик. — Мне оказана такая честь, и я принес письмо от него. — Он достал маленький, слегка замусоленный конверт.

— А мы — хозяин Отца Инира. Он неуклюже поклонился.

— Я знаю это, Автарх.

— В таком случае мы приказываем тебе сесть и передохнуть. У нас к тебе вопросы, и не дело, чтобы человек твоего возраста стоял перед нами. Когда мы были тем мальчиком, о котором все говорят, или немногим старше, ты указал нам дорогу в книгохранилище мастера Ультана. Почему ты это сделал?

— Не потому, что я знал нечто неизвестное другим. И не потому, что так приказал мой хозяин — если вы это имеете в виду. Разве вы не прочитаете письмо?

— Чуть позже. Сначала я хочу получить краткий и откровенный ответ.

Старик, опустив голову, дернул себя за редкую бородку. Я заметил, как потянувшаяся за белыми волосками сухая кожа его лица образовала два маленьких полых конуса.

— Автарх, вы думаете, я уже тогда о чем-то догадывался. Возможно, кое-кто и догадывался. Быть может, догадывался мой хозяин — не знаю. — Он

поднял на меня слезящиеся глаза, взглянул из-под бровей и снова опустил взгляд. — Вы были молоды и казались многообещающим юношей, потому-то мне и хотелось, чтобы вы поняли.

— Поняли — что?

— Я старый человек. Как был им тогда, так и остался теперь. Вы с тех пор повзрослели. Я сужу по вашему лицу. Я же едва ли стал старше, ведь этот срок — ничто для меня. Если подсчитать только то время, что я поднимался и спускался по стремянке, все равно получится более внушительная цифра. Я хотел, чтобы вы поняли, сколько всего было до вас. Узнали о существовании тысяч и тысяч, которые жили и умерли задолго до вашего появления, и некоторые из них были лучше вас. Я имею в виду, Автарх, — по сравнению с вами прежним. Резонно было бы предположить, что все выросшие здесь, в старой Цитадели, с момента рождения проникнуты этим знанием, но я убедился в обратном. Они постоянно находятся рядом, но так и остаются в неведении. Лишь визит в книгохранилище мастера Ультана открывает глаза самым смышленым.

— Так ты, значит, защитник мертвых?

— Да, — кивнул старик. — Люди болтают о справедливости ко многим, но я не слышал, чтобы

кто-нибудь говорил о справедливом обращении с мертвыми. Мы забрали все, что у них было, и это хорошо. Чаще всего плюют на их мнение, что, по-моему, тоже неплохо. Но время от времени нам следует вспоминать, как много из того, что мы имеем, получено от них. Выходит, пока я еще здесь, мне надо бы замолвить за них словечко. А теперь, если не возражаете, Автарх, я просто положу письмо на этот забавный стол…

— Рудезинд… — Да, Автарх?

— Ты собираешься чистить свои картины?

— Это одна из причин, почему я спешу удалиться, Автарх. Я находился в Обители Абсолюта до тех пор, пока мой хозяин… — тут он запнулся и, казалось, сглотнул, как бывает с людьми, когда они чувствуют, что, возможно, сболтнули лишнего, — пока не отправился на север. Мне нужно чистить Фехина, а я уже выбился из графика.

— Рудезинд, нам известны ответы на вопросы, которые, по-твоему, мы только собираемся задать. Мы знаем, что твой хозяин из тех, кого люди называют какогенами, и по какой-то причине он с горсткой себе подобных решился навсегда связать свою судьбу с человечеством, оставшись на Урсе в качестве человеческого существа. Кумеана тоже входит в их число, хотя, возможно,

ты не знал об этом. Нам даже известно, что твой хозяин был с нами в северных джунглях, где до последнего момента старался спасти моего предшественника.

Мы только хотим сказать: если когда-нибудь, стоя на своей стремянке, ты увидишь юношу, проходящего мимо с поручением, направь его к мастеру Ультану. Таков наш приказ.

Когда старик ушел, я вскрыл конверт. Внутри оказался небольшой листок бумаги, исписанный мелким почерком, будто на его поверхности расплющили множество крошечных паучков.

«Покорнейший слуга Инир приветствует нареченного Урса, Господина Нессуса и Обители Абсолюта, Главу Расы, Злато Народа, Вестника Неба, Гелиоса, Гипериона, Сурью, Савитара и Автарха!

Я спешу, чтобы присоединиться к вам через два дня.

Прошло более суток, прежде чем я узнал о случившемся. Моим основным информатором служила женщина по имени Агия, которая, судя по ее же словам, способствовала вашему освобождению. Она сообщила мне кое-что и о ваших с ней прежних отношениях, ибо, как вам известно, у меня достаточно средств для получения

информации.

От нее вы узнаете, что экзультант Водалус погиб от ее руки. Любовница Водалуса, шатлена Теа, первой пыталась подчинить себе его клевретов, оказавшихся в то время рядом; но поскольку она ни в коей мере не годится пароль их лидера и тем более не способна контролировать тех, кто остался на юге, я сумел найти ей замену в лице упомянутой Агт. Исходя из милосердия, некогда проявленного вами по отношению к этой женщине, полагаю, мой поступок найдет у вас понимание. Конечно, желательно поддержать существование движения, которое в прошлом принесло нам немного пользы, и, пока целы зеркала нашего гостя Гефора, оно обеспечит этим людям достойное руководство.

Возможно, вы вслед за мной сочтете тот корабль, что я вызвал на помощь моему господину, нынешнему Автарху, неподходящим; но ничего более приемлемого я раздобыть не смог. В своем путешествии на юг я был вынужден воспользоваться иным, гораздо менее скоростным средством передвижения. Не исключено, что скоро наступит время, когда мои кузены будут готовы примкнуть не только к человечеству, но и к нам; пока же Урс считают менее значитель-

ным, чем многие колонизированные миры, а нас самих — наравне с асцианами, то есть ксанфодермами и остальными.

Вероятно, вы уже получили более свежую и точную информацию, чем моя. На случай, если такими сведениями вы еще не располагаете, сообщаю: война идет с переменным успехом. Все попытки противника обойти нас с флангов провалились, а на южном направлении он понес столь серьезные потери, что мы вправе говорить о его полном разгроме. Знаю, гибель множества несчастных рабов Эребуса не обрадует вас, но наши армии хотя бы получили передышку.

Такая пауза крайне необходима. Среди парализанов ведется антиправительственная агитация, которую следует пресечь в корне. Тарентины, ваши антристионы и городские легионы — три войсковые группировки, принявшие на себя главный удар, пострадали едва ли не так же сильно, как противник. Среди них есть когорты, которые не могут собрать под свои знамена даже сотню боеспособных солдат.

Нет нужды докладывать вам, что нам срочно требуется дополнительно приобрести стрелковое оружие, и особенно — артиллерию, если удастся уговорить моих кузенов расстаться с пушками по

приемлемой цене. Тем временем следует сделать все возможное, чтобы собрать свежие силы и подготовить новобранцев к весенней кампании. Самая острая необходимость ныне ощущается в легких соединениях, способных вести бой. Однако если в будущем году асциане устроят новый прорыв, возникнет нужда в сотнях тысяч пикенеров и пиланиев, хотя бы часть из которых не мешает поставить в строй уже теперь.

Любые новости о вторжении Абайи будут более свежими, чем мои, ибо я ничего об этом не знаю с тех пор, как уехал с фронта. Полагаю, Гормисдас направился на юг, но Олагуер в состоянии предоставить вам нужные сведения.

Со скоропалительным почтением, ИНИР».

36. О ФАЛЬШИВОМ ЗОЛОТЕ И ГОРЕНИИ

Мне осталось поведать совсем немного. Я знал, что через несколько дней мне придется оставить город, поэтому надеялся завершить свои дела как можно быстрее. В гильдии я не имел достаточно надежных друзей, кроме мастера Палаэмона, но от него было мало проку в том предприятии, которое я задумал. Вот почему я вызвал к себе Роша, полагая, что он не сможет долго лгать мне в глаза. (Я ожидал увидеть человека старше моих лет, но тот рыжеволосый подмастерье, что явился на мой зов, казался почти мальчишкой. Когда он ушел, я принялся разглядывать себя в зеркале, чего прежде никогда не делал.)

Рош сказал, что он и еще несколько человек, с которыми я состоял в более или менее дружеских отношениях, выступали против моей казни, тогда как большинство членов гильдии упорствовали в этом решении; и я поверил ему. Еще он довольно легко признался, что предложил искалечить и отправить меня в изгнание, хотя, по его словам, он внес такое предложение, поскольк-

ку не видел иного способа спасти мне жизнь. Думаю, он ожидал какого-нибудь наказания. Его обычно румяные щеки и красный лоб побледнели настолько, что веснушки выступили на лице, точно пятна краски. Однако голос его оставался ровным, и он не сказал ничего, что могло бы быть истолковано как попытка оправдаться, свалив вину на других.

Конечно, я и впрямь намеревался наказать его, а заодно и остальных членов гильдии. Нет, я не затаил на них злобу, просто считал, что, посидев некоторое время в темнице под башней, они станут более восприимчивы к принципу справедливости, о котором говорил мастер Палаэмон. К тому же так я наверняка получил бы гарантию, что закон о запрещении пыток, который я намеревался издать, будет претворен в жизнь. Те, кто проведет несколько месяцев в страхе испытать это искусство на собственной шкуре, едва ли станут возражать против его упразднения.

Тем не менее я ничего не сказал об этом Рошу, лишь попросив принести к вечеру наряд подмастерья, а на следующее утро быть готовым вместе с Дроттом и Эатой оказать мне требуемое содействие.

Он вернулся сразу после вечерни. Мне до-

ставило неописуемое удовольствие стащить с себя жесткий костюм и снова облачиться в черную как сажа одежду подмастерья. Ночью под этим мрачным покровом мне было легче всего остаться незамеченным, и, выскользнув из своих апартаментов через одну из потайных дверей, я будто тень двигался от башни к башне, пока не добрался до обрушившегося участка стены.

День был теплым; однако ночью похолодало, и некрополь заволокло туманом, как в тот раз, когда я, выступив из-за монумента, спас жизнь Водалусу. Мавзолей, где я играл в детстве, ничуть не изменился, заклинившая дверь была приоткрыта на одну четверть.

Я принес с собой свечу и зажег ее, ступив внутрь. Медные мемориальные доски, которые я некогда начищал до блеска, покрылись зеленым налетом, повсюду лежали опавшие листья. Сквозь маленькое забранное железными прутьями оконце протянулась тонкая ветвь растущего рядом дерева.

Здесь лежи. Кто ни придет, Стань прозрачен, будто лед; Взгляд чужой — да не падет

На тебя.

Здесь лежи, не уходи,

Избегай чужой руки,

Пусть дивятся чужаки,
Но не я.

Камень был меньше и не таким тяжелым, как мне казалось. Монета под ним потускнела от сырости. Вновь положив ее себе на ладонь, я немедленно оживил в памяти того дрожащего мальчика, каким был я сам, когда сквозь густой туман возвращался к пролому в стене.

А теперь я попрошу вас, терпеливо сносивших мои многочисленные отступления и отклонения от темы, простить меня еще раз, последний.

Несколько дней назад (иначе говоря, гораздо позднее фактического завершения событий, о которых я собирался рассказать) мне сообщили, что сюда, в Обитель Абсолюта, забрел один странник, назвавшийся моим должником и категорически отвергший предложение передать деньги через посредника. Я смекнул, что мне предстоит увидеться с кем-то из прежних знакомых, и велел камергеру впустить гостя в мои покои.

Это был доктор Талос. Похоже, у него завелись деньги, и по случаю приема он облачился в плащ из красного бархата и напялил шапочку из того же материала. Лицо его по-прежнему походило на мордочку чучела лисы; однако теперь казалось, что временами морда оживает, будто кто-то или

что-то проглядывает сквозь стеклянные глаза.

— Вы высоко вознеслись, — сказал он, отвешивая такой низкий поклон, что кисть на его шапочке коснулась ковра. — Если припомните, я неизменно утверждал, что так и будет. Честность, прямоту и ум не подавишь.

— Мы оба знаем, что подавить их ничего не стоит, — ответил я. — И этим ежедневно занималась моя старая гильдия. Но мы рады снова видеть тебя, даже если ты явился как эмиссар своего господина.

Одно мгновение доктор казался озадаченным.

— Ах, так вы имеете в виду Балдандерса! Нет, боюсь, он отказался от моих услуг. После сражения. После того, как нырнул в озеро.

— Значит, по-твоему, он выжил?

— О, я совершенно уверен в этом. Вы не знали его так хорошо, как я, Северьян. Он без труда продержался бы с поразительной легкостью! Он имел завидные умственные способности. В своем роде он был непревзойденным гением: видел все насквозь. Сочетал в себе объективность ученого с самопогруженностью мистика.

— Хочешь сказать, он производил эксперименты на самом себе? — переспросил я.

— О нет, вовсе нет! Он вывернул все наизнан-

ку. Другие экспериментируют на себе для того, чтобы вывести некое правило, применимое к окружающему миру. Балдандерс же ставил опыты над миром, а полученные результаты прилагал, так сказать, к себе. Говорят… — тут он нервно огляделся, проверяя, не подслушивает ли нас кто-нибудь, — говорят, что я — монстр. Так оно и есть. Но к Балдандерсу это относится в еще большей степени. В каком-то смысле он был мне отцом, однако себя он создал собственноручно. По закону природы и того, что стоит над природой, каждое создание должно иметь своего создателя. Но Балдандерс был собственным творением; он лично руководил своими поступками, отрезав себя от нити, соединяющей нас, остальных, с Предвечным. Однако я отвлекся от цели моего визита. — На поясе доктора висел кошель из ярко-красной кожи; он распустил ремешки и начал копаться внутри. Я услышал звон металла.

— Ты теперь носишь с собой деньги? — спросил я. — Прежде ты все отдавал ему.

Он понизил голос до еле слышного шепота:

— А как бы вы поступили в моем нынешнем положении? Теперь я оставляю монеты, небольшие кучки из аэсов и орихальков, у воды. — Потом он заговорил чуть громче: — Никакого вреда от

этого нет, зато напоминает мне о славных денечках. Однако я человек чести, убедитесь сами! Он всегда требовал от меня честности. Он тоже был по-своему честным. Во всяком случае, помните ли вы утро перед тем, как мы вышли за ворота? Я делил поровну выручку, собранную накануне вечером, а затем нас прервали. Осталась одна причитавшаяся вам монета. Я отложил ее, намереваясь отдать вам позднее, да позабыл, а потом, когда вы пришли в замок… — Он искоса взглянул на меня. — Но, как известно, уговор дороже денег. Вот она.

Монета была в точности такой же, что я извлек из-под камня.

— Теперь вы понимаете, почему я не мог отдать ее вашему человеку? Уверен, он счел бы меня сумасшедшим.

Я щелчком подбросил монету и поймал ее на лету. На ощупь она казалась слегка замасленной.

— По правде говоря, доктор, мы не понимаем.

— Да потому, что она фальшивая. Я же предупреждал вас тем утром. Хорош бы я был, если б сказал, что пришел расплатиться с Автархом, а потом сунул бы этому парню фальшивую монету. Они трепещут перед вами и непременно выпотрошили бы меня в поисках настоящей! А верно

ли, что у вас есть вещество, которое взрывается в течение нескольких дней, и потому вы можете медленно разрывать людей на куски?

Тем временем я сравнил две монеты; они имели одинаковый латунный блеск и, похоже, были отчеканены по одному шаблону.

Однако, как я уже упоминал, эта краткая беседа состоялась намного позже настоящей концовки моего повествования. Я вернулся в свои апартаменты во Флаговой Башне тем же путем, каким ушел, и, сняв промокший плащ, повесил его сушиться. Мастер Гурло любил повторять, что отказ носить рубашку — самое неприятное условие членства в нашей гильдии. В этом пусть ироничном высказывании имелась доля истины. Я, бродивший по горам с обнаженной грудью, порядком изнежился за те несколько дней, которые провел в теплом облачении автарха, и теперь дрожал от холода в туманную осеннюю ночь.

Во всех комнатах были устроены камины, и в каждом лежала охапка дров, таких сухих и старых, что, вздумай я поворошить их на железной подставке, они наверняка рассыпались бы в прах. С такими каминами я никогда не имел дела, но сейчас решил затопить один из них, чтобы согреться, а принесенную Рошем одежду развесил

для просушки на спинке стула. Однако, поискав спички, я обнаружил, что в спешке оставил их вместе со свечой в мавзолее. Смутно догадываясь, что автарх, занимавший эти комнаты до меня (правитель, чье имя хранилось далеко за пределами моей памяти), наверняка держал под рукой какое-нибудь средство для разведения огня в своих многочисленных каминах, я принялся рыться в ящиках шкафов.

В основном они были забиты бумагами, которые так заинтересовали меня накануне; но теперь я не тратил время на их изучение, как при первоначальном осмотре комнат, а заглядывал на самое дно ящиков в поисках огнива, кремня или трута.

Ничего похожего мне не подвернулось. Зато в большом ящике самого крупного шкафа под шкатулкой с писчими перьями я нашел маленький пистолет.

Мне и раньше доводилось видеть такое оружие. Впервые — когда Водалус дал мне ту фальшивую монету, которую я только что достал из тайника. Но прежде я ни разу не сжимал его в собственных пальцах. Оказалось, наблюдать со стороны и держать самому — ощущения совершенно разного порядка. Однажды, по дороге на север, в Тракс, мы

с Доркас повстречали караван лудильщиков и мелких торговцев. У нас еще оставалась большая часть денег, которые передал нам доктор Талос, когда мы встретили его в лесу к северу от Обители Абсолюта. Однако мы не знали, насколько их хватит и далеко ли нам еще ехать. Поэтому я наравне с попутчиками занимался своим ремеслом, осведомляясь в каждом городишке, не найдется ли там преступник, приговоренный к пыткам или отсечению головы. Бродяги довольно быстро свыклись с нашим присутствием, и хотя некоторые приписывали нам более или менее высокий общественный статус — ведь я работал только на законные власти, — другие, напротив, общались с нами как с поборниками тирании, то есть с напускным презрением.

Как-то вечером один более дружелюбно настроенный точильщик, который оказал нам несколько пустячных услуг, вызвался заострить мой «Терминус Эст». Я сказал, что всегда поддерживаю меч в рабочем состоянии, и предложил ему проверить лезвие на ощупь. Слегка порезав палец (как я и предполагал), он проникся к мечу особой симпатией, принялся восхищаться не только самим клинком, но и мягкими ножнами, резной гардой и так далее. Засыпав меня бес-

численными вопросами об устройстве меча, его истории и способах применения, он в конце концов попросил разрешения подержать его в руках. Я предупредил собеседника о внушительном весе клинка и об опасности повредить острое лезвие о твердую поверхность, после чего передал ему «Терминус Эст». Он улыбнулся и крепко сжал рукоять, следуя моим наставлениям, но, начав поднимать это длинное сияющее орудие смерти, вдруг побледнел, руки его задрожали, и я вырвал него меч, иначе он просто уронил бы его. После он лишь твердил одну и ту же фразу: «Я часто правил солдатские мечи».

Теперь мне стало ясно, что именно пережил тот бедняга. Я положил пистолет на стол так поспешно, что чуть не выронил его. Потом принялся вышагивать вокруг стола, будто на нем свернулась ядовитая змея, приготовившаяся к броску.

Пистолет был меньше моей ладони и так искусно сработан, что мог бы сойти за ювелирное изделие; каждая его черточка говорила, что своим происхождением он обязан мастеру не с ближних звезд. Серебряная отделка не пожелтела от времени и выглядела так, словно только что вышла из-под рук полировщика. Узоры, похоже, складывались в какие-то (письмена неизвестной

принадлежности; но, поскольку мои глаза слишком привыкли к сочетанию прямых и кривых линий, эти знаки порой казались не более чем сложным мерцающим отражением, если бы не то, что отражалось нечто несуществующее. Рукоятка была инкрустирована странными черными камнями, похожими на турмалин, но ярче. Через некоторое время я заметил, что самый маленький из них будто гаснет под косым взглядом, но если не смотреть на него прямо, он переливался, как бриллиант, испуская четыре ослепительных луча. Вглядевшись, я понял, что то был вовсе не драгоценный камень, а крошечная линза, сквозь которую пробивался некий внутренний свет. Значит, по прошествии стольких столетий пистолет сохранил свой заряд.

Пусть это звучит нелогично, но последнее открытие успокоило меня. Всякое оружие таит в себе две опасности для владельца: оно может случайно поранить хозяина либо подвести его в ответственный момент. Первая опасность оставалась в силе, но стоило мне увидеть ту яркую световую точку, я полностью исключил вторую.

Под стволом имелся предохранитель, которым, вероятно, контролировалась мощность выстрела. Сначала я подумал, что прежний владелец, кем

бы он ни был, скорее всего поставил регулятор на максимум и мне лишь требуется сдвинуть его в противоположном направлении, чтобы провести эксперимент с минимальным для себя риском. Но мое предположение не оправдалось — предохранитель стоял в центральном положении. Наконец я решил, что пистолет будет представлять наименьшую опасность, если передвинуть регулятор как можно дальше вперед. Я так и сделал, потом прицелился в камин и нажал на спусковой крючок.

В мире нет ничего страшнее, чем звук выстрела. Будто сама материя издает пронзительный крик. На этот раз он был не слишком оглушительным, но пугающим, как отдаленные раскаты грома. Всего на миг — столь краткий, что я едва уверовал в его реальность, — между дулом пистолета и горкой поленьев сверкнул фиолетовый луч. Затем он погас, но дрова уже занялись ярким пламенем, а от задней стены камина отвалился кусок искореженного металла, издав лязг, напоминающий звон треснувшего колокола. На плиту перед очагом пролился серебряный ручеек, подпалив ковер и напустив вокруг тошнотворного дыма.

Я убрал пистолет в ташку, прилагавшуюся к моему новому костюму подмастерья.

37. СНОВА ЧЕРЕЗ РЕКУ

Рош, Дротт и Эата явились ко мне еще до рассвета. Дротт был старшим из нас, но его лицо и сверкающие глаза делали его моложе Роша. Он казался воплощением силы и выносливости, хоть я и не мог не заметить, что перерос его на два пальца. Наверняка я был выше его уже в ту пору, когда покинул Цитадель, но сам не осознавал этого. Эата по-прежнему рыл ниже всех и даже еще не стал подмастерьем — ведь в конце концов я отсутствовал всего одно лето. Он выглядел немного озадаченным, когда здоровался со мной, и, по-моему, с трудом представлял меня в роли Автарха, тем более что после разлуки я вновь предстал перед ним в гильдийском наряде.

Я сказал Рошу, что все трое должны прихватить с собой оружие; он и Дротт взяли мечи, внешне похожие на «Терминус Эст» (но несравненно хуже качеством), а Эата тащил дубинку вроде тех, что я видел на наших празднествах в День Возложения Масок. Не повидай я сражения на севере, я бы посчитал, что они вооружены достаточно хорошо; теперь же не только Эата, но

и вся троица походила на детей, нагруженных палками и сосновыми шишками и готовых от души наиграться в войну.

В последний раз мы выбрались через пролом в стене и зашагали по вымощенной костьми тропинке, которая вилась между кипарисами и надгробиями. На розовых кустах смерти еще виднелись те поздние цветы, что я стеснялся срывать для Теклы. И тут я подумал о Морвенне, единственной женщине, чью жизнь я забрал, и о ее противнице Эвсебии. Когда мы, миновав ворота некрополя, ступили на грязные улицы города, мои спутники развеселились. Похоже, до сих пор они подсознательно боялись, что попадутся на глаза мастеру Гурло и будут как-нибудь наказаны за повиновение Автарху.

— Надеюсь, мы не собираемся плавать, — сказал Дротт. — Эти колуны нас утопят.

Рош довольно хихикнул.

— Эата на своем не потонет.

— Мы направляемся далеко на север. Без лодки не обойтись, но, думаю, мы сможем нанять кого-нибудь, если пройдемся по набережной.

— Если кто-нибудь пожелает наняться. И если нас не арестуют по дороге. Вы же знаете, Автарх…

— Северьян, — напомнил я ему. — Пока я в этой одежде.

— Северьян, эти штуковины нам положено носить лишь на плаху, и придется долго убеждать пелтастов, что работенка требует сразу троих. Они поймут, кто вы такой? Я не…

На этот раз его перебил Эата, указавший в сторону реки.

— Смотрите, там лодка!

Рош заорал, все трое замахали руками, а я достал один из хризосов, позаимствованных у кастеляна, и повернул его так, чтобы он засверкал на солнце, которое только показалось над башнями у нас за спиной. Мужчина на румпеле помахал нам в ответ шапкой, и какой-то стройный юноша вскочил на ноги, чтобы заняться намокшими парусами и повернуть судно на другой галс.

То был двухмачтовый люгер с узким бимсом и низкими бортами — идеальное судно для транспортировки контрабандных товаров мимо патрульных катеров, неожиданно поступивших под мое начало. У седовласого рулевого была весьма зловещая внешность, а стройный «юноша» оказался девушкой с веселыми глазами, то и дело бросавшей на нас косые взгляды.

— Эге, кажись, мы весело проведем денек, —

сказал рулевой при виде наших нарядов. — А я-то думал, вы в трауре, ей-богу, пока не подошел поближе. Шпики? Для меня это в диковинку.

— Угадал, — подтвердил я, ступая на борт. Признаться, я испытал смехотворное удовольствие, обнаружив, что не утратил навыки, приобретенные на «Самру», и легко удерживаю равновесие на шаткой палубе, тогда как Дротт и Рош судорожно схватились за шкоты, когда люгер прогнулся под нашим весом.

— Не возражаешь, если я гляну на желтого паренька? Хочу убедиться в его добром здравии. Только поздоровкаюсь и сразу верну домой.

Я бросил ему монету, а тот поскреб ее ногтем, попробовал на зуб и наконец вернул мне, проводив почтительным взглядом.

— Твоя лодка может понадобиться нам на весь день, — предупредил я.

— За желтого паренька — хоть на всю ночь в придачу. Нам обоим не помешает компания, как сказал гробовщик призраку. Тут на реке затемно творились странные делишки. Может, поэтому вы, оптиматы, решили с утра пораньше прогуляться по воде?

— Отчаливай, — велел я. — При желании можешь рассказать об этих странных делах по

дороге.

Хотя рулевой сам завел разговор, он, казалось, не спешил вдаваться в подробности — возможно, просто потому, что ему было трудно подобрать слова, чтобы выразить свои чувства и описать все виденное и слышанное. Дул легкий западный ветер, и люгер с туго натянутыми парусами играючи продвигался вверх по течению. Справившись с основной работой, смуглая девушка уселась на носу лодки и стала обмениваться взглядами с Эатой. (Наверное, из-за грязных штанов и рубахи она приняла его за нашего наемного слугу.) Рулевой, назвавшийся ее дядей, во время разговора постоянно следил за румпелем, чтобы люгер не упустил попутный ветер.

— Расскажу вам то, что видел собственными глазами, как обещал плотник, закрыв ставень, — начал он. — Мы были в восьми-девяти лигах к северу от того места, где вы окликнули нас. Везли моллюсков, а с ними, сами знаете, не зазеваешься, особливо когда днем обещают теплынь. Обычно мы спускаемся вниз по реке и скупаем их у ныряльщиков, потом шпарим вверх, да побыстрее, пока эти твари не испортились. Если протухнут — пиши пропало, ну а загонишь свежими — возьмешь вдвойне, а то и втройне.

На реке я провел больше ночей, чем где бы то ни было. Она, считай, моя спальня, а эта лодка — колыбель, хоть я и редко отправляюсь на боковую до утра. Но прошлой ночью… мне иногда казалось, будто и не Гьолл это вовсе, а какая-то другая река, та, что течет прямо в небо или где-нибудь под землей.

Сомневаюсь, чтоб вы заметили, если только не загуляли допоздна, но вчера была тихая ночь с редкими порывами ветра. Дунет слегонца, как человек ругнется, и замрет, а потом — опять. А еще — туман, густой, точно вата. Он висел над водой, как обычно, то бишь между ним и рекой оставалось столько чистого пространства, чтобы прокатить винный бочонок. Большую часть времени мы не видели огней на обоих берегах, сплошной туман, куда ни глянь! Раньше я трубил в рог для тех, кто не видит наших огней, но в прошлом году уронил его за борт. А рог-то был медный, вот он и пошел на дно, с концами! Потому прошлой ночью я кричал во весь голос, стоило мне почуять рядом другую лодку или что еще.

Ну так вот, примерно через стражу после того, как опустился туман, я сказал Макселлиндис, чтоб шла спать. Оба паруса были подняты, и при каждом порыве ветра мы чуть продвигались

вверх по реке, а потом я снова выбрасывал якорь. Вам, оптиматы, наверное, невдомек, но таков уж речной закон: те, кто идет вверх по течению, держатся берегов, а идущим вниз открыта середина. Мы шли вверх и должны были прижиматься к восточному берегу, но кто там разберет в таком тумане.

Затем слышу — гребут. Всмотрелся в туман — никаких огней, тут я и закричал, чтоб они сменили курс. Потом перегнулся через планшир и поднес ухо ближе к воде, для лучшей слышимости. Туман вроде бы всасывает шумы, но хочешь слышать все лучше некуда, опусти голову под туман — звуки-то разносятся над самой водой. В общем, сделал я именно так, и, похоже, на нас двигалась здоровая махина. Если имеешь дело с хорошей командой, на слух число весел не сосчитать — больно слаженно работают гребцы. Но большой корабль на быстром ходу шумно рассекает носом воду. Этот был большим. Я поднялся на рубку, пытаясь разглядеть его, но так и не заметил огней, хотя точно знал, что он где-то рядом.

А когда спускался, наконец увидел его: четырехмачтовый галеас с четырьмя рядами весел и без опознавательных огней быстро шел по фарватеру в опасной близи от моей посудины.

Ну, думаю, молитесь там, внизу, оно летит, как сказал бык, сорвавшийся со снастей.

Конечно, я лишь мельком видел тот корабль, прежде чем он снова пропал в тумане, но я еще долго слышал его. У меня не проходило странное чувство, и я вопил, почти не переставая, хоть поблизости и не было других судов. Кажется, мы проплыли еще пол-лиги или чуть меньше, и тогда я услышал чей-то вопль. Но то был не ответный окрик, а будто кто-то продолжил мой. Я кричал снова и снова и слышал то же самое. Я узнал этот голос, он принадлежал Трасону, такому же хозяину лодки, как и я.

«Это ты?» — позвал он, а я откликнулся и спросил, все ли с ним в порядке. И тут он как крикнет: «Швартуйся!»

Я, понятно, ответил, что не могу: мол, везу моллюсков и, пусть ночь прохладная, хочу продать их как можно раньше. А он опять: «Швартуйся! Скорее швартуйся и ступай на берег». Ну, я ему в ответ: «А ты чего ждешь?» И тут он как раз появился из тумана. Лодка была перегружена сверх всякой меры — пандурами, я бы сказал, но все пандуры, которых мне доводилось видеть, имели смуглые лица, почти как у меня, а эти казались бледными, точно туман. У них были скорпионы

и вулги — я видел их кончики, торчащие над гребешками шлемов.

Я перебил рассказчика, спросив, не обратил ли он внимание на истощенный вид солдат и их неестественно большие глаза.

Он покачал головой, усмехнувшись уголком рта.

— То были крупные мужчины, крупнее тебя, меня и любого на этой лодке, на голову выше Трасона. Но пропали из виду так же быстро, как и галеас. Других кораблей я больше не встречал до тех пор, пока не рассеялся туман. Однако…

— Ты видел кое-что еще. Или слышал. Он кивнул.

— Я подумал, может, потому-то ты и явился сюда со своими людьми. Да, я видел и слышал всякие странности. Тут, на реке, я насмотрелся такого, чего никогда прежде не встречал. Макселлиндис, проснувшись и выслушав меня, сказала, что это были морские коровы. Дескать, они кажутся бледными при лунном свете и могут сойти за людей, особенно издалека. Но я немало повидал их с детства и ни разу не путал этих тварей с людьми. Еще я слышал женские голоса, не громкие, но внушительные. И не только женские. Я не мог разобрать, что они говорили, но уловил интона-

цию. Знаете, как бывает, когда звуки разносятся по воде? Они вроде бы говорили: «так, мол, и так». А потом другой, более низкий голос, но, по-моему, не мужской… так вот этот низкий голос, похоже, отвечал: «Ступайте и сделайте то да се». Женские голоса я слышал трижды, а низкий — дважды. Вы не поверите, оптиматы, но порой казалось, будто голоса доносятся прямо из реки.

Тут рулевой замолчал и уставился на ненюфары за бортом. Мы порядком продвинулись вверх по реке, оставив позади участок Гьолла напротив Цитадели, но и здесь ненюфары росли сплошным ковром, плотнее, чем дикие цветы на любом из лугов по его сторону рая.

Отсюда открывался общий вид на Цитадель, которая благодаря своим размерам казалась сверкающей птичьей стаей, зависшей над холмом. Тысячи металлических башен, повинуясь краткому приказу, были готовы разом взмыть в небо. Под ними раскинул свою бело-зеленую вышивку некрополь. Знаю, о «нездоровом» росте травы и деревьев в подобных местах принято говорить с легким отвращением, но лично я ничего нездорового в них не замечал. Люди и растения умирают, чтобы дать жизнь друг другу; не напрасна смерть даже того невежественного и невинного бедняги,

которого я некогда зарубил его собственным топором. Говорят, вся наша листва поблекла, и это, несомненно, так. Когда явится Новое Солнце, его невеста, Новый Урс, восславит его листьями, подобными изумрудам. Но по сей день, день старого солнца и старого Урса, я не видел зелени более густой, чем на огромных соснах в некрополе, когда ветер шевелит их могучие ветви. Они черпают свою силу в поколениях почивших людей, и мачты кораблей, сработанные из множества деревьев, не так высоки, как сосны некрополя.

Кровавое Поле расположено далеко от реки. По дороге туда наша четверка притягивала к себе странные взгляды, однако никто не посмел остановить нас. Харчевня Утраченной Любви, которая всегда казалась мне самым непостоянным из всех сооружений, созданных человеческими руками, по-прежнему стояла на месте, как в тот день, когда мы заглянули туда с Агией и Доркас. Теперь при виде нас толстяк-хозяин чуть не упал в обморок. Я велел ему позвать официанта по имени Оуэн.

Когда в тот памятный день он принес для нас поднос с угощением, я даже толком не разглядел его. На сей раз я постарался наверстать упущенное. Это был лысеющий мужчина ростом

с Дротта, худой и какой-то зажатый на вид. В очертаниях его темно-синих глаз и рисунке губ присутствовала некая утонченность, которую я сразу признал.

— Ты знаешь, кто мы такие? — спросил я его. Он медленно покачал головой.

— Разве тебе никогда не приходилось обслуживать палача?

— Однажды нынешней весной, сьер, — ответил он. — И я знаю, эти двое в черном — палачи. Но ты не палач, сьер, несмотря на одежду.

Я пропустил его слова мимо ушей.

— Ты никогда прежде не видел меня?

— Нет, сьер.

— Что ж, может, и не видел. (Как странно осознавать, что ты так сильно изменился.) Оуэн, поскольку ты не знаешь меня, наверное, не помешает, если я узнаю о тебе. Скажи, где ты родился, кем были твои родители и как ты получил место официанта в этой харчевне?

— Мой отец держал лавку, сьер. Мы жили в Олдгейте, на западном берегу. Когда мне было десять или около того, он отослал меня на постоялый двор прислуживать господам. С тех пор я сменил несколько мест.

— Итак, твой отец был лавочником. А мать?

Лицо Оуэна сохраняло присущее официантам подобострастное выражение, но в глазах появилась растерянность.

— Я не знал ее, сьер. Ее звали Кае, но она умерла, когда я был слишком мал. По словам отца, она погибла при родах.

— Но ты знаешь, как она выглядела? Он кивнул.

— У отца был медальон с ее портретом. Когда мне было лет двадцать, я зашел навестить отца и узнал, что он заложил эту вещь. В то время я кое-что заработал, оказывая разные услуги оптиматам — относил записки для их дам, сторожил у дверей и так далее. Поэтому я отправился к ростовщику, выплатил залог и забрал медальон. Он и теперь со мной, сьер. В таком заведении, как наше, где постоянно крутится пришлый народ, лучше хранить ценности при себе.

Он сунул руку под рубашку и извлек медальон, украшенный перегородчатой эмалью. Внутри находились два портрета Доркас, изображенной анфас и в профиль, — Доркас едва ли моложе той, что я знал прежде.

— Ты говоришь, что начал работать уже в десятилетнем возрасте, Оуэн. Но ты умеешь читать и писать.

— Немного, сьер. — Он выглядел смущенным. — Я часто спрашивал у разных людей, что означает та или иная надпись, а память у меня неплохая.

— Ты кое-что написал, когда нынешней весной сюда приходил палач, — сказал я. — Помнишь, что именно? Оуэн испуганно затряс головой.

— Я всего лишь черкнул записку, чтобы предостеречь ту девушку.

— Зато я помню. В ней говорилось: «Эта женщина была здесь раньше. Не верь ей. Трудо сказал, этот человек — палач. Мама, ты пришла!»

Оуэн спрятал медальон под рубашку.

— Просто она была очень похожа на нее, сьер. В молодости я мечтал когда-нибудь найти такую женщину. Знаешь, твердил себе, что я лучше, чем мой отец, а ведь он в конце концов нашел. Мне так и не удалось ее встретить, и теперь я уже не так уверен, что я лучше своего отца.

— В то время ты не знал, как выглядит наряд палача, — сказал я. — Но это знал твой друг Трудо, местный конюх. Он вообще был гораздо лучше осведомлен о палачах, чем ты, потому и убежал.

— Да, сьер. Услышав, что о нем спрашивает палач, он бежал без оглядки.

— Но ты знал о невиновности той девушки и хотел уберечь ее от палача и другой женщины.

Возможно, ты не ошибся в них обоих.

— Как скажешь, сьер.

— А знаешь ли ты, Оуэн, что ты немного похож на нее?

Толстый харчевник более или менее открыто прислушивался к нашему разговору. На этом месте он радостно закудахтал.

— Скорее он похож на тебя!

Боюсь, я выдал свое изумление, когда, повернувшись, уставился на него.

— Я не хотел оскорбить тебя, сьер, но это правда. Он чуть постарше, но, когда вы разговаривали, я наблюдал за вашими лицами со стороны. Просто поразительное сходство!

Я еще раз внимательно посмотрел на Оуэна. Его волосы и глаза были не такими темными, как у меня, но если бы не эта разница в цвете, его лицо вполне могло сойти за мое собственное.

— Ты сказал, что так и не смог найти женщину вроде Доркас… то есть ту, чей образ хранится в твоем медальоне. Но я все же думаю, ты повстречал какую-то женщину.

Я никак не мог встретиться с ним взглядом.

— Даже несколько, сьер.

— И стал отцом ее ребенка.

— Нет, сьер! — Он испугался. — Нет, сьер, ни-

когда.

— Очень интересно. У тебя когда-нибудь бывали конфликты с законом?

— Неоднократно, сьер.

— Что ж, кричать, конечно, незачем, но все же говори погромче. И при этом смотри мне в глаза. Женщина, которую ты любил, или та, что, возможно, любила тебя… темноволосая женщина, ее однажды арестовали, так?

— Было дело, сьер, — признался он. — Да, ее звали Катарина. Мне говорили, что это старомодное имя. — Он запнулся и пожал плечами. — Как ты верно отметил, сьер, мы нажили неприятности. Она сбежала из какого-то Ордена Мониалов. Закон настиг ее, и мы больше никогда не виделись.

Он не хотел идти с нами, но мы все же взяли его с собой, отправляясь назад к люгеру.

Когда я ночью поднимался по реке на «Самру», граница между живым и мертвым городом походила на пограничную черту между темной кривой мира и куполом звездного небосвода. Теперь, при ярком дневном свете, эта линия стерлась. Вдоль берегов тянулись ряды полуразрушенных строений, но то были жилища беднейших горожан или просто заброшенные остовы зданий — я не мог определить, пока не

заметил веревку, на которой трепыхались три тряпки.

— У нас в гильдии идеализируется нищета, — сказал я Дротту, пока мы стояли, опершись на планшир. — Но этим людям не нужен идеал. Они уже достигли его.

— А мне так кажется, что как раз его им и не хватает, — ответил он.

Он ошибался. Там был Предвечный, некто выше иеродулов и тех, кому они служили. Даже здесь, на реке, я чувствовал его присутствие, как чувствуешь присутствие хозяина большого дома, пусть он даже спрятался в потайной комнате на другом этаже. Когда мы сошли на берег, меня не покидало чувство, что, ступи я сквозь любой дверной проем, я непременно спугну некую сияющую фигуру; а повелитель всех подобных фигур пребывал повсюду, оставаясь невидимым лишь потому, что был слишком велик, чтобы окинуть его взглядом.

Мы нашли мужскую сандалию, ношеную, но не старую, валявшуюся в траве на одной из улиц.

— Мне говорили, что здесь бродят грабители, — заметил я. — Это одна из причин, почему я попросил вас пойти со мной. Если бы дело касалось только меня, я бы справился в одиночку.

Рош кивнул и вытащил свой меч, но Дротт произнес:

— Здесь никого нет. Ты стал не в пример мудрее нас, Северьян, и все же я полагаю, ты слишком привык к вещам, которые пугают обыкновенных людей.

Я спросил, что он имеет в виду.

— Ты понял, о чем пытался рассказать тот лодочник. Об этом ясно говорило выражение твоего лица. Ты тоже оробел или, по крайней мере, встревожился, но далеко не так сильно, как лодочник в ту ночь или как Рош, Оуэн или я, если бы кто-то из нас оказался тогда у реки и знал, что именно происходит. Грабители, о которых ты ведешь речь, прошлой ночью наверняка крутились поблизости, к тому же они должны следить за патрульными лодками. Держу пари, сегодня, а то и в течение следующих дней их и силой к воде не затащишь.

Эата дотронулся до моей руки.

— Думаешь, той девушке, Макселлиндис, небезопасно оставаться в лодке?

— Грозящая ей опасность не страшнее, чем та, что зависла по ее милости над тобой, — ответил я. Он не понял моих слов, зато я отлично знал, что говорю. Его Макселлиндис — не Текла; наши

истории не могли оказаться одинаковыми. Но за лицом беспризорницы с озорными карими глазами я видел вращающиеся коридоры Времени. Любовь — тяжкий труд для палачей; и даже если мне придется распустить гильдию, Эата, как все настоящие мужчины с их общим презрением к богатству, все равно станет палачом, и он приносит боль по самой своей природе и независимо от собственного желания. Мне его было жаль, но еще больше — Макселлиндис, племянницу моряка.

Мы с Оуэном вошли в дом, оставив Роша, Дротта и Эату сторожить на некотором расстоянии. Стоя у двери, я мог слышать тихие мягкие шаги Доркас внутри.

— Мы не скажем тебе, кто ты такой, — сказал я Оуэну. — И мы не в силах сказать, кем ты можешь стать. Но мы — твой Автарх, мы объясним тебе, что ты должен сделать.

Для него у меня не было ключевых слов, но оказалось, что они мне и не нужны. Как некогда кастелян, Оуэн поспешно опустился на колени.

— Мы привели с собой палачей, дабы ты знал, что ожидало бы тебя в случае непослушания. Но мы не хотим, чтобы ты ослушался, и теперь, встретив тебя, уже сомневаемся в необходимости

их присутствия. В этом доме есть женщина. Через мгновение ты войдешь туда. Ты должен рассказать ей свою историю, как рассказал нам. И ты должен остаться с ней и защищать ее, даже если она попытается прогнать тебя.

— Я сделаю все от меня зависящее, Автарх, — ответил Оуэн.

— Со временем ты должен уговорить ее оставить сей город смерти. А до тех пор мы даем тебе это. — Я достал пистолет и вручил его Оуэну. — Он стоит целого воза хризосов, но, пока ты здесь, дороже любого золота. Когда ты и эта женщина будете в безопасности, мы выкупим его у тебя, если пожелаешь. — Я показал Оуэну, как пользоваться пистолетом, и зашагал прочь.

Итак, я остался в одиночестве; несомненно, среди людей, прочитавших это слишком краткое описание не в меру бурного Лета, найдутся те, кто скажет, что я и прежде был одинок. Иона, мой единственный настоящий друг, сам считал себя обыкновенной машиной; Доркас, которую я все еще люблю, считает себя чем-то вроде призрака.

Позвольте с вами не согласиться. Мы лично останавливаем или не останавливаем свой выбор на одиночестве, когда решаем, кого принять в круг товарищей, а кого отвергнуть. Так, отшель-

ник в горной пещере имеет компанию, потому что птицы и кролики, новоявленные собратья, чьи слова живут в его «лесных книгах», да ветры, посланцы Предвечного, — вот его товарищи и друзья. Иной же человек, живущий среди миллионов себе подобных, пребывает в одиночестве, ибо вокруг него лишь враги и жертвы.

Агия, которую я мог бы полюбить, предпочла стать Водалусом в женском обличье, выбрав в качестве своего противника все самое живое в человечестве. Я мог бы любить Агию, я любил Доркас всем сердцем, но, возможно, все же недостаточно сильно; и вот теперь я одинок, потому что стал частью ее прошлого, а если отбросить первые дни нашего знакомства, она всегда любила свое прошлое больше, чем меня.

38. ВОСКРЕШЕНИЕ

Моя история почти подошла к концу. Наступил рассвет, взошло красное, как налитый кровью глаз, солнце. В окно дует холодный ветер. Скоро явится лакей с дымящимся подносом, вместе с ним, разумеется, согбенный Отец Инир, которому не терпится даже последние оставшиеся моменты посвятить обсуждению неотложных дел, старый Отец Инир, намного переживший свой недолговечный род, древний Отец Инир, который, боюсь, ненамного переживет это красное солнце. Как он будет огорчен, узнав, что я всю ночь просидел над рукописью здесь, в клерестории.

Вскоре мне предстоит облачиться в серебристую мантию, я стану носить цвета более чистые, чем белый. Впрочем, неважно.

На корабле дни потянутся долго и неспешно. Я буду читать. Мне еще многому нужно научиться. Я буду дремать на своей койке, слушая, как столетия обмывают корпус корабля. Эту рукопись я отошлю мастеру Ультану, но на борту в промежутках между сном, когда чтение утомит меня, я

перепишу ее заново, слово в слово, как записано здесь — ведь я ничего не забываю. Я назову ее «Книгой Нового Солнца», ибо, говорят, та книга, утерянная много веков назад, уже предсказала его приход. По завершении я запечатаю второй экземпляр в свинцовый ящик и пущу его дрейфовать по морям пространства и времени.

Рассказал ли я все, что обещал? Знаю, что в ходе своего повествования я неоднократно давал торжественное обещание, что тот или иной эпизод непременно прояснится в развязке. Разумеется, я ничего не забыл, но я помню еще и многое другое. Прежде чем вы посчитаете себя обманутыми, не поленитесь просмотреть рукопись заново, как я намерен вновь приступить к ее написанию.

Ныне я уяснил для себя два момента.

Прежде всего — я не первый Северьян. Те, кто шагает по коридорам Времени, видели, что он достиг Трона Феникса. Потому-то Автарх, которому рассказали обо мне, не удержался от улыбки в Лазурном Доме, а ундина вытолкнула меня на поверхность, когда, казалось, я должен был утонуть. (И все же первый Северьян явно не утонул; что-то уже начало перекраивать мою жизнь.) Позвольте мне представить, хоть это лишь догадка, историю первого Северьяна.

Думаю, он тоже был выпестован палачами. Наверное, его тоже отправили в Тракс. Он тоже бежал из Тракса и, хотя не нес с собой Коготь Миротворца, должно быть, участвовал в боях на севере — наверняка он надеялся скрыться от архона, растворившись в солдатской массе. Трудно сказать, при каких обстоятельствах он встретился с Автархом, но встреча состоялась. Итак, он, как и я (ведь в решающем смысле он был и есть я сам), в свою очередь, стал Автархом и отправился в плавание по ту сторону ночных светил. Затем те, кто шагает по коридорам, вернулись во время, когда он был молод, и тут началась моя собственная история, занявшая здесь не одну сотню страниц.

Поделюсь и вторым моим соображением. Он не был возвращен в свое время, но сам стал шагать по коридорам. Теперь я знаю личность человека, прозванного Главой дня, знаю, отчего погиб Хильдегрин, который был совсем рядом, когда мы встретились, и почему бежали ведьмы. Я также знаю, в чьем мавзолее я просиживал ребенком, в том небольшом, каменном здании с чеканным изображением розы, фонтана и летящего корабля. Я потревожил собственную гробницу, и теперь я направляюсь туда, чтобы обрести покой.

Когда мы с Дроттом, Рошем и Эатой вернулись в Цитадель, я получил срочные послания от Отца Инира и из Обители Абсолюта, но все еще медлил. Я попросил у кастеляна местную карту. После долгих поисков он принес мне большую старую карту, протертую во многих местах. На ней имелось изображение всей Стены целиком, но названия башен ничего не говорили не только мне, но и кастеляну. Попадались башни не из Цитадели, а некоторые знакомые отсутствовали.

Тогда я заказал флайер и полдня парил среди башен. Конечно, я много раз видел искомое место, но просто не смог его распознать.

Наконец, прихватив яркий, надежный фонарь, я вновь направился в подземную тюрьму, спускаясь ярус за ярусом, пока не добрался до самого нижнего. Любопытно, что за сила позволяет прошлому так прочно корениться в подземельях? Там по-прежнему валялась одна из мисок, в которых я носил суп Трискелю. (Трискель вернулся к жизни от прикосновения моей руки за два года до того, как я получил Коготь.) Я снова, как некогда еще учеником, прошел по следам Трискеля до забытой двери, а оттуда, уже по собственным следам, углубился в темный лабиринт тоннелей.

Теперь, при ровном свете фонаря, я увидел, где

именно потерял тогда след, проскочив то место, где Трискель свернул в сторону. У меня возник соблазн последовать за псом, чтобы, возможно, выяснить, куда он в итоге выбрался, с кем подружился и к кому потом спешил, когда, случалось, приветствовал меня на тропинках Цитадели. Вернувшись на Урс, я, быть может, так и сделаю, если, конечно, мне суждено вернуться.

Но я и на этот раз не свернул в сторону, а выбрал путь, который однажды уже проделал мальчишкой, и направился по прямому коридору, чей пол был покрыт слоем ила, а стены через редкие интервалы пронизаны угрожающими вентиляционными отверстиями и дверными проемами. Северьян, которого я теперь преследовал, носил неудобные башмаки со стоптанными каблуками и протертыми подошвами. Повернувшись и посветив фонарем назад, я обнаружил, что хотя у Северьяна-преследователя отличная обувь, шаги его неодинаковой длины, а носок одной ноги волочится. Один Северьян имел справные башмаки, подумал я, зато другой — справные ноги. И тут я рассмеялся своим мыслям, гадая, кто явится годы спустя и поймет ли он, что столь разные следы оставлены одним и тем же человеком.

Не берусь сказать, с какой целью были про-

ложены эти тоннели. Несколько раз я замечал ступени, спускавшиеся еще ниже, но они неизменно вели к темной стоячей воде. Я наткнулся на скелет, чьи кости раскатились под ногой бежавшего Северьяна, но то был всего лишь скелет, едва ли способный мне что-то поведать. Кое-где виднелись надписи, начертанные потускневшей оранжевой или стойкой черной краской, однако письмена эти не поддавались прочтению и были так же неразборчивы, как крысиные каракули в библиотеке мастера Ультана. В некоторых комнатах, куда я заглядывал, на стенах некогда тикали тысячи часов всевозможных видов; и хоть теперь все они были мертвы, их перезвон давно смолк, а стрелки заржавели, показывая время, которое уже никогда не Вернуть, я все же посчитал их добрым предзнаменованием для того, кто ищет Атриум Времени.

И вот наконец я нашел его. Маленькое пятнышко дневного света оказалось именно таким, каким сохранилось у меня в памяти. Глупо, конечно, но я погасил фонарь и постоял немного в темноте, глядя перед собой. В тишине подземелья этот неровный квадратик света произвел на меня столь же таинственное впечатление, что и прежде.

Я боялся, что не сумею протиснуться сквозь узкое отверстие, но если нынешний Северьян и был несколько шире в кости, зато он явно похудел, поэтому, поработав плечами, я без особого труда вылез наружу.

Памятный снег растаял, но разлившийся в воздухе холод подсказывал, что недалек тот день, когда снег выпадет вновь. Несколько мертвых листьев, которые забросил сюда гулявший в вышине ветер, теперь покоились среди увядающих роз. Накренившийся циферблат солнечных часов по-прежнему отбрасывал свои безумные тени, бесполезные, как те мертвые часы под землей, но не столь оцепенелые. Скульптуры животных, как прежде, смотрели на них немигающим взором.

Я подошел к двери, постучался. На стук откликнулась робкая старушка, знакомая мне по предыдущему разу, я шагнул в теплую комнату (где уже грелся однажды) и велел привести ко мне Валерию. Старушка поспешила прочь, но не успела она скрыться из виду, как что-то пробудилось в этих обветшалых стенах, и тысячегласый бесплотный хор потребовал, чтобы Валерия предстала перед некой издревле титулованной особой; и, вздрогнув, я понял, что речь идет именно обо мне самом.

Здесь мое перо замрет, читатель, но я продолжаю свой путь. Я провел тебя от ворот до ворот — от запертой, окутанной туманом решетки ворот некрополя в Нессусе до заоблачных ворот, которые мы зовем небом, тех, что, надеюсь, уведут меня за пределы ближайших звезд.

Перо мое замирает, но я не стою на месте. Читатель, дальше наши дороги расходятся. Пришла пора прощаться.

К сему манускрипту я, Северьян Хромой, Автарх, руку свою прилагаю в год, что назовут последним годом старого солнца.

ПРИЛОЖЕНИЕ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ АВТАРХА И КОРАБЛИ ИЕРОДУЛОВ

Наиболее темным местом в рукописи «Книги Нового Солнца» являются страницы, посвященные описанию оружия и военной организации.

Путаница с вооружением соратников и противников Северьяна имеет два объяснения, первое из которых состоит в стремлении самого Северьяна присвоить отдельное название каждой разновидности оружия, отличающейся конструкцией или назначением. При переводе мне приходилось прилагать немало усилий, чтобы удержать в уме основное значение использованных терминов, а также предполагаемый внешний вид и функции конкретного оружия. Например, сабля, трезубец и другие предметы вооружения. В одном случае я вложил в руки Агии атаме — специфический меч колдуна.

Второй источник трудностей заключается в наличии трех совершенно разных уровней технологии. Самый низкий уровень можно назвать кузнечным. Оружие этого уровня состоит

из мечей, ножей, топоров и пик — то есть изделий, которые мог бы выковать опытный кузнец, скажем, в XV веке. Такое оружие, по-видимому, доступно любому среднему горожанину и представляет собой технологические возможности общества в целом.

Следующий уровень можно назвать уровнем Урса. Сюда, несомненно, входит кавалерийское вооружение, которое я, ориентируясь на его длину, называл то копьями, то конти, а также пики, которыми стражники угрожали Северьяну за дверьми вестибюля. К этой группе правомерно причислить и оружие пехотных соединений. Насколько оно было распространено — из текста неясно; в одном месте автор упоминает «стрелы» и «хетены с длинным древком», продававшиеся в Нессусе. Едва ли стоит сомневаться, что нерегулярным воинам Гуазахта конти выдавали непосредственно перед сражением, а после собирали и где-то хранили — возможно, в его же палатке. Следует отметить, что таким же образом выдавалось и впоследствии забиралось стрелковое оружие на флоте в XVIII и XIX веках, хотя абордажные сабли и огнестрельное оружие можно было свободно купить на берегу. Арбалеты, которыми пользовались возле шахты убийцы,

нанятые Агией, я бы с уверенностью назвал оружием уровня Урса, но похоже на то, что те люди были дезертирами.

Таким образом, оружие Урса представляет собой высшую технологию планеты, но не исключено, что и всей Солнечной Системы. Трудно сказать, насколько эффективным оказалось бы это вооружение по сравнению с нашим. По-видимому, доспехи как средство защиты против упомянутого оружия не всегда бесполезны, что, впрочем, верно и применительно к нашим винтовкам, карабинам и автоматам.

Третий уровень я назвал бы звездным. Пистолет, отданный Теа Водалусом, и тот, который Северьян оставил Оуэну, — несомненно, звездного уровня, но что касается многих других видов оружия, упомянутых в рукописи, такой уверенности у нас нет. Например, в эту группу могут входить некоторые или даже все типы артиллерийских орудий, применяемых в ходе боевых действий среди гор. Фузеи и джезейлы у специальных подразделений по обе стороны фронта с равной долей вероятности можно приписать к этому уровню или отнести к другому, хотя я лично склоняюсь к первой точке зрения.Вполне очевидно, что звездное оружие не могло произво-

диться на Урсе и его приобретали у иеродулов по высоким ценам. Возникает интересный вопрос, на который я не могу предложить убедительного ответа. Какие товары шли в обмен на это оружие? По нашим меркам, Урс старого солнца, похоже, испытывал острую нужду в сырьевых ресурсах; когда Северьян говорит о разработке недр, он имеет в виду то, что в нашем понимании — всего лишь хищнические раскопки, а новые континенты (в пьесе доктора Талоса), которые якобы поднимутся с приходом Нового Солнца, ко всему прочему привлекают залежами **золота**, серебра, железа и меди… (курсив мой). Таким образом, среди возможных вариантов я бы назвал рабов (в обществе Северьяна, несомненно, присутствуют элементы рабовладения), меха, мясо и другие пищевые продукты, а также трудоемкие изделия, как, например, ювелирные украшения ручной работы.

Любая информация, заложенная в рукописях, требует внимательного рассмотрения, но прежде всего мы, разумеется, желали бы узнать побольше о кораблях, бороздящих межзвездное пространство под командованием иеродулов, подчиненными которых иногда выступают люди. (Две самые загадочные личности в манускрипте,

Иона и Гефор, похоже, некогда являлись членами подобных экипажей.) Но тут переводчик сталкивается с поистине удручающей проблемой — Северьян не способен провести ясное различие между космическими и океанскими кораблями.

При известных обстоятельствах такое недоразумение хоть и досадно, но вполне естественно. Если дальний континент расположен не ближе, чем луна, то и сама луна лежит не дальше, чем упомянутый континент. Более того, межзвездные корабли двигаются благодаря давлению светового потока на гигантские паруса из металлической фольги, а значит мачты, реи и тросы — обычное явление на кораблях обоих типов. Поскольку многие навыки (особенно способность выдерживать длительные периоды изоляции) одинаково важны на всех судах независимо от их назначения, команда самой жалкой, в наших глазах, посудины вполне могла бы завербоваться на корабль, потенциал которого поразил бы наше воображение.

И, наконец, последнее замечание. В своем переводе и приложениях я старался избегать каких бы то ни было теоретических построений. Теперь, когда мой семилетний труд близится к концу, я все же позволю себе высказать одно

предположение. По-моему, способность этих кораблей пересекать часы и зоны может быть не чем иным, как естественным следствием их способности проникать в межзвездное и даже межгалактическое пространство, спасаясь от предсмертной агонии вселенной. Таким образом, путешествие во Времени — не столь уж затруднительное занятие, как мы склонны думать. Кто знает, быть может, Северьян с самого начала имел некое представление о своем будущем.

Дж.В.